

ГОРБИ ГОРВУ

№ 11

ИЮЛЬ 2024

ХРОНИКИ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

БИТВА С АЛКОГОЛЕМ

Никита ПЕТРОВ. «Сколько раз тебе пытались этикетку изменить...». О водке в позднем СССР и антиалкогольной кампании. **стр. 4**

Речь идет о биологическом состоянии народа. Из дневников Анатолия ЧЕРНЯЕВА. **стр. 10**

Архивные документы (Подготовил Станислав КУВАЛДИН): «А кто захочет выпить, мог бы постоять». Женский взгляд на борьбу с пьянством; **стр. 12**

Дыры в бюджетах и скупость Минфина. Переписка республик и Центра о выпадающих доходах после старта антиалкогольной кампании; **стр. 13**

Антикризисная тутовка. Отмена антиалкогольной кампании в отдельно взятом Карабахе; **стр. 15**
«Преступники-подпевалы» в «неумно организованной кампании». Письмо о вырубке виноградников. **стр. 17**

М.С. ГОРБАЧЕВ. Замысел — благородный. Итог — плачевный. Об «антиалкогольной кампании». **стр. 18**

Рифмы: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. Веселие Руси. **стр. 20**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ. Последствия санкций: потери и приобретения. О жертвах и бенефициарах. **стр. 24**

Михаил ВИНОГРАДОВ. Политические игрища на историческом поле. Споры о событиях конца XX века превратились в баттлы о настоящем, прикрытые дискуссиями о прошлом. **стр. 30**

Ирина ХАЛИП. Белорусы как кочевой народ. **стр. 34**

О чем думают в России: социологическая рубрика. «Партия телевизора» не сдает позиции. **стр. 38**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Леонид НИКИТИНСКИЙ. Право на произвол. Оно делегировано представителям власти в их зонах ответственности. **стр. 44**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Елена ПАНФИЛОВА. Не уверены в мире. Но уверены в себе. Образ будущего в представлении молодых. **стр. 50**

Василий БУРОВ. Новые приключения Электроника. Искусственный интеллект заставляет переосмыслить сам подход к образованию. Но как человеку остаться умнее машины? **стр. 54**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Александр СОЛДАТОВ. Проклятие «Третьего имени». В процессе открытия архивов на постсоветском пространстве выясняются реальные масштабы церковной агентуры ГБ. **стр. 58**

Александр ПАНОВ. Хотели, как лучше, а получили мафию. К чему привел «сухой закон» в США 20-х — 30-х годов прошлого века. **стр. 64**

Наталья ГРОМОВА. Двойная жизнь Ольги Берггольц. Путь из комсомольского прошлого в трагические поэты. **стр. 70**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Александр ГЕНИС. Вагрич БАХЧАНЯН. Как рождались его знаменитые высказывания и теперь уже музейные коллажи. **стр. 76**

Роман ШАМОЛИН. Из чего состоит «русский человек». **стр. 86**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Нина ХРУЩЕВА. С ботинком против колониализма. Глава из книги «Никита Хрущев: вождь вне системы», подготовленной к печати. **стр. 90**

Клариса ПУЛЬСОН. Простые вещи. Обзор вышедших книг. **стр. 100**

ГОРБИ
GORBY

ХРОНИКИ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

Битва с алкоголем

ПОБЕДУ В НЕЙ НЕ ОДЕРЖАЛА
НИ ОДНА ИЗ ВОЮЮЩИХ СТОРОН

«Сколько раз
тебе пытались

**ЭТИКЕТКУ
ИЗМЕНИТЬ...»**

Бытовое пьянство и повсеместная алкоголизация населения стали одной из ключевых проблем советской системы, притом что к 1980 году доля алкоголя в розничном товарообороте в процентах

к реализации продовольственных товаров достигла показателя 31,4%. Алкогольной зависимостью страдали и обычные граждане, и сама власть. Как реагировало население на изменения (анти) алкогольной политики в советское время, рассказывает историк **Никита ПЕТРОВ**.

Никита

Петров

Как правило, результатом подорожания водки была замена этикетки. И получалось, что не цена растет, а просто та дешевая водка исчезает и появляется другая — новая, однако стоит она дороже. Люди все это понимали и шутили про смену этикеток, переименовая известную лирико-патриотическую песню («Много раз в тебе пытались душу русскую убить...»): «Сколько раз тебе пытались этикетку изменить...» Водка была очень прочно встроена в советский уклад жизни. Светские и религиозные праздники, торжества, свадьбы, похороны не обходились без водки на столах. А еще и обыденное времяпровождение и отдых. Отличительная черта советского общества — бытовое пьянство.

На троих

Конечно, с пьянством боролись. Стыдили пьяниц в фельетонах, клеймили языком плаката. Но порой невольно все вышло наоборот. Обложка первого за 1966 год номера сатирического журнала «Крокодил» запомнилась многим. На фото три популярнейших комедийных артиста Никулин-Вицин-Моргунов разыграли типичную сценку распития «на троих». Картинка получилась вкусной и с настроением. Так и слышалось зазывное бульканье разливаемой водки — музыка! Получилась как будто реклама: дескать, вот как надо. Действительно, сбросившись по рублю, можно было купить бутылку за 2 рубля 87 копеек (2,87), а оставшейся мелочи вполне хватало на символическую закуску. Чаше всего закусывали плавленым сырком,

хотя находились эстеты, предпочитавшие сладкий творожный сырок в шоколадной глазури. Они уверяли, что творожная масса сразу же обволакивает горло и смягчает водочную резкость, оставляя приятное послевкусие, как будто выпил чуть сладкий ликер. Но творожные сырки не всегда были в продаже.

А стакан? В теплое время года его можно было на время позаимствовать из уличных автоматов с газированной водой — дети подождут. А всесезонный вариант — распитие в тех же учреждениях общепита, в пельменных и чебуречных. Тут, правда, возникали дополнительные расходы на закуску.

Традиция распивания на троих — результат запрета в конце 1950-х продажи водки в розлив в столовых, буфетах и ларьках, разумеется, в рамках очередных мер борьбы с алкоголизмом. А торговая сеть предлагала в продаже бутылки водки емкостью 0,5 или — что реже — 0,25 литра. И как в таком случае выпить «с устатку» свою дозу по дороге с работы домой? Соборность поневоле, надо было найти еще двух заединщиков. Обычно рядом с торговой точкой и распивали — в скве-

рике или под кустами, где в утоптанную землю вросли крышечки от пивных бутылок и водочные «бескозырки». Бутылку с водкой венчала укупорка из плотной алюминиевой фольги с язычком для удобства открывания. То есть козырек-то поначалу у крышечки был, но потом исчез из соображений экономии металла, и получилась бескозырка.

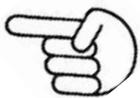
В упомянутом номере «Крокодила» речь как раз шла о том, не следует ли выпустить в продажу водку в 100-граммовых бутылочках. Дескать, тогда и традиция группового и неумеренного пьянства отпадет. Хоть и дельное, но наивное предложение. Народ предпочитал «150 с прицепом». То есть распить поллитровку и запить кружкой пива. Вот это норма. А власть была нацелена на борьбу с пьянством и не собиралась потакать уличному распитию.

К концу 1960-х в продаже были два наиболее популярных сорта водки — «Московская» за 2 рубля 87 копеек и «Столичная» по 3 рубля с небольшим за бутылку. Их этикетки не отличались изысканностью, зато были узнаваемы и всем известны.

Соотношение цена/градус

В мае 1972-го было принято постановление о борьбе с пьянством. Цену на водку подняли и ограничили время торговли — теперь спиртное продавалось лишь с 11 утра до 7 вечера. Получалось так, что в начале рабочего дня ничего прикупить не удастся. Ждали одиннадцати, и тут же снаряжали гонца в магазин. Шутили, что даже Ленин на юбилейной рублевой монете 1967-го провидчески указывал рукой на 11 часов. Как знал!

«Сколько раз тебе пытались

этикетку изменить...»

Теперь основными видами стали водка за 3,62 (самая дешевая), получившая в народе прозвище «коленвал» за пляшущие буквы на этикетке, и «Экстра» за 4,12, тут же получившая горестную расшифровку — «Эх, Как Стало Трудно Рядовому Алкоголику». А к середине 1970-х еще появилась «Старорусская», стоившая все те же 4,12. Столько же стоившая «Столичная» стала заметно реже встречаться в продаже. И, наконец, в 1977-м была выпущена водка «Русская», со все той же стандартной ценой 4,12, быстро приобретшая популярность и постепенно вытеснившая все остальное в той же ценовой категории. Появившаяся в 1976-м «Пшеничная» была заметно дороже остальных водок — 5,25, а после подорожания в 1981-м — 6,40, уже со стоимостью посуды.

Особняком стоит «Старка», она была весьма популярна в конце 1960-х и начале 1970-х, потом как-то незаметно исчезла из массовой продажи. «Старка» была чуть дороже водки — стоила 3,12 до подорожания в 1972-м, а потом — 4,62.

Подорожание крепкого спиртного в 1972-м было заметным и болезненным. Но что водка? Вот коньяк тогда подорожал вдвое. Тут же появилась шутка: «Какая формула у спирта? Понятно — це два аш пять оаш (C₂H₅OH). А формула коньяка — аж 8,12».

Появление новых сортов, буйство этикеток не меняли главного. Водка была двух основных видов — самая дешевая за 3,62 и подороже — 4,12. Эта магия цифр прочно отпечаталась в сознании миллионов. А названия и новые этикетки не играли особой роли в выборе напитка. Главное соотношение — цена/градус. Это особенно важно было при покупке крепленых вин. Нашлись умники, разработавшие несложные математические формулы для оценки этого показателя.

Ситуацию омрачало ограничение времени продажи. Где взять поздно вечером или ночью? До полуночи водку можно было купить в ресторанах — с наценкой в несколько рублей. Правда, зачастую официанты просили сесть за столик, сделать заказ и приносили бутылку уже открытой. Хорошо, если крышка была винтовая — можно было, расплатившись, отправляться восвояси и пить с домаш-

ней закуской. А ночью — у таксистов, но тут уж «воленс-неволенс» — двойная цена. Оно и понятно — наценки: «ночные», «колесные» и за риск. Статью за спекуляцию никто не отменял. Обычно таксист на вопрос о водке приглашал сесть в машину, отъезжал метров на сто

и только потом, получив деньги, вытаскивал бутылку, спрятанную в сиденье.

В сентябре 1981-го подорожали все спиртные напитки, включая вина. Повысилась и залоговая стоимость посуды: вместо 12 копеек — 20 за бутылку. Водочная дихотомия была нарушена. Ведь

раньше был основной вариант: самая дешевая водка и вторая — подороже, и составляли они, по сути, пару, но одного целого, на чем держались уклад, традиции, да если хотите — сама жизнь. А тут вместо 4,12 стало 5,30, и никаких вариантов дешевле. Цену на водку повысили ровно на 1 рубль 10 копеек. Куда это годится...

Понятно, были сорта и дороже, при том вполне изысканные. Ну, например, отличавшаяся крепостью в 45 градусов «Сибирская», но у нее и цена кусалась — 6,20. О всяких там вариантах «Посольской», «Золотого кольца» не стоит и говорить, мы ведь говорим о массовых пристрастиях. То же и о горьких настойках, считавшихся водкой, — «Кубанской», «Зубровке» и прочих. Их покупали, скорее, для создания разнообразия водок на праздничном столе — вот, мол, и такая, и такая, и еще вот такая. Для употребления в скверике или теплом подъезде шел дешевый вариант водки, а еще чаще — портвейн. Нет, конечно, не тот португальский за 4,60, которым изредка торговали в хороших магазинах в центре Москвы, а попроще, отечественный. Особо ценился «Агдам», не слишком сладкий и с легкой хересной ноткой, в отличие от более приторных портвейнов. Но описание всего связанного в те годы с портвейном — это целая планета. Об этом как-нибудь потом...

Казалось, все! Дешевле пяти рублей уже не будет водки. И тут как солнце выглянуло. В продажу выбросили водку по 4,70. Вообще-то это не было снижением цены. Это была реинкарнация пропавшей после сентября 1981-го водки за 3,62. Государственный стандарт на нее оставался в силе. И вдруг уже при генсеке Андропове в продажу поступила водка за 4,70, по тому самому стандарту. Народ возликовал. Фактически все выглядело так, как будто водка подешевела! Хотя это и был подорожавший вариант той самой водки за 3,62. Цена выросла ровно на 1 рубль 10 копеек, как это произошло с остальными сортами водки. Тогда в народном

разительная, цветом и дизайном отсылавшая к «Московской особой» — еще той, из 1960-х. Памятливые люди утверждают, что появилась она в продаже в четверг, 1 сентября 1983-го, и тут же была наречена «первоклассницей». Ее популярность и слава были невероятными. Казалось, сбылась старая присказка: «Товарищ, верь, придет она — на водку старая цена!» Конечно, 4,70 это не старая цена, но все какой-никакой просвет. Чуть больше года продолжался праздник у любителей выпить.

Беда грянула в мае 1985-го, и идиллия рухнула. Кончилась «доброта коммуниста». Залп дали сразу из трех орудий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая «Об усилении борьбы с пьянством» предписывал новые и суровые кары за самогонование, вовлечение в пьянство несовершеннолетних, распитие в общественных местах и на работе, появление в пьяном виде, нарушение правил торговли спиртным. Тут же 17 мая были опубликованы постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», открывшие антиалкогольную кампанию. Помимо прочих строгостей был введен запрет на продажу алкоголя лицам моложе 21 года, предусмотрено строительство новых лечебно-трудовых профилакториев, куда алкоголиков помещали против их воли и использовали их принудительный труд. А главное, что придумали: «...предусматривать, начиная с 1986 года, ежегодное сокращение объемов производства водки и ликеро-водочных изделий, а к 1988 году полностью прекратить выпуск плодово-ягодных вин».

Время начала продажи алкоголя в рабочие дни сдвинули с 11 утра на два часа пополудни. Подразумевалось, что теперь охочий до выпивки люд не сможет употребить ничего в свой обеденный перерыв. Какая наивность. На производстве было много чего спиртосодержащего, и тут только приложи ум и смекалку.

Широкие народные массы сразу же связали антиалкогольную кампанию

фольклоре прочно закрепилось название водки — «Андроповка». И даже расшифровка самого слова «водка»: «Вот Она Доброта Коммуниста Андропова». Были и другие схожие варианты расшифровки.

И, разумеется, у этой водки опять была новая этикетка. Простая, но вы-

с именем нового генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева. Мало кто знал, что все это готовилось и обсуждалось еще при Андропове, и одним из инициаторов был переведенный на работу в Москву и избранный секретарем ЦК Егор Лигачев. Но прозвище «минеральный секретарь» прилепилось к Горбачеву. Он отнесся к этому с юмором и даже любил пересказывать появившиеся во множестве анекдоты о себе. Например, такой. Увидевший длиннющую очередь в винный магазин гражданин с негодованием воскликнул: «Ну все, иду в Кремль убивать Горбачева». Через час, вернувшись, посетовал: «Там очередь еще больше!»

И, конечно, подорожание спиртного. Водка сразу же поднялась до 7 рублей, через год — уже 9, а затем к 1991-му цена перевалила за десятку. И то не купишь — исключительно по талонам, только две бутылки в месяц на человека.

«Полина Тихоновна» и «Борис Федорович»

Расцвело самогонование. Все строгости — усиление ответственности от административной до уголовной и конфискация аппаратов — не помогали. Преимущественно сельское занятие стало уделом горожан. Гнали самогон все, кому не лень и кто как мог. И из всего, что поддавалось сбраживанию. Тут и сахар, и томатная паста и много чего еще. При правильной постановке дела из килограмма сахара выходил один литр самогона. И это при цене сахара 94 копейки за кило! Ну как тут не гнать? Вот только из табуреток не гнали, хотя за домашним продуктом и закрепилось ироничное название «табуретовка». Сделанный наскоро самогон тех лет был не слишком очищен от сивушных масел, хоть многие производители и потребители нахваливали — «как слеза!».

Более «качественные» продукты могли предложить советское промышленное производство. Где использовался технический, пусть даже гидролизный спирт — там был просто праздник. Его пили и не знали горя. Немного сложнее с денатуратом. Это был этиловый спирт, окрашенный фиолетовым красителем и с примесью гадкого по запаху пиридина. По замыслу, эти добавки делали спирт непригодным для питья. Но и на этот, специально сделанный с отвратительными вкусовыми свойствами и окрашенный в непивной цвет напиток находились любители.

«Сколько раз тебе пытались

этикетку изменить...»

Пили его неразбавленным, сразу же запивая водой (при разбавлении он мутнел). После приема внутрь следовало выждать, затаив дыхание, — чтобы «прижился», а то, не ровен час, мог и назад пойти. Ценители этого напитка называли его ласково «маленький синий глоточек». А эстеты просто пропустили денатурат через противогазную коробку с активированным углем, и, говорят, это заметно повышало его вкусовые свойства. Не кальвадос, конечно, но все же.

А где не было этих напитков, там выручали старые добрые знакомые — «Полина Тихоновна» и «Борис Федорович». В употреблении политуры, она-то и звалась ласковым и уважительным именем «Полина Тихоновна», тоже были свои приемы — фильтрация через активированный уголь, А еще, из разряда экзотических методов — проливание политуры, да и других спиртосодержащих жидкостей на охлажденную до очень низких температур наклоненную вниз металлическую гладкую поверхность — побочные продукты и примеси замораживались, и спиртовая основа приобретала столь желанную чистоту.

У «Бориса Федоровича» нрав был круче, но и его можно было обуздать нехитрыми техническими приемами. Клей БФ содержал в своей основе этиловый спирт, причем изрядную долю. Но вот как отделить его от растворенной в нем смолы? Тут в ход шла уже высокая химия. Следовало добавить в клей подсоленную воду и запустить внутрь мешалку (обычно использовался сверлильный станок). Фенолформальдегидная смола постепенно наматывалась на лопасти мешалки, а спирт переходил в водяной раствор. И никаких чудес. В химии такой процесс называется высаливанием. Что ж, химиками поневоле в те годы становились многие. Конечно, полученная «водка» была соленой. Но тут уж не до жиру. Кстати, тем же методом можно было очистить для питья и политуру. Все зависело от ее густоты и вязкости.

Что уж говорить о неимоверно возросшей популярности одеколонов и парфюмерных жидкостей: «Розовая вода», «Огуречный лосьон»... Тут все просто готово к употреблению и продается уже с утра, как только первые промтоварные магазины открываются. О слегка зеленоватом на цвет «Огуречном лосьоне» даже шутили —

вот, прямо и не надо закусывать, все уже в напитке есть, прямо «два в одном». И это тоже были отголоски армейских привычек. Если где-то у забора воинской части лежали горочкой флаконы от одеколона, можно было не сомневаться — гулянка была на славу. Кстати, армейский арсенал дополняли и спиртосодержащие зубные эликсиры. И как тут не вспомнить коктейль «Слеза комсомолки», который причудливой фантазией Венедикта Ерофеева был составлен из одеколона «Лесная вода», лака для ногтей, зубного эликсира и прочих ароматных ингредиентов.

Аптекарские настойки — особый жанр. Тут без должного опыта никак. Нужна была тренировка, как с денатуратом. Например, спиртовую мятную настойку сохранить в желудке не каждому удавалось — настоятельно просилась назад.

Еще можно вспомнить и жидкость для мойки стекол — «Нитхинол». Тоже, между прочим, голубого цвета. Почему-то считалось, что жидкость такого цвета пить не

будут. В состав «Нитхинола» входил этиловый спирт, пусть и немного, всего порядка 8 процентов, но уже это делало напиток привлекательным. А значит, потребитель найдется.

Из армейской же практики пришел рецепт намазывания на кусок черного хлеба густого слоя гуталина. Нет, конечно, сам гуталин не ели, но, выдержав паузу, его нужно было счистить, а хлеб, пропитавшийся спиртовым содержанием, — уже что-то. А еще из разряда преданий трудных времен сохранились шутки о коктейле «Три пшика» — очень простого в приготовлении: в кружку пива нужно было три раза пшикнуть из баллончика с дихлофосом. Да, в арсенал токсикоманов этот инсектицид вошел прочно — им дышали под целлофановым пакетом. Был ли эффект? Об этом стоит спросить у посвященных, но отравлений бытовой химией в те годы было немало.

Общий спад продаж спиртных напитков во время антиалкогольной кампании был значительным. Если в 1978–1984 го-

Соцсети

Петр САРУХАНОВ

дах годовая продажа водки и ликеро-водочных изделий держалась на уровне порядка 200 миллионов декалитров, то в 1987-м всего 75 — спад более чем в два раза. Продажа шампанского не претерпела значительных изменений. Продажа пива испытала незначительный спад. Самый серьезный удар пришелся на «бормотуху». Столь любимый населением портвейн, всегда доступный в продаже, теперь было труднее всего сыскать. В 1984-м в благополучную пору было продано 300 миллионов декалитров виноградных и плодово-ягодных вин. А в 1987-м наблюдался спад более чем в три раза. В 1988—1989 годах наметился небольшой рост, но в последующие годы — катастрофический спад до 40 миллионов декалитров в 1993-м.

Очевидно, пристрастия и вкусы населения к этому времени сильно изменились. Наступила эпоха пива и крепких напитков.

Устоял и даже набрал сил коньяк. С 1986-го по 1989-й его продажа выросла в два раза. Отчасти это вполне соответствовало линии партии на увеличение доли качественных напитков в питейном рационе. Ну и понятно — повышение общей культуры питания.

Снижение продаж спиртного пробило брешь в бюджете, и даже рост цен не помог. Эх, не надо было начинать с этого перестройку и демократизацию. Может быть, под хмельком они бы пошли веселее. Но такова была объективная реальность. Сложившуюся в стране ситуацию действительно надо было решительно менять. В 1983-м потери рабочего времени в промышленности и строительстве из-за прогулов и простоев превышали 30 миллионов человеко-дней. И пьянство было основной причиной.

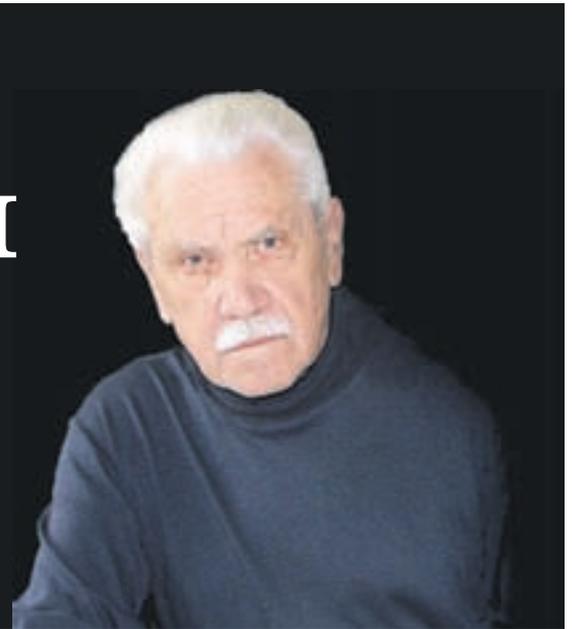
Уже в 1988-м антиалкогольная кампания выдохлась, а дефицит спиртного остался. Водку стали продавать по талонам, да еще

и требовалось сдать взамен покупаемых столько же пустых водочных бутылок. Так люди и носили с собой пару пустых бутылок, вдруг где-то водка встретится, и очередь будет не слишком большая.

Коренной перелом наступил в 1992-м. Цены отпустили, государственную монополию внешней торговли отменили. Наступило буйство рынка, и на алкогольном небосклоне зажглась суперзвезда — зарубежный спирт «Рояль». Это было спасение. Из одной литровой бутылки «Рояля» при разбавлении до 40 градусов получалось пять бутылок водки. И обходились они дешевле водки из магазина. А главное — никаких талонов. Все, свобода!

Никита Петров

Речь идет о биологическом состоянии народа

6 апреля 1985 г.

В четверг ПБ обсуждало опять — о пьянстве. Докладывал Соломенцев. 9 млн подбирают на улицах. Полтора млн — на принудительном лечении. Женщины составляют более трети пьяниц и алкоголиков. Молодежь — половину. В то время как в царской России женщин-пьяниц почти не было, а молодежи и вовсе. По потреблению алкоголя на душу мы превзошли дореволюционную Россию в два с половиной раза. 30 млрд в год прямого убытка, а если считать косвенные последствия — все 80 млрд¹. В то время как от продажи водки — доход 5 млрд. Горбачев говорил, что речь идет не только о главной социальной проблеме настоящего времени, а о биологическом состоянии народа, о его генетическом будущем. И если мы этой проблемы не решим, ни о каком коммунизме не может быть и речи.

Когда Деменцев (зампред Госплана)² попытался «попросить», чтоб не сразу отменяли водочные статьи дохода, мол, трудно будет залатать, Горбачев его «смазал»: в коммунизм на водке хочешь вплыть!

Намечены меры: отменяется совсем производство «бормотухи», резко сокращается производство водки, за самогон — штрафы не 100–200 рублей, а 1000 — на

первый случай. Ликвидировать все подсобные ресторанчики при райкомах и обкомах — для начальства. Запретить банкеты по многим случаям. Для руководителей всех рангов в пьяном виде на работе — беспощадное и немедленное снятие, вплоть до исключения из партии. И публиковать в печати все такие случаи.

Однако многие в ПБ (вопрос обсуждался в течение двух часов) напомнили, что в 1973 году было принято не менее грозное постановление. Год, два что-то делали, а потом стало еще хуже: потребление алкоголя с тех пор удвоилось.

Сказано было, между прочим, и об аппарате ЦК и международниках, которым «по долгу службы» приходится заниматься этим делом. И предупреждение сделано.

А что нам делать, когда зам. зав. Шапошников — канцлер по кадрам! — возглавляет всю отдельскую пьянь и сам ставит чуть ли не ежедневные рекорды, в том числе — на работе!

Из книги: ЧЕРНЯЕВ А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. С. 617–618.

Соцсети

¹ Например, только обслуживающий персонал вытрезвителей насчитывает 75 000 человек. А толку от них — никакого. — А. Ч.

² Деменцев Виктор Владимирович (1918–2010) — с 1973 г. первый заместитель министра финансов СССР. С января 1986 г. председатель правления Госбанка СССР. С августа 1987 г. персональный пенсионер союзного значения.

«А кто захочет выпить, мог бы постоять»

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА БОРЬБУ
С ПЬЯНСТВОМ

Уважаемые товарищи!

Что же у нас происходит?
уже перестала помешать, бороться
дальше, сократили продажу спиртных напитков
вдруг все возвратилось обратно, не только
продуктовые магазины будут торговать
ищи. Это потому что магазины не выпол-
от план и не могут торговать? Или теперь
будут сить, а будут пить? Видно это сделали
просьбе тех, кто хочет пить, но не хочет
пить в очереди. А как же женщины таскают
за продуктами и это никого не вол-
ит. Дома, не секрет, что не все мужчины
могут, в основном работают и выдвигают
тот, а в свободное время некоторые (а
не мало) пьют. Так, значит это удобство
и пьющих. Молодежь раньше пила в
женский перерыв сухое вино и теперь
это возобновят. Что же это будет
рабшники?

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 149.
Д. 499. Л. 75, 75 об.

В популярной памяти антиалкогольная кампания осталась скорее как крайне неудачное и непопулярное мероприятие, запомнившееся главным образом лицемерными призывами к трезвому образу жизни и резким повышением повседневных сложностей по приобретению алкоголя — исчезновением винных отделов в продовольственных магазинах, сокращением точек продажи алкоголя, резким увеличением очередей за спиртным, продавать которое стали значительно меньше и по более высоким ценам. По-видимому, положительные эффекты кампании — сокращение смертности, вызванных алкоголем бытовых преступлений, заметное увеличение рождаемости в 1985–1987 гг. и другие предсказуемые эффекты от снижения потребления алкоголя народной памятью не зафиксировались. Что говорит и об особенностях этой памяти, и о том, кто, оказывается, наделен возможностью говорить «от имени народа». Хотя очевидно, что единодушного мнения — тем более по такому тяжелому вопросу, как массовое пьянство и алкоголизм и борьба с ними в огромной и сложно устроенной стране, — существовать не могло. Это можно видеть и по отдельным реакциям на фактическое сворачивание антиалкогольной кампании после 1987 года. К этому времени в советской экономике уже накапливались серьезные дисбалансы, вызванные в том числе сокращением поступлений в бюджет после сокращения выпуска алкоголя, а также разрушением прежних схем поставок и распределения товаров из-за начинающихся экономических преобразований. Во многих городах заметно усилился дефицит продовольствия, что не добавляло популярности руководству страны. Воли и ресурсов на проведение дорогостоящей кампании по изменению массовых общественных привычек у государства уже не было. В августе 1988 года Совмин СССР принимает Постановление № 990, в котором среди мер по улучшению снабжения населения продовольствием упоминались планы увеличения продажи алкогольных напитков на 25% до 1990 года. Тогда же было разрешено вернуть продажу алкоголя в продовольственные магазины. Власти признавали, что не в состоянии продолжать борьбу с пьянством и готовы заодно облегчить жизнь всем желающим выпить, увеличив количество мест продажи и не заставляя покупателей толкаться в многочасовых очередях за спиртным

«А кто захочет выпить...»

В октябре 1988 года в ЦК КПСС пришло написанное от руки письмо от гражданки Бухановой, участницы Великой Отечественной войны и ветерана труда. Признавая, что ее позиция — «голос в пустыне», она тем не менее хотела сообщить коммунистическому руководству о своем недоумении из-за сворачивания борьбы против пьянства. Прежде всего удивление Бухановой вызывало решение вернуть продажу алкоголя в продовольственные магазины. При этом критика решения властей строилась не просто на неприятии отказа от борьбы с пьянством, но использовала то, что сейчас назвали бы феминистской оптикой. Буханова пишет, что вино и спиртное решили вернуть в продовольственные магазины, вероятно, «по просьбе тех, кто хочет пить, но не хочет стоять в очереди».

И тут же указывает, что женщинам сейчас также приходится часами стоять в очереди за обычными продуктами, «но это никого не волнует». Вряд ли необходимо пояснять, что очереди за алкоголем составляли в то время почти исключительно мужчины. Далее составительница письма указывает на то, что домашняя работа в советских семьях очень часто также лежит лишь на женщинах, мужчины же «в основном работают и отдыхают, а в свободное время некоторые (а их немало) пьют». То есть решение расширить продажу спиртного создает «удобства для пьющих», в то время как все большие сложности с продажей продуктов увеличивают обычные продовольственные очереди, где главным образом вынуждены стоять женщины. Получается, пишет Буханова, что женщина «должна работать, вести хозяйство, воспитывать детей и стоять в очередях». «Кто же захочет иметь

детей?» — спрашивает она получателей письма в ЦК КПСС. В конце письма она вновь формулирует свой главный тезис: «Вино это не еда, а кто захочет выпить, мог бы постоять, ведь стоят женщины часами за продуктами». Сложно сказать, сколько жителей, а прежде всего жительниц СССР, могли тогда разделить взгляд Бухановой на отмену борьбы с пьянством и несправедливое потворствование пьющим мужчинам при игнорировании положения женщин, вынужденных гоняться за исчезающими продуктами. Гендерный дисбаланс в распределении семейных хозяйственных обязанностей многими тогда воспринимался скорее иронически. Сама Буханова, напомним, называла свою позицию «голосом в пустыне». Это, впрочем, еще раз заставляет задуматься о том, чей голос мы слышим прежде всего в воспоминаниях о «горбачевской борьбе с пьянством».

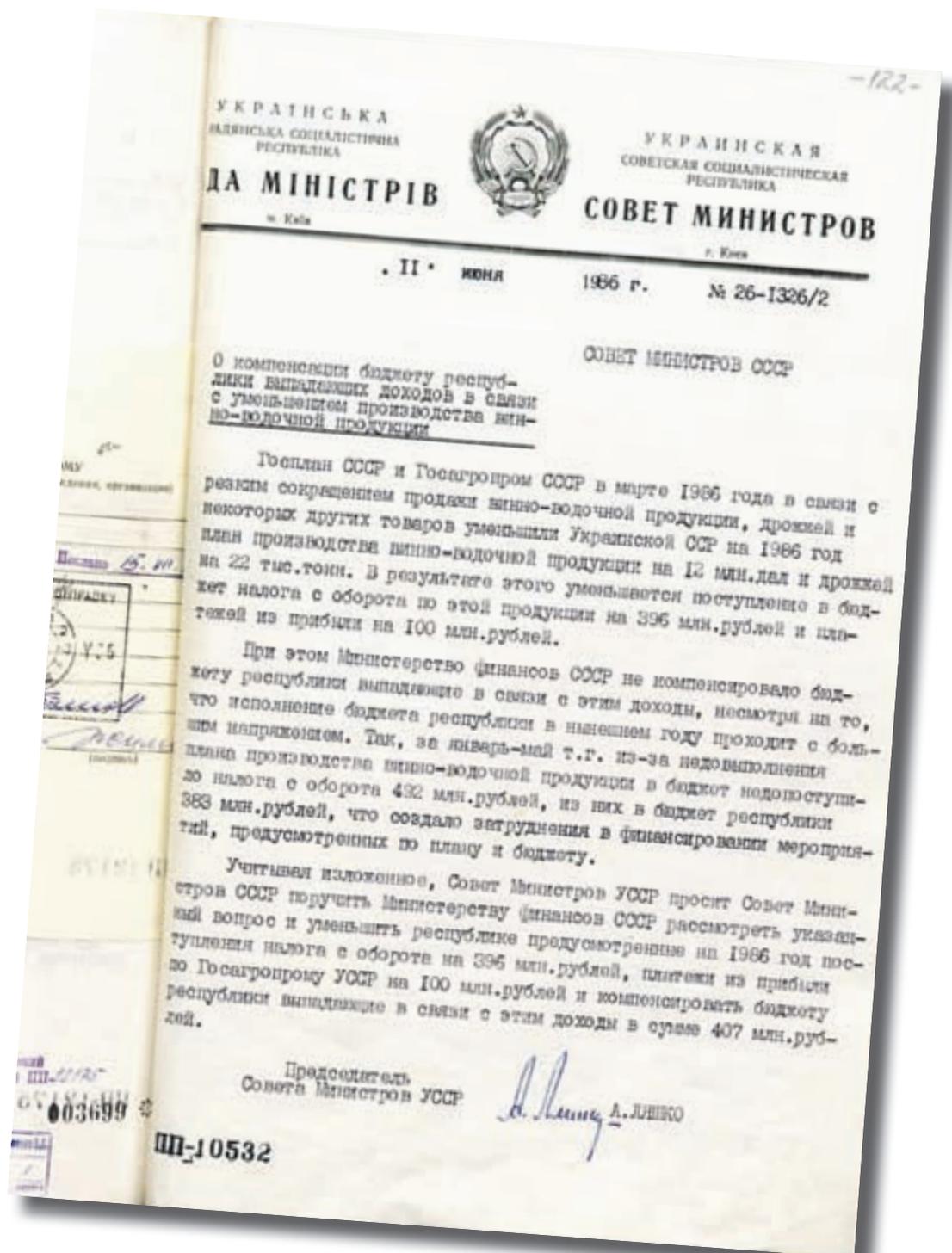
Дыры в бюджетах и скупость Минфина

ПЕРЕПИСКА РЕСПУБЛИК И ЦЕНТРА О ВЫПАДАЮЩИХ ДОХОДАХ ПОСЛЕ СТАРТА АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 147.
Д. 695. Л. 122, 124.

Начатая в 1985 г. кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом имела разнообразные социальные и экономические последствия, одним из которых оказалось воздействие принятых мер на бюджетные доходы. Одним из наиболее очевидных инструментов данной кампании стало сокращение производства всех видов алкогольных напитков. Некоторые из них — например, плодово-ягодные вина предполагалось прекратить выпускать вовсе. Другие — заметно сократить. При этом продажа алкоголя обеспечивала часть бюджетных доходов, что оказывалось довольно сложно игнорировать при отнюдь не блестящем положении советской экономики. Частично выпадение доходов компенсировалось за счет резкого повышения цен на алкоголь (прежде всего, крепкий), однако полного восполнения сумм, прежде получаемых бюджетом за счет продажи алкогольной продукции, не происходило. Тем более что остановка производства алкоголя вызывала и дополнительные расходы — заводы требовалось перепрофилировать, а для всей цепочки продукции, прежде требовавшейся на выпуск алкоголя (дрожжи, виноград, ягоды, фрукты и т.д.), — искать новые способы переработки и реализации.

Все это становилось поводом для напряжения и беспокойства у руководителей различного уровня.

Дыры в бюджетах...

Одним из примеров может быть письмо в Совет Министров СССР от Председателя Совета Министров Украинской Советской Социалистической Республики Александра Ляшко от 11 июня 1986 г. В письме глава украинского республиканского правительства указывает, что в связи с началом борьбы с пьянством и алкоголизмом Украине резко уменьшили план на производство алкогольной продукции и дрожжей, из-за чего поступления в бюджет налога с оборота от продажи алкоголя уменьшатся на 396 миллионов рублей, а от налога на прибыль предприятий — на 100 миллионов рублей. Ляшко сообщает о том, что бюджет Украины уже испытывает трудности из-за недополучения средств, и настаивает на том, чтобы все выпавшие суммы (и почему-то дополнительно 1 миллион рублей) оказались компенсированы Министерством финансов СССР за счет союзного бюджета.

Налог с оборота, а также налог на прибыль предприятий были основными инструментами пополнения бюджета в СССР. Их заметное снижение действительно должно было означать очевидные сложности в сведении показателей

и финансировании бюджетных статей. Учитывая, что Крымский полуостров — винодельческий регион союзного значения находился в составе Украинской ССР, а развитое сельское хозяйство других украинских регионов также было связано в том числе и с производством алкогольных напитков, беспокойство Ляшко было вполне обоснованным. Впрочем, масштаб вызванных проблем может быть предметом особых дискуссий. Можно, в частности, вспомнить широко известную и часто приводимую в сетевых спорах цитату секретаря ЦК Коммунистической партии Украины в 1971—1987 гг. Якова Погребняка, согласно которой «за время борьбы за трезвость Украина потеряла примерно пятую часть своего бюджета». Однако согласно справочным данным о бюджете СССР (все данные взяты из Краткого статистического сборника по Государственному бюджету СССР за 1988 г., где представлена статистика за несколько предыдущих лет), поступления от налога с оборота в бюджете Украинской ССР составили в 1986 г. 12 млрд 631,1 млн руб., а от прибыли предприятий около 13 млрд рублей. Уменьшение таких сумм на 396 и 100 миллионов рублей соответственно, при

всей неприятности, вряд ли должно было нести действительно катастрофические последствия.

Стоит заметить, что в ответе, поступившем из Министерства финансов СССР на запрос Ляшко 17 июня 1986 г., указывалось, что в целом по СССР суммы от налога с оборота из-за снижения продажи алкоголя должны были уменьшиться на 13 миллиардов рублей, поэтому компенсировать выпадающие доходы отдельной республике министерство возможности не имеет и «следовало бы поручить Совету Министров Украинской ССР принять меры по восполнению выпадающих доходов».

13 миллиардов — сумма действительно большая — общие поступления от налога с оборота в союзный и республиканские бюджеты составили около 91 млрд рублей. То есть на общесоюзном уровне потери от радикальных решений от антиалкогольной кампании были действительно серьезными. Возможно, именно в это время республиканские власти получили первый сигнал, что у союзного центра хватает финансовых проблем и помогать республикам (возможно, преувеличивающим свои затруднения) он не собирается. Дальше пришло время для собственных выводов и размышлений.

Вырубленный виноградник в Крыму

Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 490. Л. 3.

Один из примеров сложного переплетения кризисных сюжетов в годы преобразований эпохи перестройки можно увидеть в письме, отправленном в феврале 1989 г. из Закавказья.

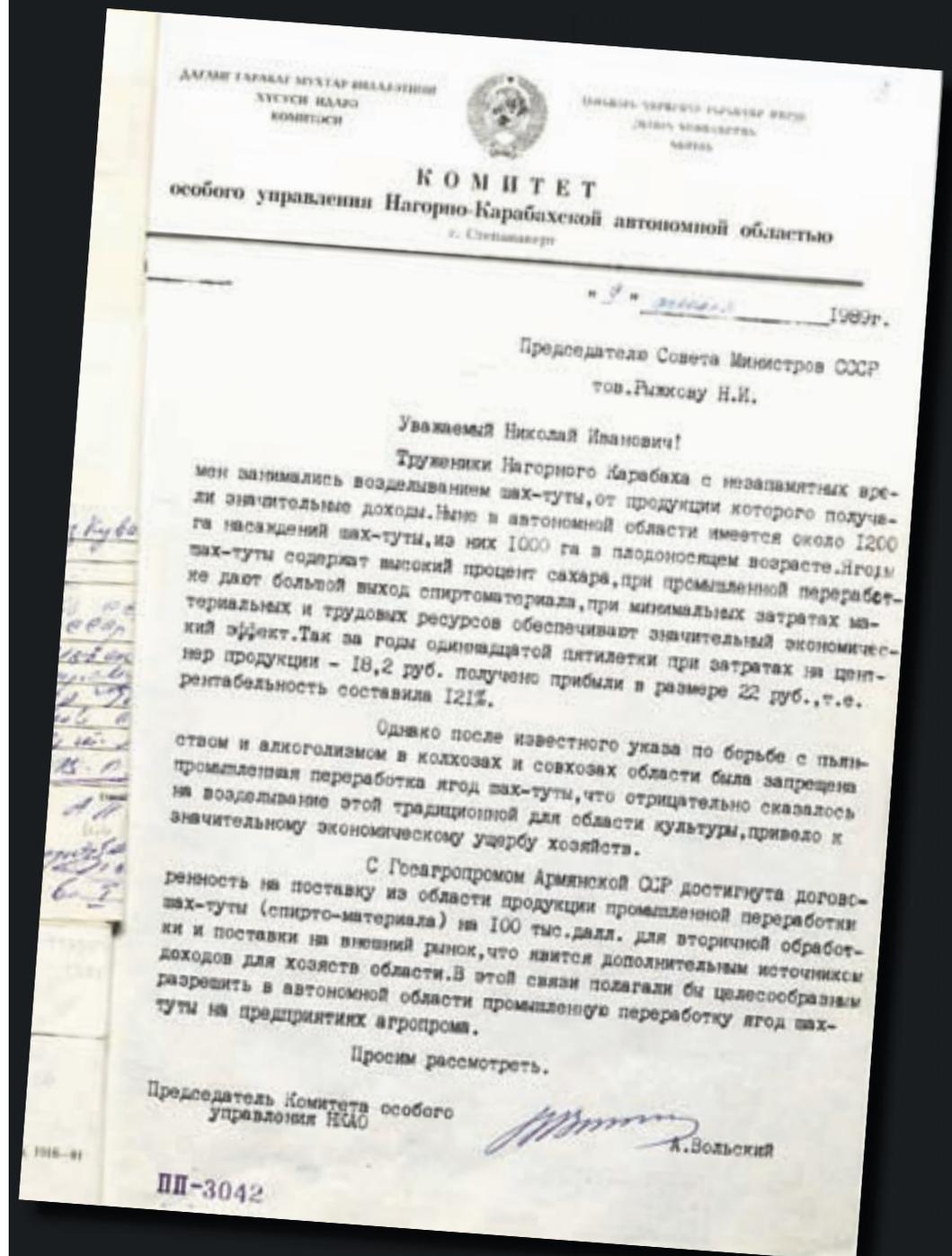
Автором письма, адресованного председателю Совета Министров СССР Николаю Рыжкову, был Аркадий Вольский — в прошлом помощник по вопросам экономики Юрия Андропова и Константина Черненко, один из близких сподвижников Михаила Горбачева в эпоху перестройки, занимавшийся в том числе особо сложными и нестандартными поручениями.

В момент составления данного письма Аркадий Вольский занимал должность главы Комитета особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью. Эта чрезвычайная структура с особыми полномочиями была создана решением Президиума Верховного Совета СССР в ответ на кризисную ситуацию и национальные волнения в Нагорном Карабахе — на тот момент автономной области в составе Азербайджана, населенной преимущественно армянами. С 1988 г. армянское население Карабаха активно требовало в рамках самоопределения выхода из подчинения Баку и присоединения к Армянской ССР. Вопрос крайне остро воспринимался как в Армении, так и в Азербайджане и уже приводил к национальным погромам и взаимному изгнанию «нетитульного» армянского и азербайджанского населения из традиционных мест проживания в обеих республиках.

В качестве ответа на разворачивающийся кризис Нагорный Карабах был временно передан в подчинение непосредственно Москве, которое и должен был осуществлять Комитет особого управления. Структуры исполнительной власти автономной областью и местный обком партии были распущены. Вольский стал своеобразным «наместником» Нагорного Карабаха и должен был найти меры по разрешению острых национальных противоречий, всплывших наружу на фоне начавшейся либерализации советского режима и постепенного снятия запретов на общественные дискуссии.

Антикризисная тутовка

ОТМЕНА АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ КАРАБАХЕ

Антикризисная тутовка

Известно, что экономист и управленец Вольский за время краткого управления Нагорным Карабахом (уже 28 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР подтвердит решение Баку о ликвидации Комитета особого управления) старался, прежде всего, решить материальные проблемы региона и найти дополнительные источники для экономического развития и повышения доходов населения. Возможно, в этом была излишняя надежда технократа на то, что за любым конфликтом стоит экономическая подоплека.

Как бы то ни было, уже в феврале 1989 г. (то есть через несколько недель после вступления в должность) Вольский обращается к Председателю Совета Министров СССР с просьбой разрешить в регионе выделку спирта из шах-тута.

Шах-тут — одно из названий ягоды шелковицы. По какой-то причине Вольский решил воспользоваться местным наименованием этого плодового дерева. В письме несколько поэтически говорится о том, как «труженики Карабаха с незапа-

мяных времен занимались возделыванием шах-туты». Далее он, впрочем, переходит к делу, указывая на то, что ягоды шах-тута содержат значительный процент сахара, а потому «при промышленной переработке дают большой выход спиртоматериалов, при минимальных затратах материальных и трудовых ресурсов обеспечивают значительный экономический эффект».

Производство водки из тутового спирта действительно было традиционным промыслом жителей Нагорного Карабаха еще с дореволюционных времен, сохранявшееся в том или ином виде и в советскую эпоху. Однако теперь на пути данного традиционного занятия лежало препятствие, связанное с другим решением, ознаменовавшим первые годы правления Горбачева, — кампанией по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Одной из мер этой кампании стал запрет с 1987 г. переработки любых плодов и ягод (кроме винограда) на алкоголь. Решение было направлено на остановку производства плодово-ягодных вин — низкокачественных и дешевых алкогольных напитков, часто выпускаемых местными подсобными производствами,

которые, как считалось, вносили большой вклад в низовую алкоголизацию населения, особенно в провинции. Тем не менее под запрет попало любое промышленное производство алкоголя из фруктов и ягод — включая перегонку на спирт.

Как указывает Вольский, решение «отрицательно сказалось на возделывании (так в документе. — Ред.) этой традиционной для области культуры, привело к значительному экономическому ущербу хозяйствам».

Стоит отметить, что Нагорный Карабах был шелководческим регионом и шах-тут (посадки которого, согласно письму, занимали там 1200 гектаров) выращивался как база шелководческой промышленности. Однако переработка ягод, видимо, давала заметный дополнительный доход местным колхозам и совхозам.

Вольский просит Рыжкова сделать исключение для Нагорного Карабаха и разрешить региону производить тутовый спирт. При этом в письме указывается, что спирт будет куплен Госагропромом Армянской ССР (учитывая особенности советской экономики, спирт из автономной области Азербайджана до этого вряд ли поставлялся на предприятия соседней республики), а затем после дополнительной обработки окажется направлен на экспорт — то есть возобновление выгонки спирта из шелковицы не должно повлиять на появление не предусмотренного новыми правилами видов алкоголя на прилавках советских магазинов.

К 1989 г. антиалкогольная кампания фактически сходилась на нет. На первый план выходили гораздо более серьезные вызовы внутренней стабильности — такие как обострение национальных конфликтов. Письмо Аркадия Вольского — своего рода передача эстафеты от одного этапа перестройки — другому. Известно, что Правительство СССР довольно быстро разрешило возобновить выгонку тутового спирта в Нагорном Карабахе (что, учитывая закупку спирта Госагропромом Армянской ССР, позволило наладить дополнительные связи региона с Арменией). По-видимому, это помогло легализовать традиционные занятия местных жителей, ненадолго попавшие под не вполне обоснованный запрет. Однако вряд ли существенно сказалось на смягчении межнациональных противоречий.

ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 150.
Д. 490. Л. 26.

В 1989 году, с началом работы Съезда народных депутатов СССР и выбора нового состава Верховного Совета, в адрес новых народных избранников стали поступать самые разнообразные письма с мест. Работа новых представительных органов транслировалась в прямом эфире телевидения, а выступления депутатов превратились в эмоциональный форум для обсуждения многочисленных наболевших вопросов позднесоветского общества и государства. Отчасти это влияло и на стилистику поступивших писем.

В частности, летом 1989 года в адрес председателя комитета Верховного Совета по аграрным вопросам и продовольствию поступило письмо от гражданина Скелетова, который предлагал обратить внимание на информацию из статьи газеты «Известия» от 19 августа 1987 г. под заголовком «Опять бормотуха».

Сама по себе небольшая заметка «Известий» была посвящена скорее выявленным отступлениям от проводимой государством борьбы с пьянством и алкоголизмом. В ней описывалось, как производители на местах правдами и неправдами старались сохранить производство некачественных плодово-ягодных вин (в просторечии называемых «бормотухой»), которые с 1987 года были запрещены к выпуску в СССР. Помимо прочего, однако, в одном из абзацев, посвященных сетованию на то, что «недопустимо медленно идет перепрофилирование вчерашних винокурен», упоминалось, что «за последние два года виноградные плантации уменьшились на 175 тысяч гектаров, площадь садов — на 104 тысячи». По-видимому, это была одна из первых публикаций, где открыто приводилась статистика, отражавшая крайне болезненный аспект антиалкогольной кампании — вырубку виноградников (а также садов) в рамках сокращения выпуска алкоголя. Письмо Скелетова показывает, насколько остро воспринималась эта информация в СССР, где при общей остроте продовольственной проблемы и дополнительном пиетете к труду выращивающих такую ценную продукцию, как виноград и фрукты, сообщения о сознательном выкорчевывании садов и виноградников казались чем-то близким к святотатству. Мастер водоканала Скелетов, как можно видеть, сохранивший газету 1987 года (или информацию из нее), пишет теперь в письме народному депутату о вырубке садов и виноградников как о мере, предпринятой «преступниками-подпевалами» во время «исключительно неумно организованной антиалкогольной кампа-

«Преступники-подпевалы» в «неумно организованной кампании»

ПИСЬМО О ВЫРУБКЕ ВИНОГРАДНИКОВ

нии», которые, как предполагает Скелетов, «по-видимому, в основном и сейчас остались на своих постах».

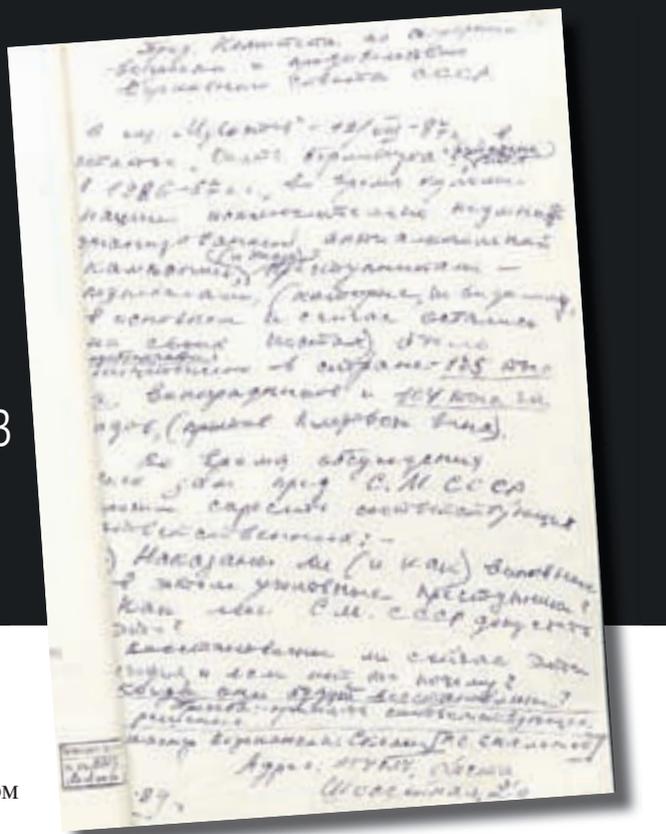
Риторика письма Скелетова заставляет вспомнить терминологию скорее сталинской эпохи. Вряд ли можно сказать что-то о взглядах автора лишь из небольшого послания. Однако можно вспомнить, что особенно в период «развитой» перестройки значительный акцент в производимых переменах ставился именно на борьбе с «аппаратчиками», стоящими на пути народных интересов, — что, несмотря на типичную для тех лет категорическую критику наследия Сталина, заставляло кого-то парадоксальным образом вспомнить образы «преступников и подпевал», засевших в государственных органах.

Скелетов призывал Верховный Совет устроить допрос членам правительства: «Наказаны ли виновные в этом уголовные преступники?» и «Как мог СМ СССР допустить такое?» А равным образом узнать, когда и как восстановят эти уголья, если этого до сих пор не произошло. Письмо достаточно ярко иллюстрирует типичное мнение советских граждан, считавших

борьбу с пьянством «неумно организованной» и крайне болезненно воспринимавших шаги «на земле», связанные с сокращением площади виноградников (что казалось уничтожением сверхценных ресурсов). Видно, впрочем, что это не было «критикой перестройки» — наоборот, некоторым казалось, что именно с обретенными благодаря переменам средствами как раз и можно будет расправиться с не думающими об интересах народа бюрократами.

Архивные документы
подготовил к печати

Станислав Кувалдин,
ведущий тг-канала
«Документальное прошлое: ГА РФ»,
специально для «Горби»

Замысел — благородный.

Итог — плачевный

М.С. ГОРБАЧЕВ
ОБ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Антиалкогольная программа, принятая в мае 1985 года, до сих пор остается предметом недоумения и догадок. Почему решили начать с этой меры, рискуя осложнить возможность проведения реформ? Как можно было допустить, чтобы доброе само по себе начинание обернулось для общества немалым ущербом?

Не секрет, пьянство на Руси было бичом со Средних веков. Время от времени объявляли ему бой — как могли, ограничивали продажу спиртного, ужесточали наказания, клеймили пьяниц с церковных амвонов. В предреволюционное время вводился сухой закон, соблюдался он и в первые годы советской власти. В 1958 году энергично взялся за искоренение этого порока Хрущев; были повышены цены на алкоголь, ограничена его продажа. Но постепенно все спустило на тормозах. При Брежневе вопрос несколько раз обсуждался на Секретариате, создали комиссию во главе с А.Я. Пельше, но вскоре его не стало, о комиссии забыли.

Алкоголизм превратился в острейшую социальную проблему, которую долгое время стыдливо замалчивали. Пьяниц объявляли «моральными уродами», в пропаганде утверждалось, что в социалистическом обществе нет объективных причин, порождающих это явление.

А между тем ситуация создалась катастрофическая. В стране насчитывалось 5 миллионов только зарегистрированных алкоголиков. По данным Института социологии АН СССР, ежегодный ущерб народному хозяйству от пьянства оценивался от 80 до 100 миллиардов рублей. Выпивали в чистом алкоголе 10,6 литра на душу населения, включая грудных младенцев! (В 1914 году, когда в России ввели сухой закон, — 1,8 литра, после Великой Отечественной войны — 2 литра.) Сокращалась продолжительность жизни, подрывалось здоровье живущих и будущих поколений.

В чем были причины повального пьянства? Их много: нелегкие условия жизни миллионов людей, неустроенность быта, низкий культурный уровень. А многие спивались из-за невозможности проявить

себя, говорить, что думаешь. Гнетущая общественная атмосфера толкала слабые натуры «залить» чувство неполноценности, страх перед окружающим суровым миром. Дурную роль играл пример начальства, отдававшего щедрую дань зеленому змию.

В обществе сложилась обстановка безразличия и терпимости к пьянству. Аресты пьяниц на 15 суток, содержание в вытрезвильниках, привлечение к подметанию улиц стали расхожими сюжетами анекдотов. Ходила история, как министром угольной промышленности стал Засядько. Он оказался на застолье у Сталина, пили из фужеров, Сталин — вино, Засядько — водку. Выпили по несколько фужеров. А при очередном тосте Засядько заявил:

— Нет, товарищ Сталин, я все, свою норму знаю.

И вот когда Сталину дали список кандидатов на должность министра, он выбрал Засядько. В ответ на замечание, что работник хороший, но вроде бы пьет, сказал: «Пьет, но норму знает».

Пожалуй, самое печальное состояло в том, что в условиях тотального дефицита потребительских товаров государство не видело другого средства поддерживать денежное обращение, как спаивать народ. Звучит дико, но ведь чистая правда. Брешь между колоссальной денежной массой и убогим предложением заполнялась спиртным, причем увеличивали выпуск вредных для здоровья некачественных напитков, получивших в народе название «бормотуха». Писатель В. Белов заметил: «Дензнаки, как выражаются финансисты, оборачивались со скоростью суточного вращения Земли: заводская касса — карманы трудящихся — винный ларек — инкассаторская сумка и вновь заводская касса.

В общем, открыли новую экономическую «закономерность».

Эта проблема встала перед нами в самом начале. На стол Политбюро легли убийственные материалы, свидетельствующие о народной беде. Десятки тысяч людей, предприятия и целые системы, требующие жесткой дисциплины и ответственности, оказались заложниками пьянчуг. Помню, Громыко, придя в Верховный Совет и ознакомившись с письмами и другой информацией по этому вопросу, делился со мной своим возмущением: «Представляешь, у нас пьют повсюду — на производстве и на отдыхе, в политических и творческих организациях, лабораториях, школах и вузах, детских садах!» Попутно Андрей Андреевич вспомнил об одном разговоре по поводу пьянства с Брежневым. Как-то они возвращались из Завидова, ехали вдвоем в автомобиле — за рулем генсек. Громыко, ссылаясь на информацию, попавшую в его распоряжение, посетовал на то, что в Союзе пьянство достигло катастрофических масштабов и это сказывается на всей жизни общества. Брежнев, выслушав его суждения, долго молчал, а потом сказал: «Знаешь, Андрей, русский человек без этого не может обойтись...» Громыко, по его словам, свернул разговор на эту тему.

Сейчас часто спрашивают, кому принадлежала инициатива принятия 7 мая 1985 года постановления ЦК и правительства о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР (16 мая). Злые языки говорят, что это, мол, дело членов Политбюро, давно выпивших свою норму. Это несерьезно. По существу, инициатива принадлежала общественно-

Corbis

сти. Шло мощное давление на партийные и государственные органы, куда поступало несметное количество писем, главным образом от жен и матерей. Приводились ужасающие примеры семейных трагедий, производственного травматизма, преступности на почве пьянства. Чрезвычайно остро ставили этот вопрос литераторы и медики.

Другой миф — будто мы установили сухой закон. Такой вариант даже не рассматривался, потому что был заведомо нереален.

Хочу возразить тем, кто считает, что мы не задумывались, чем закрыть брешь в доходной части государственного бюджета в результате сокращения продажи спиртного. Проводились специальные экономические расчеты, которые учитывали размеры потерь на производстве по причине пьянства. Намечалось постепенно (подчеркиваю — постепенно) сокращать спиртное, по мере его замещения в товарообороте и бюджетных доходах другими товарами.

Поначалу общество (я не говорю о завязтых выпивохах) с одобрением отнеслось к этому решению, но по мере его воплощения в жизнь возникло недоумение, сменившееся раздражением, недовольством и в конце концов даже озлоблением. Что же произошло?

Как у нас нередко бывает, между замыслом и его претворением в действительность пролегла дистанция огромного размера. Я бы сказал, что на стадии обсуждения, принятия решения были проявлены и реализм, и ответственность, а вот на стадии исполнения дела начали пороть горячку и допускать перехлесты, загубили полезное и доброе начинание.

Контроль за исполнением постановления был поручен Лигачеву и Соломенцеву. Взявшись за дело с неумным рвением... довели все до абсурда. Требовали от партийных руководителей на местах, министров, хозяйственников «перевыполнить» план сокращения производства спиртного и замены его лимонадом. Устраивали жесткие разносы «отстающим», вплоть до снятия с работы и исключения из партии. Призывали равняться на тех, кто добился «опережения графика», пусть даже ценой огромного ущерба для экономики.

В нашем обществе больше привыкли к «революционным скачкам», чем к кропотливой работе на длительном отрезке времени. Антиалкогольная кампания, к сожалению, стала еще одним печальным примером того, как вера во всеислие командных методов, максимализм, административный раж губят правильно задуманное дело. В спешном порядке начали закрывать

магазины, винно-водочные заводы, а кое-где и вырубать виноградники. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогеноварение. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков начали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Вот какая протянулась зловещая цепочка. Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества. Как только не ругали начальство, а больше всех доставалось генсеку, которого по традиции принято было считать ответственным за все. Так я получил кличку «минеральный секретарь».

Нельзя сказать, что принятые меры оказались абсолютно безрезультатными и вызывали только отрицательные эмоции. Сократился травматизм, снизилась смертность людей, потери рабочего времени, хулиганство, разводы по причинам пьянства и алкоголизма. Не все ведь сводилось к запретам. Впервые появилась информация о производстве и потреблении спиртных напитков, публиковались статистические данные, которые раньше держались в тайне. Но негативные последствия антиалкогольной кампании намного превзошли ее плюсы.

Что ж, должен покаяться: на мне лежит большая доля вины за эту неудачу. Я не должен был всецело передоверять выполнение принятого постановления. И уж во всяком случае, был обязан вмешаться, когда начали обнаруживаться первые перекосы. А ведь до меня доходила тревожная информация, что дело пошло не туда, да и многие серьезные люди обращали внимание на это в личных беседах.

Помешала отчаянная занятость лавиной обрушившихся на меня дел — внутренних и внешних, в какой-то мере и излишняя деликатность.

И еще одно скажу себе в оправдание: уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду. Напуганные негативными результатами кампании, мы кинулись в другую крайность, совсем ее свернули. Шлюзы для разгула пьянства открыты, и в каком жалком состоянии мы находимся сейчас! Насколько труднее будет из него выбираться!

РИФМЫ

Рубрика
Александра Архангельского

Веселие Руси

Беспробудно пьяная Россия — образ, кажущийся вечным, неизменным и единственно возможным. Сам собой вспоминается Репин с его «Крестным ходом в Курской губернии»: окосевший косою ведет и косым погоняет. Многочисленные алконавты Маковского чередуются со «Свежим кавалером» Федотова, а «Служба кабаку» конкурирует в родной словесности с «Праздником кабацких ярыжек».

На самом деле все куда сложнее и интереснее; пили много, описывали процесс охотно, но в реальности просто не отставали от европейских соседей. Вообще, литературно-живописный образ пьянства повсеместен, в нем нет ничего специфически русского: Рубенс не уступит в этом смысле нашему натурализму, а пьяный «Вакх» поспорит с захмелевшим «Воспитателем» Архипова. Что же до бесконечно цитируемого ответа князя Владимира на предложение принять ислам в качестве государственной религии — «Веселие Руси есть питие», то главное слово здесь не «питие», а «веселие». Русская любовь к напиткам связана с желанием веселья, а не с мрачной жадой алкогольного забвения.

Наверное, поэтому до 1914 года (19 июля 1914 г. в России был введен «сухой закон». — Ред.) никому не приходило в голову запрещать и выпивку, и разговоры о ней. Чтобы не погружаться слишком глубоко в историю, не будем вспоминать Петра Великого с его ассамблеями; ограничимся XIX столетием. В Лицее готовили пирушку с гоголь-моголем и славили «Пирующих студентов»; на поле боя и в светских гостиных повторяли стихи Давыдова «Жомини да Жомини, а об водке ни полслова...». В Тригорском варили отличную жженку, вливали в уху стакан шабли, поминали в «Онегине» то ли бордо, то ли бургундское («Он фармазон, он пьет одно / Стаканом красное вино»), воспевали вино кометы, то есть урожая 1811 года. В «Ревизоре» со знанием дела описывали губернскую бутылку-толстобрюшку, в «Мертвых душах» — клико-матрадуру, что «значит двойное клико». Лёвин пил водочку с крестьянами, купцы в «Бесприданнице» шампанское из чайничков. У каждого слоя имелась своя алкогольная ниша, свои любимые напитки и свои излишества; в мире дворянских усадеб, с любовной ненавистью описан-

ных Буниным, вино несомненное благо, а в «Детстве» Горького пьянство пробуждает в человеке абсолютное зло...

Но вот что важно. Власть многое не нравилось в изображении несчастных винопийц, в публицистических писаниях и разговорах о повальном пьянстве чудился заслуженный упрек, но она предпочитала не вмешиваться — если не было прямой политики антиалкоголизма (ссылка Александра Плещеева — яркий пример). За что угодно можно было попасть в цензурные тиски, только не за поэтизацию бутылки или прославление стакана. Ни в личном качестве, ни в качестве творческой единицы литератор не должен пересекать определенную черту; каждый находил ее наощупь. И пока он оставался в пределах этого очерченного круга, ему ничто особо не грозило.

Первая мировая и революция перевернули все, включая отношение власти к напиткам. Она попыталась перейти в наступление, однако на этом пути ее ждали крупные неприятности; сила привычки оказалась сильнее партийных (а до них — самодержавных) решений. Веселие Руси продолжилось; на протяжении XX столетия Россия четырежды вводила подобие «сухого закона» и четырежды его отменяла, либо юридически, либо по факту. Накануне Первой мировой войны Николай Второй запрещает продажу спиртного, Ленин действие запрета сохраняет, вплоть до финала Гражданской, но в 1925 году товарищ Сталин возобновляет монопольную продажу алкоголя. Потому что запреты не действуют, змеевики продолжают работать, а впереди большая неизбежная война, во время которой фронтвые 100 грамм превратятся в пищевую норму.

В. Маковский «В трактире»

Через четверть века, в 1958-м, антиалкогольную кампанию запустит Хрущев, но и она продержится недолго. В 1972-м вялую попытку побороть зеленого змия предпримет Брежнев — и напрасно. Водка сродни Афганистану; кто бы с ним ни воевал, все потерпели сокрушительное поражение. Англичане увязли, Советский Союз проиграл, американцы вернули ключи от Кабула талибам. Так и с алкогольными кампаниями: не начиная в России, проиграешь. Как пели Всеволод Абдулов и Владимир Носик в киноводевиле «Жили три холостяка»: «Мы друг другу не жалеем / Наливать полней. / Но в борьбе с зеленым змеем / Побеждает змей».

Веселие Руси

При этом ни в СССР, ни в дореволюционной России «сухой закон» так и не превратился в типовой сюжетный ход для большого кино, даже попыток не было предпринято — в отличие от Голливуда. Обличительные комедии снимали, причем в избытке; над героями Вицина, Моргунова и Никулина издевались («Пес Барбос и необычный кросс», 1961), над перепившим Шуриком мирно подшучивали («Кавказская пленница», 1966), безвольному персонажу Басилашвили, которому все продолжают наливать, сострадали («Осенний марафон», 1979), на шукшинском спектакле в БДТ горько смеялись («А поутру они проснулись» / «Энергичные люди»). Но общий сюжетный концепт — повторюсь — не сложился; все снимали, пели и писали наобум, все тянули одеяло на себя.

Юрий Трифонов в «Доме на набережной» рассказывал про спившегося номенклатурного интеллигента. Олег Чухонцев в «Однофамильце» измывался над гуманитарным словоблудием («Была компания пьяна, / И все ж, друг дружку ухайдакав, / Как чушки, рвали имена: / Бердяев, Розанов, Булгаков»). Василий Белов поэтизировал сельского жителя, выпавшего из пасторали... И ничто ни с чем не стыковалось, писатели и режиссеры описывали множество «отдельных случаев», даже не пытаясь смоделировать общую картину. И эта разнородность жизненных сюжетов, их несводимость к знаменателю защищала «пьяную тему» от партийного разгрома. Опасный образ должен быть расфокусирован, чтобы никто не задался вопросом — а почему они пьют все больше? Во всех слоях, регионах и группах? Не от бессмысленной ли жизни? Не от полной ли безнадёги? Как сформулировал пьяный рассказчик в одной из песен Высоцкого: «Да все равно автобусы не ходят, / Метро закрыто, в такси не содют».

При этом системность — необъявленная, непроговоренная, но по умолчанию понятная всем — на самом деле была. Она воспроизводила советскую идеологическую матрицу — не важно, о чем ты говоришь, важно, с какой символической зоной рифмуешься. Чем ближе к быту, тем пьянство постыдней, чем ближе к великой Победе, тем извинительней, а чем народнее — тем органичней. Да, пить не совсем хорошо,

но если принять перед боем, то можно: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, / Выпьем и снова нальем». Да, пить без закуски опасно, но если это проявление патриотизма, все хорошо и правильно.

Так в шолоховском рассказе «Судьба человека» (1956) и с двойным напором в экранизации 1959 года героизм и умение пить без закуски изображены как черты национального характера и свидетельство непобедимости советского солдата.

Я «взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливо вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение...» Он (немецкий офицер) смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подает мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью... Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать».

Наливает мне комендант третий стакан... этот стакан я выпил вразяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. ...После этого комендант стал серьезный с виду, поправил у себя на груди два Железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат».

Что же до народности, то характерен разрыв между идейными декларациями Виктора Астафьева, выдающегося прозаика-деревенщика, — и его писательскими практиками. Водка в астафьевском мире — бесспорное зло, которое город приносит в деревню вместе с космополитическими идеями какого-нибудь Гоги Герцева (имя Герцева срифмовано здесь не случайно). Русских людей откровенно спаивают и уводят от родных корней; полшага остается до конструкции, положенной в сюжетную основу антиперестроечного романа Василия Белова «Все впереди», где семиты-наркологи разрушают коренные семьи. Но талант мешает Виктору Астафьеву пройти

этот путь до конца; обличение ему надоедает, и он сворачивает в лирику. Если квасят чужие — все плохо; если собрались свои со своими и пьют, как было принято когда-то в деревенском обществе, тогда все встает на свои места. Возвращается «веселие Руси». Это как с эротикой; то, что делают чужие, есть разврат, порнографическая аэробика; то, чем занимаются свои, — невинно. Вот одна цитата, которая не прошла бы западный цензурный барьер, породила бы обвинения в педофилии, а в России оказалась допустимой. Потому что и вправду — чиста:

«Соседская девка... главная потешница в бане была, она-то и вытащила из угла мальчика, тренькнула пальцем по гороховым стручком торчащему его петушку и удивленно спросила: «А чтой-то, девки, у него туто-ка? Какой такой занятный предмет?» Мгновенно переключаясь с горя на веселье, заранее радуясь потехе, мальчик поспешил сообщить все еще рвущимся от всхлипов голосом: «Та-ба-чо-ок!»

«Табачо-о-ок?! — продолжала представление соседская девка. — А мы его, полоротья, и не заметили! Дал бы понюхать табачку-то?»

...Девки щекотно тыкались мокрыми носами в низ его живота и раздражались таким чихом, что уж невозможно стало дальше терпеть, и, уронив в бессилии руки, мальчик заливался, стонал от щекотки и смеха, а девки все чихали, чихали и сраженно трясли головами: «Вот так табачок, ястри его! Крепче дедова!»...

Описывать действие винных паров было можно; отступать от партийных канонов тем более. Но никаких вихляний в области идеологии, никаких попыток прикрывать отступничество — пьянством. Поэма «Москва—Петушки» Ерофеева была заведомо обречена; шансов на публикацию ноль. Не только и не столько потому, что здесь показано, как физический мир погружается в распад, а потому, что ценой телесного распада освобождается душа, она совершает побег на волю. В отличие от воспитательной притчи «Живая вода» Владимира Крупина, где был описан водочный фонтан, внезапно пробившийся среди села и губящий жизни; оценка здесь

ХРОНИКИ. ВОЙНА С АЛКОГОЛЕМ. ОЦЕНКИ

предшествует образу, моральная рамка восприятия задана: соблюдаешь правила — изображай что хочешь.

Снисходительная к изображению алкоголизма, личные писательские слабости власть тоже охотно прощала. В сталинские времена Олеша напивался ежедневно: ни дня без строчки, ни ночи без рюмки; Шолохов был притчей во языцех; Фадееву

бы каждый проходящий видел, выпивал бутылку коньяку под жареные пельмени и, демонстративно покачиваясь, возвращался к себе в кабинет. Ставил подпись «В печать» и ехал домой отсыпаться. Если случался скандал, он отвечал партийному начальству — «товарищи, вы же знаете, что я алкоголик», и к этому доводу относились с пониманием.

«котлета» («вот и нет котлеты»). Довод начальства: «В стране мяса не хватает, а вы шутки с котлетами шутите». К маю про мясо забыли, а про выпивку вспомнили. Из авторской программы Валентина Непомнящего, выдающегося писателя-пушкинолюба, было вырезано послание «19 октября 1825 года», то самое, где «друзья мои, прекрасен наш союз», «простим ему неправое гоненье», он «взял Париж, он основал Лицей». Потому что с точки зрения цензуры это никакое не послание, а всего лишь застольный тост, то есть пропаганда спиртного. Всерьез обсуждалось, можно ли цитировать «Элегию» 1830 года («Безумных лет угасшее веселье...»), поскольку там есть строка «Порой опять гармонией упьюсь», и допустимо ли читать «Зимний вечер», с его обращением к няне: «Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей. / Выпьем с горя; где же кружка, / Сердцу будет веселей».

В издательствах все было еще жестче; из биографических справок, приложенных к сборникам русских поэтов, вырезали указание на пьянство, и бесполезно было объяснять редактору, что в поэты на излете XVIII века шли разночинцы, которые спивались от нищей профессорской жизни. «Они спивались, а нам работу терять».

А история про книжку ленинградского поэта Михаила Яснова, которую открывало стихотворение «Сибирская свадьба»? В рукописи первая строка читалась однозначно: «Запотевшая водка стоит на столе». После колдовства цензуры читаться стала она по-другому: «Запотевший боржомом стоит на столе...»

И ладно бесправный Яснов; в Центральном доме литераторов стол накрыл Расул Гамзатов, классик аварский литературы, член Верховного совета, лауреат, герой, орденосец. Проходя мимо, шарообразный писательский начальник Юрий Верченко (по слухам — в генеральском звании) сделал ему замечание: «Расул, партия и правительство объявили курс на трезвость, а ты нарушаешь постановление об антиалкогольной компании». На что поэт побагровел и прорычал:

— Это я в Верховном совете принимал постановление. Для тебя принимал, не для себя!

Но завершилась и эта кампания — как все сумбурные кампании на свете. А традиция осталась. «Веселие Руси есть пити», «Кто пьян, да умен, два угодыя есть в нем», «Пей, да дело разумей»; «со свиданьем», «никаких «на здоровье», «стременная», «забугорная», «на ход ноги», «ну будем», «никогда я не видел Кремля».

Кадр из фильма «Самогонщики»

прошались любые запои — даже в начале великой войны, когда он бросил вверенный ему Союз писателей и на неделю пропал. (Вернувшись, написал покаянное письмо, где свалил вину на соблазлившую его вдову Булгакова; последствий не было ни для него, ни для нее.)

В хрущевское правление за передачу рукописи за границу можно было получить удар пастернаковской мощи и синявского масштаба; за пьяную драку в писательском клубе — нестрогий выговор и мягкое общественное порицание. В эпоху застоя ситуация не переменилась; алкоголизм считался смягчающим обстоятельством даже в случае идейной ошибки, не говоря уж о моральном облике. Руководитель толстого литературного журнала, публикатор Трифонова, Василя Быкова и Чабуа Амирэджиби, Сергей Алексеевич Б., прежде чем подписывать непроходную рукопись, шел в Центральный дом литераторов, садился за барную стойку, что-

Перестройка развернула ситуацию. Причем сразу в нескольких направлениях. Поскольку был объявлен курс на демократизацию, стало можно то, чего нельзя; но поскольку было велено бороться с пьянством, стало нельзя то, что было можно. С одной стороны, в журнале «Трезвость и культура» вдруг появились «Москва—Петушки», пускай и в порезанном виде; с другой, на классику распространились правила, которые действовали в отношении современности: никому нельзя, даже Пушкину.

Позволю себе запрещенный прием, используя воспоминания. 1985 год, поздняя весна, я начинающий редактор на советском радио. Редакция детская, а страсти в ней кипят взрослые. Передачи для школьников всегда прогоняли через цензурное сито; в феврале, незадолго до прихода Горбачева, выкинули из эфира стихотворение Бориса Заходера, построенное на нехитрой игре слов «кот», «лето»,

Александр Архангельский

ГОРЬ
CORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Последствия санкций: потери и приобретения

Политика ограничений, введенных в отношении структур российского правительства и ряда компаний, действующих

в его интересах и по его заказам, имеет две стороны — кто-то действительно «потерял на санкциях», а кто-то заработал. Но ответ на вопрос: кто, сколько и как именно? — не так однозначен. Точнее — прошло

слишком мало времени, чтобы ответ был объективным. Не сомневаться можно только в одном — действительные последствия проводимой политики ограничений нам еще только предстоит увидеть.

Дмитрий
Прокофьев

Оптимизм — наш долг

Официальная позиция российского правительства в отношении санкционных ограничений остается неизменной уже много лет — санкции не только «не работают», но и помогают успешному развитию РФ-экономики, отказу от импорта, укреплению рубля и так далее. Поэтому, так же неизменно добавляют официальные лица РФ, коль скоро они не достигают задуманной цели, санкции нужно отменить, и чем скорее, чем лучше.

Тут что-то не так. Или санкции не влияют на экономическую ситуацию, но тогда не имеет смысла настаивать на их отмене. Или если мы настаиваем на их отмене — значит, на экономическую ситуацию санкционные ограничения все-таки влияют.

В то же время, если мы выйдем на улицу и спросим у ста человек — ощущают ли они действие санкций на себе, то, согласно данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), только каждый седьмой скажет, что санкции, введенные за последние два с лишним года, сильно влияют и на него лично, и на его образ жизни. Зато каждый четвертый опрошенный будет утверждать, что санкции «влияют не очень сильно», а чуть больше половины россиян «влияния санкций» не замечают вообще.

Среди тех, кто видит эффекты санкционного давления, 18% заявляли социологам о росте цен, 7% — о дефиците товаров и услуг после ухода иностранных компаний и 2% сообщили о проблемах с выездом за рубеж.

Что же касается оценки влияния санкций на «экономику в целом», то здесь ответы даже более интересны. Почти 30% респондентов ФОМ считают, что «введение санкций способствует росту, подъему российской экономики», а 25% не видят заметного влияния санкций на экономику РФ.

Также 25% опрошенных считают, что «санкции приостанавливают развитие российской экономики, но не ведут к глубокому кризису».

В свою очередь, грядущий кризис в экономике РФ, связанный с санкционными ограничениями, видят только 10% россиян. (Еще 10% высказать свое мнение по этому поводу не смогли.)

Женщины радуются, мужчины нервничают, пенсионеры ждут перемен

Чем вызваны такие оптимистичные оценки происходящего?

По этому поводу примечательное объяснение предложил профессор Российской академии наук Тимофей Нестик, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии (ИП) РАН, в статье «Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса», опубликованной в журнале «Проблемы прогнозирования» (2024. № 1).

На основании данных опросов, проведенных Институтом психологии РАН, Тимофей Нестик выделил четыре социально-психологических типа отношения россиян к последствиям экономических санкций.

Первый тип — «Полагающиеся на государство оптимисты» (28%) — чаще женщины (54%) в возрасте 45+ (59%), без высшего образования (54%), жители малых городов и сел (48%) со средним и высоким уровнем доходов (38% не испытывают проблем с покупкой товаров длительного пользования и др.).

Для представителей этого типа характерен относительно высокий уровень переживания радости и надежды по поводу ситуации в стране, доверия к федеральной власти и оправдания социальной системы, уверенности в способности влиять на будущее страны. При этом они опасаются утраты культурных традиций на фоне роста преступности, терактов и притока мигрантов.

Второй тип — «Фрустрированные» (18%) — чаще мужчины (55%) с высшим образованием (62%) в возрасте до 35 (50%), жители городов-миллионников (48%) с низкими (31%) и высокими (28%) доходами. Для них характерен наиболее высокий уровень тревоги и депрессии, переживания страха и подавленности по поводу ситуа-

ции в стране, низкое доверие к власти, выраженный антиэлитизм. Опасаются они, прежде всего, негативных экономических последствий происходящего.

Третий тип — «Встревоженные реалисты» (22%) — чаще женщины (60%) в возрасте до 35 (40%) с низкими (30%) и средними (48%) доходами. Они характеризуются выраженной гражданской идентичностью в сочетании с антиэлитными установками, низким социальным оптимизмом и высокой тревогой за свое будущее; опасаются негативных экономических последствий и произвола властей.

Четвертый тип — «Разочарованные несправедливостью патриоты» (32%) — мужчины (48%) и женщины (52%) в возрасте 60+ (36%) без высшего образования (59%), жители малых городов и сел (52%) с низкими (29%) и средними (43%) доходами. Представители данного типа характеризуются высокой гражданской идентификацией, социальным оптимизмом и уверенностью в своих силах, но при этом негативно относятся к элитам, считают необходимыми решительные полномасштабные изменения в стране; опасаются утраты культурных традиций и социального коллапса.

В целом проведенные исследования позволяют сделать выводы о том, что экономический оптимизм в условиях кризиса поддерживается, с одной стороны, «позитивными иллюзиями» и мобилизацией личностных ресурсов, а с другой стороны, механизмами, защищающими позитивную групповую идентичность. Характеристики групповой идентичности и политические установки играют более важную роль в формировании отношения к экономическим санкциям, чем уровень доходов и индивидуально-психологические характеристики, заключает профессор Нестик.

Еще раз: на уровне психологии восприятия «радость от происходящего вокруг» испытывают большей частью женщины старше 45 лет, без излишнего образования и доходов, а также обеспеченные жители малых городов и сел (должно быть, те, кого лет девяносто назад назвали бы «кулаками»).

Ну а «проигравшими» чувствуют себя мужчины с высшим образованием, живущие в больших городах. К этой социальной группе примыкают молодые образованные женщины, задумывающиеся о том, что будет дальше.

...потери и приобретения

Экономические ожидания расходятся с образом будущего

А вот по поводу того, что будет дальше, — ответа нет. Согласно данным Института психологии РАН, запрос на «понятное завтра» остается высоким: лишь 29% опрошенных отмечают, что могут отчетливо представить себе будущее нашей страны через пять лет. При этом результаты лонгитюдного исследования ИП РАН — ВЦИОМ, в котором участвуют одни и те же респонденты, показывают, что макроэкономический оптимизм растет быстрее, чем ожидания в отношении материального благополучия своей семьи. То есть рассказы о небывалом процветании страны вполне усваиваются людьми, но почему-то не состыковываются с их собственным опытом.

Кроме того, на протяжении последних девяти месяцев в обществе усиливается противоречие между укрепляющейся верой в экономику страны и снижающимся уровнем субъективного контроля. С сентября 2023 года по апрель 2024 года число респондентов, считающих, что в нынеш-

них обстоятельствах происходящее в их жизни зависит только от них, сократилось на 11 процентных пунктов — до 41%.

Это противоречие усиливает зависимость потребительского и финансового поведения от новостей о росте российской экономики и повышает психологическую значимость уровня цен как ключевого критерия, по которому рядовые россияне оценивают экономическую ситуацию в стране, говорится в опубликованном в начале июня 2022 года «Квартальном прогнозе ВВП. Выпуск № 62» Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Интересно, что на фоне позитивных макроэкономических данных наибольший пессимизм в отношении своего будущего, по данным ИП РАН, демонстрируют... собственники малого и среднего бизнеса.

На протяжении января–мая 2024 года ожидания и модели поведения в этой группе перешли от умеренно-пессимистических к пессимистическим, что, по мнению представителей данной страты, связано:

- с предстоящей налоговой реформой, от которой ждут дополнительных сложностей с бухгалтерским учетом, налоговым администрированием и увеличения налогового бремени на россиян с доходом от полутора до трех миллионов рублей в год;
- с ожиданиями дальнейшего роста кадрового дефицита.

Обе тенденции воспринимаются малым и средним бизнесом как основа для

предстоящего резкого падения рентабельности, уточняют авторы «Квартального прогноза». «Малые предприниматели» по-прежнему не готовы ни привлекать заемные средства, ни инвестировать, по крайней мере, до III квартала 2024 года, а собственную экономическую деятельность планируют не более чем на три месяца.

Зато, пишут эксперты РАН, «группа, в которой есть военнослужащие, ранее имеющие низкие или средние доходы по региону, демонстрирует постепенный переход на стратегию инвестирования в предметы длительного пользования и горизонт планирования на два–три года. Именно от этой группы следует ожидать замены повышенного спроса на общественное питание и потребительские товары повышенным спросом на товары длительного пользования во 2-м полугодии 2024 г. (особенно в IV квартале 2024 г.)».

Основная часть же часть населения России, по мнению социологов, остается в контртенденции по отношению к макроэкономическим прогнозам. Период завышенного пессимизма последовательно сменяется периодом умеренного оптимизма и новым этапом ожиданий справедливости социально-экономической модели... Экономические стратегии в данной группе продолжают сохранять ориентацию на самостоятельную адаптацию к сложившейся ситуации.

По итогам первых пяти месяцев 2024 года наблюдается расхождение экономических ожиданий и образа желаемого будущего, пишут социологи. Большинство участников мониторинга ИП РАН ожидают, что будет реализовываться инерционный сценарий, который в случае совпадения этих ожиданий с практикой будет воспринят как пессимистический.

В целом пострадавшими от санкций 2022 года можно назвать около двух третей российских предприятий, при этом негативные последствия явно преобладали над позитивными

Выиграл тот, кто получил госзаказ

К настоящему моменту известно не так много научных исследований, рассма-

тривающих особенности неоднородного влияния санкций на российские предприятия. В целом эксперты отмечают наличие и «выигравших», и «проигравших». Экономист Юрий Симачев (НИУ ВШЭ) и его соавторы в исследовании «Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограниче-

В условиях роста спроса со стороны государственного сектора выросла загрузка мощностей у широкого круга производителей. Так, судостроительные предприятия Дальнего Востока в 2023 году отметили максимальную за три года загрузку мощностей благодаря высокой обеспеченности внутренними заказами, в том числе

товары в итоге оказываются дороже импортных (в лучшем случае — продаются по такой же цене), а рост курса валют также полностью переносится в цены отечественных продуктов.

Как такое может быть — объясняется в исследовании «Долгосрочный перенос курса в цены» Александра Елисеева (Волго-Вятское ГУ ЦБ РФ) и его соавторов.

Действительно, на первом этапе отказа от импортных товаров происходит снижение относительных цен отечественных благ в результате эффекта захвата рынка. Снижение относительных цен наблюдается даже в том случае, если российские товары дороже импортных — если учитывать альтернативные издержки, — ведь присутствие на рынке «условно дорогого товара» это лучше, чем отсутствие товара вообще (даже «условно дешевого»). Но эффект захвата рынка местными товарами вызывает рост занятости и объемов потребления. Это способствует увеличению требуемой зарплаты, что практически полностью компенсирует изначальный эффект от снижения относительных цен местных благ.

Таким образом, однозначно определить выигравших в результате санкций пока трудно.

« Российские товары в итоге оказываются дороже импортных, а рост курса валют также полностью переносится в цены отечественных продуктов

ний: стратегии реагирования» (Вопросы экономики. 2023. № 12. С. 5–30) отмечают, что для 39% предприятий санкционные ограничения повлекли только проблемы, для 3% — только позитивные последствия, а для 25% — как позитивные, так и негативные последствия.

Среди наиболее пострадавших оказались компании, работающие на внешних рынках и столкнувшиеся с разрывами в цепочках поставок, а также иностранные компании. Эксперты отмечают, что вопреки традиционным представлениям для устойчивости оказалось недостаточно международной конкурентоспособности и высокого технологического уровня. Понадобились факторы, связанные с «предпринимаемыми мерами», т.е. в первую очередь с обеспечением правительственными заказами. Кто сумел их получить — тот и выиграл.

Согласно данным майского доклада «Региональная экономика», подготовленного экспертами региональных управлений Банка России, уровень загрузки производственных мощностей в IV квартале 2023 года достиг исторического максимума — 81%. Его увеличение наблюдалось во всех макрорегионах страны.

Но «по отраслям» ситуация была неоднородной и определялась двумя ключевыми факторами: динамикой спроса и возможностью переориентации экспортных поставок на внутренний рынок (для компаний, затронутых ограничениями).

Общим фактором увеличения загрузки мощностей оставался растущий спрос, в том числе связанный с ограничением импорта и уходом с российского рынка ряда зарубежных производителей.

за счет строительства судов в рамках программы инвестиционных квот. В условиях расширения госзаказа увеличили загрузку авиа- и приборостроительные заводы Сибирского макрорегиона.

Приводя примеры успеха, Банк России не называет конкретные предприятия, а указывает их отраслевую принадлежность. Например, сообщает ЦБ РФ, на Северо-Западе производитель полуприцепов и производитель огнеупоров увеличили загрузку в результате роста заказов со стороны российских предприятий, ранее приобретавших импортную продукцию, которая в настоящее время недоступна. По этой же причине на Урале выросла загрузка мощностей на химическом заводе, которому удалось обеспечить катализаторами нефтеперерабатывающие заводы крупнейших нефтяных компаний страны. Ряд производителей потребительских и инвестиционных товаров Юга, Волго-Вятки и Центральной России сообщили, что после ухода зарубежных компаний увеличили загрузку мощностей, чтобы удовлетворить существующий спрос.

Автомобильное производство на Северо-Западе и в Центральной России продолжает восстанавливаться за счет переориентации на выпуск автомобилей отечественных и китайских марок. На Северо-Западе крупный производитель электрооборудования сообщил о максимальном уровне загрузки в связи с ростом спроса со стороны автозаводов Волго-Вятки. Увеличение загрузки производственных мощностей зачастую сопровождалось ростом количества рабочих смен.

Правда, у активного импортозамещения есть и обратная сторона. Российские

Большие бюджетные достижения

А вот кого можно (условно, конечно) считать бенефициаром проводимой экономической политики в целом (включая и политику реакции на санкционные ограничения со стороны властей) — то это правительство, распоряжающееся бюджетом. Как пишет Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, опираясь на данные Росстата, Минфина и ФНС, по результатам января–апреля 2024 года доходы консолидированного бюджета составили 17,7 трлн руб., что превышает прошлогодний показатель на 18%. При этом динамика доходов федерального и региональных бюджетов отличалась кардинально: доходы первого увеличились на 50%, доходы последних, напротив, сократились на 16% год к году. Для федерального бюджета фиксировались два основных источника высоких темпов роста доходной базы: увеличение (на 82% год к году) нефтегазовых доходов и изменение налогового законодательства.

...потери и приобретения

Рост нефтегазовых доходов определялся следующими факторами:

- **ослабление рубля (на 22% относительно января–апреля 2023 года);**
- **изменение налогового законодательства, которое привело к росту цены на нефть марки Urals, используемой в формуле расчета НДС (на 35% в долларах);**
- **прочие изменения в налоговом законодательстве, меняющие коэффициенты расчета налоговой ставки по НДС, НДС и акциза на переработку нефти (общий эффект за год, по оценкам Минфина РФ, — 614,4 млрд руб. по налогам на нефть, 122 млрд руб. по НДС на газ);**
- **рост добычи газа в натуральном выражении (+12% год к году в I квартале).**

Налоговые новации позволили получить дополнительные доходы от введения сбора на получение квот по вылову краба (+221 млрд руб. в I квартале текущего года относительно I квартала 2023 года), роста утилизационного сбора в 1,9 раза (+42 млрд руб.), а также введения вывозных пошлин на зерновые, удобрения, подсолнечное масло и пр. (суммарно за январь–февраль доход от этих пошлин составил 82 млрд руб., что превысило пошлины на продукты ТЭК — 77 млрд руб.).

Кроме того, дополнительные доходы от использования средств ФНБ (+102 млрд руб. относительно I квартала прошлого года) и остатков на счетах бюджета (за счет повышения процентных ставок) существенно увеличили поступления неналоговых доходов.

Таким образом, по оценкам ИНП РАН, в I квартале текущего года из общего прироста доходов федерального бюд-

жета на 3 трлн руб. относительно уровня I квартала 2023 года порядка 1,1 трлн руб. (37% от общего объема прироста) связаны с изменением законодательства, ослаблением рубля и повышением процентных ставок, тогда как остальной прирост был произведен улучшением макроэкономической ситуации.

Региональные бюджеты не имели такой поддержки в плане роста доходов. Стабильно росли только поступления по НДС (кроме апреля, когда доходы по этому налогу сократились в связи с выплатой налоговых вычетов), тогда как налог на прибыль сократился на 15% по итогам I квартала и на 45% год к году в январе–апреле (апрельские поступления были отрицательными в связи с возвратом авансовых платежей).

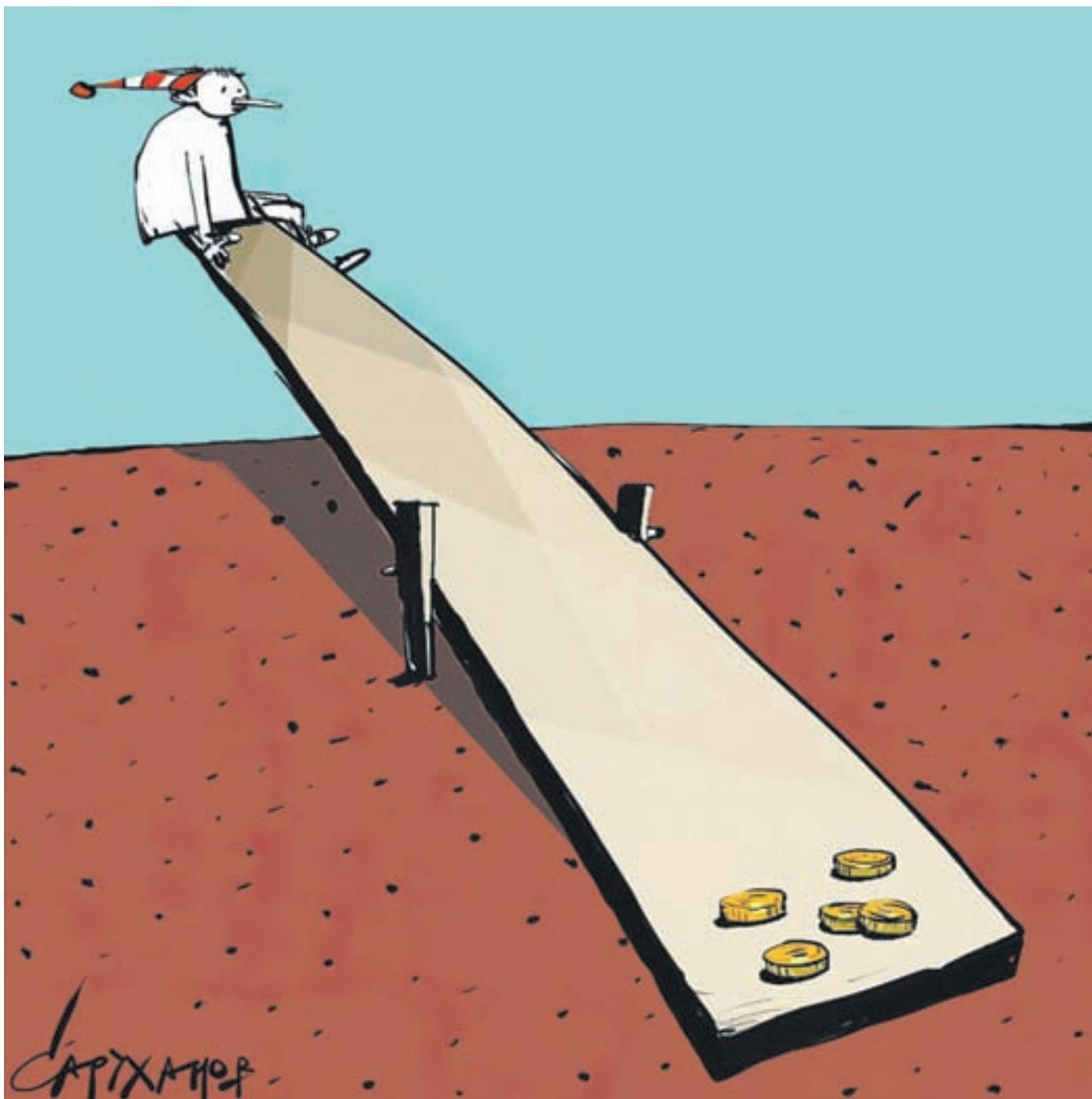
Правильная точка отсчета

На самом деле проблема не только «обывательской» (в хорошем смысле этого слова), но и экспертной оценки эффекта санкций заключается в следующем. Чтобы понять, влияют ли санкции на экономику РФ и как именно они влияют, надо определиться — что мы выбираем за «точку отсчета», с каким стандартом мы будем сравнивать то, что происходит в реальности.

Как пишут авторы доклада НИУ ВШЭ «Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье», оценки потерь экономического роста для российской экономики, наблюдавшиеся в 2022–2023 годах, существенно расходились в деталях, но были едины в главном — российская экономика могла понести значительный ущерб. Например, ограничения на импорт в Россию могли привести к снижению ВВП РФ на 0,5%, запрет на экспорт России нефти и газа в коалицию стран, вводящих санкции, могли привести к снижению ВВП РФ от 0,6% до 6,6% и даже до 12%, а полное торговое эмбарго со стороны текущей коалиции стран — к снижению ВВП РФ от 5,1 до 11,3%. Даже Минэкономразвития РФ в сентябре 2022 года предсказывало большее падение (минус 2,9%), чем оказалось в действительности по итогам года (минус 2,1%). В начале и даже в середине 2023 года ни международные организации, ни Минэкономразвития РФ не предсказывали столь высокого отскока ВВП, который они увидели по итогам года, «плюс 3,6%». В целом же по итогам двух лет ВВП вырос на 2,5% к 2021 году, а промышленное производство и вовсе на 6,5% (февраль 2022 года к февралю 2024-го). Но ключевым фактором роста ВВП РФ стали не столько успехи «импортозамещения», сколько экстремально высокие доходы от экспорта углеводородов в сочетании с расширением кредита.

«Ограничения» — это не «норма» для экономики РФ, «норма» — это свободная торговля, свободные от ограничений финансы, свободные от ограничений инновации

Петр САРУХАНОВ

Если отправная точка для оценки «экономики под санкциями» — это «развал логистики», «разрыв производственных цепочек», «коллапс торговли», «гиперинфляция», «тотальный дефицит» — то, разумеется, в сравнении с этими кошмарами ситуация в российской экономике выглядит очень хорошо.

Полки супермаркетов завалены продуктами, а торговые центры — заполнены товарами. Конечно, россияне, избалованные прежним ассортиментом, начали замечать разницу между ушедшими брендами и теми, которые пришли им на смену, — если осенью 2023 года о своем недовольстве качеством «новых брендов» заявляли 44% респондентов опроса компании Б1 (ранее российское подразделение E&Y), то в мае 2024 года доля разочарованных

импортозамещением покупателей выросла до 60%. Правда, у половины респондентов нет ни желания, ни возможности переплачивать за товары привычных марок (полгода назад таких было 55%). Однако «переполненная потребительская витрина» — это сильный аргумент в пользу положительной оценки происходящего в экономике — особенно в сравнении с ожиданиями «пустых прилавков».

Но такое «сравнение с плохим» — абсолютно неверно. Правильно было бы рассуждать так — что было бы сейчас в экономике РФ без санкционных ограничений, с нормально определенными торговыми отношениями с Европой, с конвертируемой валютой.

Да, в 2022 году были созданы нереализовавшиеся ожидания крахов и коллапсов.

Побочным эффектом этих прогнозов стало занижение ожиданий людей. По сравнению со своими заниженными ожиданиями люди (включая руководителей предприятий и правительственных экспертов) и оценивают ситуацию сейчас. Но такую оценку нельзя назвать корректной и строить на ней долгосрочные прогнозы. «Ограничения» — это не «норма» для экономики РФ, «норма» — это свободная от ограничений торговля, свободные от ограничений финансы, свободные от ограничений инновации. Вот относительно такой нормы нам и следовало бы оценивать ту реальность, которая сложилась в РФ-экономике сейчас. Но это уже другая история.

Дмитрий Прокофьев

Политические игрища на историческом поле

СПОРЫ О СОБЫТИЯХ
КОНЦА XX ВЕКА ПРЕВРАТИЛИСЬ
В БАТТЛЫ О НАСТОЯЩЕМ,
ПРИКРЫТЫЕ ДИСКУССИЯМИ
О ПРОШЛОМ

Михаил

Виноградов,

президент фонда
«Петербургская политика»

Ф

ильм «Предатели» об эпохе 1990-х вызвал скандал и бурные дискуссии. Кроме того, обнаружилось, что целый ряд политических активистов, сходным образом оценивающих современность, испытывают глубокую потребность во внутреннем конфликте.

Поле битвы оказалось перенесено в 90-е годы XX века. Для одних этот период оказался временем надежд и создания всего того неплохого, что было в России в начале XXI века. Для других — временем обманутых ожиданий, заложивших основы сегодняшней политико-экономической реальности.

Безусловно, говорить о детальном и содержательном споре не приходится. Дискуссия заведомо замышлялась авторами как «баттл», не предполагавший большого исследовательского прорыва. В то же время многомиллионные просмотры и готовность значительного числа спикеров (в том числе и героев эпохи 90-х) высказаться стали сюрпризом на фоне казавшегося устойчивым тренда к быстрому забвению этого периода, как и любой нелинейной и недостаточно понятной эпохи.

Место прошлого в настоящем

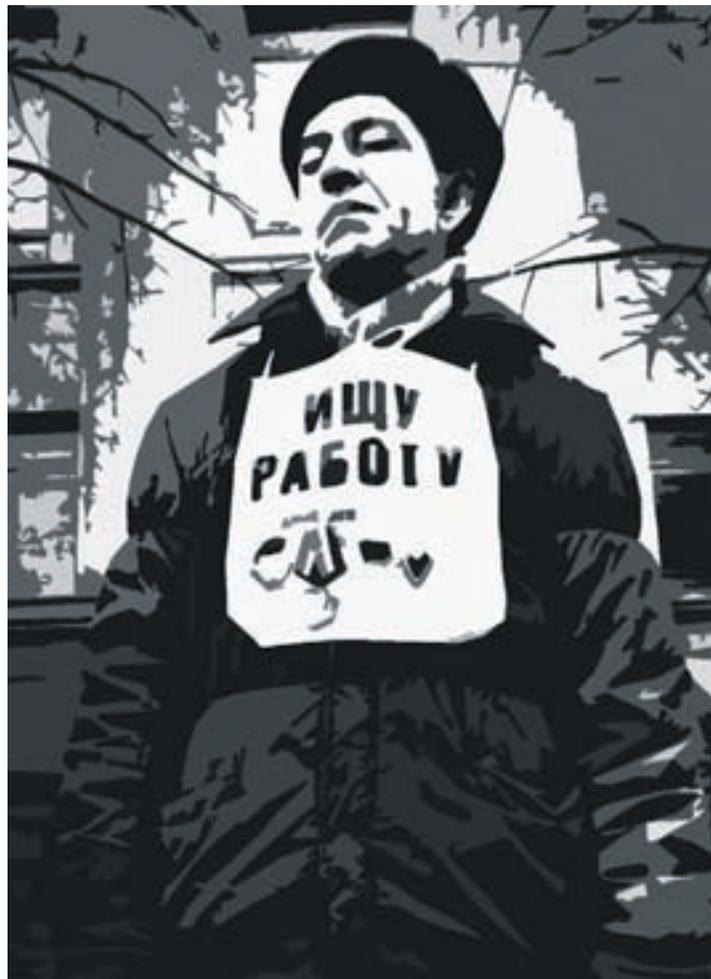
Дискуссии о прошлом время от времени возникали и в советское время, и в современной России. Как правило, в ходе этих обсуждений редко ставился вопрос о целях: ради каких задач и эмоций погружаться в нюансы прошлого?

Вот лишь несколько таких примеров.

Первая задача возвращения в прошлое — романтизация. Удовлетворение любопытства, бегство от настоящего, уход в кажущиеся более симпатичными времена. Поводы для этого могут быть самые разные — книги Дюма, Пикуля, Стаднюка или фильмы о притягательности эпохи 1812 года. Появление своего рода дополненной реальности, подпитывающей дефицит эмоций или энергетики настоящего.

Второй скрытый смысл интереса к истории — эзопов язык. Возможность поговорить о настоящем, апеллируя к событиям и персонам прошлого. Поиск потаенной исторической правды, которая должна перевернуть настоящее. Самый очевидный пример — пересмотр подходов к сталинской и брежневской эпохам в литературе второй половины 80-х — начале 90-х годов XX века. Интерес советской интеллигенции к восстанию декабристов (впрочем, здесь была и романтическая нотка). Эволюция Эльдара Рязанова от «Гусарской баллады» к «О бедном гусаре замолвите слово».

Третье направление активности — реставраторское. Восприятие истории как места поиска буквальных ответов в прошлом на вопросы настоящего. Стремление найти развилки, после которых что-то пошло не так, вернуться назад и попробовать все сначала. Как правило, этому способствует излишне буквальное прочтение расхожих фраз о том, что без знания прошлого нельзя постичь будущего. И — как и у романтиков — внутренняя вера в то, что великие деятели прошлого были масштабны и обладали достаточным запасом мудрости, чтобы предвидеть ставшее настоящим будущее. Акцент на несоразмерности «мелких» людей настоящего «гигантам» из прошлого периодически возникает в истории России. Так, в советское время было принято завидовать участникам событий октября 1917 года или пионерам освоения космоса, предполагая, что столь масштабных событий в достигаемом настоящем и будущем не случится. В современной России акцент перенесен на участников Второй мировой войны как полноценного «настоящего» события, получающих абсолютный моральный авторитет, от имени которого возможно совершать действия и сегодня. Элементом такого подхода является легитимация отказа от принципа нерушимости международных границ. А максимально комплиментарная для власти версия истории призвана создавать ей дополнительную легитимность — моральное право действовать от имени предков, неформально позиционируемое как более значимый аргумент,

«Неправильные» 90-е

чем выбор, который может быть совершен в настоящем.

Кстати, эстетика новых оппозиционных расследований о 90-х в YouTube тоже является элементом такого подхода — предъявление оппоненту ответственности за неправильные действия в прошлую эпоху для указания на отсутствие морального права быть участником текущего политического процесса. В расчете в том числе на то, что ответная реакция будет слишком эмоциональной и оттого мало убедительной для тех, кто не испытывает эмоциональной и ценностной связи с девяностыми.

Четвертая вполне практическая точка активности — противопоставление текущего настоящего недавнему прошлому. По сути, это вечный двигатель обращения к истории России в XX–XXI веках. Впрочем, тут тоже есть свои ловушки. До недавних пор официальный нарратив противопоставлял «неправильные» 90-е «правильному» периоду после 2000 года, когда наступило время восстановления, гордости, обретения могущества на международной арене и прочего возвращения к «норме».

Политические игрища на историческом поле

Сформированный перед выборами 2008 года тезис о «лихих 90-х» был весьма легко воспринят обществом и не вызывал особой критики. Однако после радикализации 2022 года ситуация стала меняться. Официальный мейнстрим стал все охотнее критиковать не только 90-е, но и дистанцироваться от нулевых и десятых годов. Они стали позиционироваться как время, когда Россию обманывали и «буллили», а она по необъяснимым причинам терпела, шла на компромиссы и позволяла с собой так обращаться.

На этом фоне почти незаметным остается пятый смысл обращения к истории — исследовательский. Конечно, среди профессиональных историков есть немало и тех, кто изучает историю, решая четыре вышеописанные задачи. Но рациональный смысл исторической науки состоит скорее в погружении в контексты, которые могут быть полезны и для текущей эпохи. Речь идет не о механической проекции истории на современные реалии, которая обычно заведомо непродуктивна. Объяснение настоящего и рекомендации по обхождению с ним имеют смысл лишь при дополнении исторической экспертизы данными других отраслей знания. Как минимум социологии, политологии, экономики.

Образы 90-х

Нельзя сказать, что эпоха 90-х слабо осмыслена. Почти все значимые участники событий оставили воспоминания. В отличие от героев нулевых и десятых годов, вовлеченные в 90-е продолжают издавать книги и поныне, ежегодно появляются новые заметные произведения. Объем доступной в интернете информации ограничен, но цифровых следов тоже заметно

больше, чем, например, от 80-х. Впрочем, наличие большого корпуса данных не делает сегодняшнее осмысление особенно глубоким.

На сегодняшний день продолжают доминировать весьма упрощенные цепочки.

Самая популярная из них — тезис о «лихих 90-х». Экономическая нестабильность и слабость государственных

необходимости концентрации на внутренних приоритетах вместо международной экспансии, предполагает наличие существенной связи между публичными политическими институтами и доминирующими формами политической конкуренции. В то же время такая позиция игнорирует множество нюансов, связанных в том числе с неодинаковостью политико-экономических реалий в разные периоды 90-х.

Нельзя подменять рефлекссию о недавнем прошлом батлами о настоящем, замаскированными попытками докопаться до исторической правды

институтов трактуется не просто как катастрофа, но как бессмысленное и потерянное время. По сути, десяти- или даже пятнадцатилетний национальный опыт (в массовом сознании это период — примерно между смертью Брежнева или Черненко и президентством Путина) вычеркивается из жизни как время девиации, травм и тупика, выход из которого произошел благодаря действующей власти.

Весьма устойчивым является альтернативный тезис: о 90-х годах (или — шире — о временах Горбачева и Ельцина) как о самом романтическом времени в истории России. Этот подход заметно менее популярен, но для такого прочтения есть свои основания. К тому же он учитывает реалии не только политического, но и экономического раскрепощения, исходит из

Тезис об измене идеалам 90-х (или даже 80-х) тоже имеет место, хотя до сих пор он был в большей степени популярен у старших поколений и не вызывал заметного интереса у более молодых. Неовплощение в жизнь большинства социальных ожиданий объясняется в этом случае «перерождением», обменом идеалов на деньги и статусы, общим непрофессионализмом и понятными человеческими пороками и недостатками.

Преимущество каждой из этих моделей — в их простоте и внешней неуязвимости. Понятно, что насыщение любыми деталями лишь усложнит картину мира, в то время как носители перечисленных концепций такой потребности не испытывают. Любые новые объяснения должны быть достаточно просты и эмоциональны. Например, комплиментарное для граждан

прочтение событий как эпохи национального подвига, когда жители смогли преодолеть обстоятельства и адаптироваться к новым вызовам. Или психологические проекции вроде времени непростого взросления, которому неизбежно сопутствуют поиски, ошибки, травмы и неэтичные поступки. Нельзя сказать, что такие подходы принесут большую социальную пользу, но позволяют на какое-то время вывести 90-е (и — шире — любые реформаторские эпохи) из зоны конспирологии и постоянных попыток проекции на сегодняшний день.

Как исследовать?

Сложно ожидать, что вспышка ситуативного интереса к 90-м приведет к реальным исследовательским сдвигам, появлению больших проектов, обстоятельным архивным изысканиям. Как максимум можно говорить о систематизации и иногда коррекции уже существующих интерпретационных потоков.

С точки зрения практической ценности сегодня имеет смысл не столько выходить

на интегральные оценки, сколько дробить эпоху по отдельным периодам. Например, функционирование политических институтов и целеполагание власти разбиваются как минимум на сегменты 1991–1993, 1994–1996 и 1997–1999 годов. В экономике очевиден контраст между стрессовыми 1992–1994-м, относительно благополучными 1995–1997-м и временем нового шока и афтершоков 1998–1999-го. Свое дробление может быть предложено для хайпогенной темы «олигархического капитализма».

Наряду с разделением по времени перспективным являлось бы и сегментирование по отдельным темам. История регионов, отдельных отраслей, повседневности, силовых структур, элит. Пусть не на уровне монографий, но хотя бы на полупрофессиональных образовательных YouTube-каналах и в формате сбора информации в интернете. Недавние крайне активные отклики аудитории на сериал «Слово пацана» показали, что у аудитории есть немало любопытных впечатлений и воспоминаний об эпохе — пусть порой и искаженных.

Наконец, очевидным слабым звеном является сравнительный анализ хотя бы

на уровне постсоциалистических стран бывшего СССР и Восточной Европы. В их повестке было (и даже остается по сей день) немало общего, здесь накоплена своя литература, а интернет-технологии позволяют серьезно снизить языковые барьеры при интеграции исследований, опубликованных за пределами России.

Указанные направления по воссозданию опыта, накоплению воспоминаний и интеграции уже существующих исследований по «расширенным 90-м» (включающим и перестроечные времена) — не самая благодарная работа. Но потребность в более рациональном осмыслении этого периода начинает постепенно ощущаться. Самое время пользоваться этой энергией, чтобы не подменять рефлексии о недавнем прошлом баттлами о настоящем, замаскированными попытками докопаться до исторической правды.

Михаил Виноградов

«Лихие 90-е»

Белорусы как кочевой народ

Жизнь современного белоруса уместается или в рюкзаке, или в тюремном «кешере». С «кешером» все понятно: в Беларуси, по разным данным, на сегодняшний день около восьми тысяч человек сидят в тюрьмах по политическим мотивам. И более 300 тысяч вынуждены были уехать из страны. Даже начальник департамента гражданства и миграции МВД

Беларуси Алексей Бегун в январе говорил, что только за 2021–2022 годы страну покинули более 200 тысяч граждан — и это официальные данные. В действительности же, по подсчетам экспертов, число варьируется от 300 до 500 тысяч белорусов.

Ирина
Халип

Зная мстительность и садистскую изобретательность белорусского режима, можно было сразу предположить, что спасшимся этот самый режим начнет придумывать разнообразные пакости: не догонит — так хоть согреется. Трудно смириться с тем, что гражданин не только успел выбежать из квартиры на полчаса раньше, чем дверь выломали силовики, но еще и оказался в безопасности и теперь недосыпаем. Против уехавших возбуждали уголовные дела в виде спецпроизводства, судили заочно, конфисковывали имущество — это, конечно, немного утешало, но не до полного торжества. И в сентябре прошлого года Лукашенко придумал хитроумный трюк: он подписал указ № 278 «О порядке выдачи документов и совершения действий». Этот указ де-факто забрал у белорусских консульств за границей все полномочия и поставил белорусов, уехавших из страны, на грань нелегального положения. Потому что теперь консульства не оформляют ни паспорта взамен тех, чей срок действия истекает, ни справки, ни доверенности и не апостилируют документы. За всеми этими простыми консульскими действиями теперь белорусам нужно ехать на родину.

Ситуация чуть проще для тех, кто сразу обратился за предоставлением международной защиты. Международная защита, то есть предоставление статуса беженца, предполагает выдачу проездного документа (того, который в просторечии называют «женевским паспортом», — благодаря Конвенции ООН о статусе беженцев, принятой в 1951 году в Женеве). Они, по крайней мере, будут иметь на руках документ, с которым можно путешествовать. Правда, их родившиеся за границей дети уже не смогут получить белорусский паспорт, а станут беженцами по рождению, а сами обладатели защиты не смогут за границей даже доверенность родственникам выписать. Но это уже мелочи по сравнению с опасностью оказаться за границей нелегалом в день окончания срока действия паспорта.

Проблема в том, что многие белорусы, бежавшие из страны после начала массовых репрессий 2020 года, не обращались за международной защитой и не собирались становиться беженцами. Тогда еще казалось, что ситуация в стране может измениться, что нужно только чуть-чуть подождать, пересидеть, отдышаться — и можно будет возвращаться домой. Я это ощущение знаю очень хорошо: 11 месяцев я не распаковывала чемодан, а только стирала с него пыль. Зачем распаковывать, если завтра режим Лукашенко рухнет и я поеду домой? И десятки, если не сотни тысяч белорусов думали так же. Руки-ноги-мозги есть, так зачем устраивать все эти заморочки со статусом беженца, сидеть сиднем в ожидании решения, взваливать на новое государство какие-то лишние проблемы, если можно просто устроиться на работу и получить временный вид на жительство? Тем более что тогда, в 2020–2021 годах, это было очень легко. Польша, несмотря на локдаун, в августе 2020 года открыла границы для белорусов. Получить годовую гуманитарную визу можно было, просто придя в консульство с ходатайством «прошу выдать в связи с ситуацией в стране». Более того, в октябре того же года Польша изменила законодательство, и обладатели гуманитарных виз получили доступ к рынку труда без всяких дополнительных разрешений. Так что даже вид на жительство белорусам был, в сущности, без надобности — тем более что все мечтали скорее вернуться в ту самую Беларусь, где в августе 2020 года почувствовали себя народом. Так что соискателей убежища среди тех, кому грозила опасность на родине, было вовсе не так много.

Те, кто чувствовал, что лучше не ждать визу, а сматывать удочки как можно скорее, уезжали в Украину, Грузию, Черногорию. Искали временную работу, мечтали, что вот уже завтра — ну ладно, послезавтра или в крайнем случае через пару месяцев — можно будет возвращаться домой. Не пускали корней, не обрастали вещами. И правильно делали, как выяснилось, потому что белорус должен уметь обходиться одним рюкзаком. Завтра закончится паспорт, и что тогда? Собираться и снова бежать, не разбирая дороги. Берендеи, номады, кочевники, бедуины — это про сегодняшних белорусов. Потому что у каждого из них рано или поздно закончится паспорт.

К слову, хотя Конвенцию ООН о статусе беженцев подписали 145 государств, далеко не все выдают даже получившим международную защиту проездной документ. Можно получить убежище, но оказаться при этом без документов. Так, например, в Черногории десятилетиями живут косовары, получившие убежище. И десятилетиями они не могут никуда выехать, потому что Черногория, даром что

член НАТО и кандидат в ЕС, проездные документы не выдает. А многие страны, подписавшие Конвенцию, с «женевским паспортом» не пускают — просто потому, что не слишком доверяют. Лично видела, как белорусского беженца с тем самым паспортом не пустили в Северную Македонию. Вот если бы у вас был настоящий белорусский паспорт, сказали пограничники, мы бы пустили, а это какой-то ненастоящий документ. Впрочем, даже такой «ненастоящий» получить белорусу в изгнании очень трудно.

Белоруска Алла (имена всех героев изменены по соображениям безопасности, они есть в редакции) с мужем Олегом и двумя детьми бежала из Беларуси осенью 2020 года. Они участвовали в протестах, не скрывая лиц (белорусские спецслужбы до сих пор занимаются идентификацией участников тех протестов с помощью программы распознавания лиц, и каждый день правозащитники сообщают о новых арестах белорусов, выходящих на марши три с половиной года назад). Балкон Аллы на верхнем этаже, с которого снимают флаг сотрудники МЧС, облетел многие

Кадр из видео

мировые медиа. Ее не нужно идентифицировать — адрес и имя известны. Алла с Олегом решили не дожидаться получения гуманитарной визы в Польшу и рванули в Черногорию с безвизовым въездом (во время, как выяснилось позже).

Белорусы как кочевой народ

Отдышались, начали работать: Алла — дизайнер, открыла собственную компанию по отделке интерьеров. В феврале у них закончился вид на жительство в Черногории, и оказалось, что его могут продлить всем, кроме старшего сына — у него паспорт заканчивается в июне. А с таким сроком действия на новые документы рассчитывать не стоит. И заменить паспорт ребенка — младшего школьника — в консульстве уже невозможно.

Алла обратилась в посольство Польши в Черногории — в конце концов, именно поляки знают о белорусских проблемах больше, чем кто бы то ни было. Это они открыли границу, несмотря на пандемию. Это они начали выдавать гуманитарные визы. Это они после вступления в силу лукашенковского указа перестали ставить печати о въезде-выезде белорусов на границе, чтобы не занимать место на страницах паспорта (у белорусов один паспорт является и внутренним, и заграничным). Но консульство Польши ответило: ребята, мы бы рады помочь, но вы теперь находитесь в безопасном месте, так что ничем помочь не можем, обустройтесь там. Посольство Германии на запрос ответило: вы в безопасной стране, у вас нет оснований обращаться к другим государствам, но если вашему старшему сыну откажут в виде на жительство на основании скорого окончания срока действия паспорта, тогда пишите нам снова. Алла каждый день не знает, что ей придется делать завтра. На крайний случай рассматривает возможность получения однократной туристической визы в любую страну ЕС и «сдачу» пограничникам прямо в аэропорту. Но опять же — если со стремительно уменьшающимся шагреновым паспортом сына они вообще куда-нибудь смогут выехать. Черногория, конечно, Конвенцию подписала и заявления о предоставлении убежища принимает. Но проездные документы, гарантированные статьей 28 Конвенции, Черногория не выдает. Как и многие другие страны, подписавшие Конвенцию, — просто потому, что не было прецедентов. За защитой все рвались в ЕС, а маленькие небогатые страны как-то обходились без беженцев. И теперь не знают, что с ними делать. А белорусы

Черногории не знают, куда бросаться с рюкзаком и детьми.

В Грузии в 2020 году белорусская диаспора стала одной из самых активных. Люди приезжали из-за того, что туда легко добраться, нет визового режима и можно находиться год легально, а потом просто выехать и снова въехать. «Визаран» белорусы Грузии осуществляли самым простым способом — автобусом из Батуми в Турцию и обратно. А потом что-то пошло не так.

Возможно, причиной стали протесты белорусов по поводу подписания договора о сотрудничестве между грузинской Службой государственной безопасности и белорусским КГБ. Это ставило под удар бежавших из Беларуси в Грузию, и диаспора начала протестовать. Выходили на митинги к зданию СГБ Грузии, давали интервью, объясняли, что это соглашение подрывает доверие международного сообщества к правительству Грузии,

вступившему в сомнительные отношения с диктаторским режимом. И начались аннулирования видов на жительство, отказы в предоставлении убежища и отказы во въезде в страну после «визарана». Когда в Грузию с формулировкой «другие причины» не пустили жившего там два года основателя НКО «Белорусская диаспора Аджарии» правозащитника Евгения Гацака, многие белорусы начали паковать свои рюкзаки.

Алина с мужем не спешили. Хотя на всякий случай на ежегодный «визаран» выезжали по очереди: если одного вдруг не пустят обратно, у второго будет возможность хотя бы вещи собрать и договор аренды расторгнуть. А недавно Алина узнала о своей беременности. Муж с женой поздравили друг друга, попрыгали

по квартире с воплями восторга, а потом поняли, что их ребенок родится нелегалом. Свидетельство о рождении ему не выдадут — за этим Республика Беларусь с иезуитской улыбкой приглашает всех на родину, в органы ЗАГС по месту прописки.

Спустя три года после эмиграции просить убежища, когда вокруг отказы без объяснения причин, — не лучший эмоциональный фон для беременной женщины. И Алина с мужем, проведя несколько дней без отрыва от компьютера, приняли решение: ехать в Аргентину, на другой конец земного шара. Просто потому, что рожденные там дети получают местные документы автоматически. Была

ЕС, где они оказались после отъезда из Одессы в феврале 2022 года. Ехать в другую страну и просить убежища там — увы, у них уже есть отказ в стране Евросоюза. Сейчас они в Черногории — ждут окончания срока действия своих паспортов и не знают, что делать дальше.

История Даши и Олега очень показательна. Многие белорусы оказались в похожей ситуации: даже если они готовы обратиться за предоставлением убежища, далеко не всегда могут предоставить доказательства опасности возвращения на родину и преследований. Люди, которые успевали убежать до того, как за ними пришли, не могут предъявить никаких

нем чуть позже, оказавшись в безопасности и отдышавшись. А вот мировое сообщество должно подумать об этом уже сейчас.

Главное, что нужно понять тем, кто принимает решения. Александр Лукашенко своим указом № 278 грубо нарушил все нормы международного права, включая те, которые даже ни в каких конвенциях не обозначены. Нет такого документа, в котором было бы сказано, что каждый житель планеты имеет право на удостоверение личности. И цивилизованный мир должен помочь белорусам, потому что государство от них отсеклось. И еще потому, что тем же лукашенковским путем завтра пойдут и другие тоталитарные государства, и уже не сотни тысяч, а миллионы жителей планеты станут нелегалами.

Речь идет даже не о санкциях (все мы знаем, с каким скрипом и через какую пень-колоду они принимаются) — исключительно о помощи людям. Некоторые элементы такой помощи отдельные государства инициировали самостоятельно. Например, Германия обещает принимать заявления на получение проездного документа от белорусов с уже просроченными, то есть недействительными, паспортами и рассматривать их заявления в индивидуальном порядке. Но этого мало.

Самое простое, что можно сделать, — это на уровне ООН признать просроченные белорусские паспорта действительными. Это не потребует разработки дополнительных международно-правовых механизмов — достаточно простого общего решения. Не менее просто — сократить требования к соискателям убежища из Беларуси. Если гражданам Украины временная защита в любой стране предоставляется просто на основании происходящего в стране их гражданства, то для белорусов вполне реально ввести такие же простые основания: подлежит предоставлению защиты, потому что в Беларуси диктатура и массовые репрессии. Требовать доказательств преследования на фоне белорусской действительности выглядит как издевательство, потому что, когда к белорусу придут с постановлением о возбуждении уголовного дела, ему уже негде будет его предъявлять: разве что в тюремной камере, но уж точно не в миграционном департаменте другой страны. Чуть сложнее — дать возможность всем белорусам, независимо от статуса, получать проездные документы иностранца во всех государствах, где они оказались в изгнании. Но и это возможно. А пока путь белорусского эмигранта: чемодан — вокзал — неизвестность. Точнее, рюкзак — автостанция — безнадежность.

Путь белорусского эмигранта: чемодан — вокзал — неизвестность. Точнее, рюкзак — автостанция — безнадежность

бы такая законодательная норма в Чаде или Эритрее — рванули бы туда, тут не до выбора. Белорусом в изгнании сегодня движет не поиск безопасного места, а возможность получить хоть какой-то документ. Но не у всех получается.

Я боюсь писать Олегу с Дашей, потому что страшно слышать отчаяние, которое с каждым днем все сильнее пробивается через обычные фразы в мессенджере. Они, как многие белорусы, бежавшие без возможности подготовиться, уходили из Беларуси в Россию лесами, а там пересекали российско-украинскую границу. Украина тогда, в 2020–2021 годах, приняла многих белорусов. Осенью 2021 года предполагалось даже, что именно в Киеве будет создан большой белорусский хаб для медиа и НКО в изгнании. Но в феврале следующего года белорусы в Украине оказались фактически вне закона. Им пришлось уходить на Запад вместе с украинцами. И многие столкнулись с тем, что претендовать на убежище уже не могут на фоне разворачивающейся рядом трагедии. «У вас есть постановление о возбуждении уголовного дела? Нет? Вы успели сбежать? Простите, но это только ваши слова, ничем помочь не можем». Так закончилась попытка получить убежище для минчан Олега и Даши в Венгрии — первой стране

бумаг: силовики не шлют электронные письма «мы вас посадим, вам грозит десять лет». А кроме протестов есть еще и донаты, которые вообще выглядят для миграционных чиновников чем-то несурзанным («это не создает угрозы для вас»), но де-факто грозит реальными сроками. Можно вспомнить хотя бы белоруску Галину Краснянскую, которая в белорусских протестах 2020 года не участвовала хотя бы потому, что много лет живет в Швеции. И все эти годы время от времени спокойно приезжала в Беларусь навестить родственников. А весной 2023 года Галину, приехавшую в очередной раз на родину, арестовали. За донаты. И в январе приговорили к пяти годам лишения свободы. Могла бы Галина накануне ареста доказать, что поездка в Беларусь для нее опасна? Да ни в жизнь.

Можно рассказывать еще множество историй, можно вспомнить прошлогодние лукашенковские поправки в закон «О гражданстве Республики Беларусь», позволяющие лишать гражданства уехавших белорусов, заочно осужденных «за экстремизм», можно вспомнить бесконечный конвейер репрессий и такой же непрекращающийся поток бегущих белорусов, которые в момент бегства меньше всего думают о сроке действия своего паспорта. Они задумаются о

О ЧЕМ ДУМАЮТ В РОССИИ

Социологическая
рубрика

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
«ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

С развитием интернета и социальных сетей в России (как и в других странах тоже) были связаны большие надежды на быстрое приобщение россиян к альтернативным источникам информации, свободным от государственного контроля, что должно было повлечь за собой усиление гражданского общества и демократизацию.

Однако, как показывают наши исследования, освоение новых инструментов вовсе не обязательно означает отказ от старых привычек. А кроме того, у государства,

которое обладает громадными ресурсами, получается адаптироваться к ситуации, подчиняя своим интересам новые инструменты в интернете. Изменения происходят, но они вряд ли оправдывают ожидания либеральных энтузиастов развития новых медиа.

В «Левада-центре» мы ведем регулярный мониторинг аудиторий основных каналов получения информации: аудитории интернета — на протяжении более 20 лет, аудитории основных источников новостей — более 15 лет. Ровно десять лет назад, в июне 2014 года, вышло наше

первое большое обзорное исследование российского медиаландшафта. Этот мониторинг позволяет проследить эволюцию основных каналов получения информации и как эти изменения влияют на массовые представления россиян о происходящем. Важно подчеркнуть, что наши исследования описывают массовые процессы, в которых отдельному человеку бывает трудно найти себя. Тем важнее уметь посмотреть за пределы собственного опыта, своего ближнего круга, попытаться понять картину происходящего целиком и в развитии.

«Партия телевизора» не сдает позиции

КАКИЕ ВИДЫ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ
ПОТРЕБЛЯЮТ
ЖИТЕЛИ РОССИИ

Денис
Волков

Контуры российского медиа-ландшафта

Итак, долговременные регулярные опросы показывают очень плавное снижение аудитории телевизионных новостей на протяжении последних десяти лет. Если в девяностые и нулевые годы телевизионные новости были главным источником новостей для 90% россиян, то с середины 2010-х ситуация начинает постепенно меняться, и к сегодняшнему дню доля таких людей снизилась примерно на четверть — до 65% от взрослого населения страны. Уменьшение аудитории, безусловно, происходит, но резкого обвала числа телезрителей не наблюдается. Большинство не спешит отказываться от прежних привычек. В большинстве российских семей телевизор продолжает работать в фоновом режиме — в гостиной или на кухне, а просмотр вечерних новостей остается неизменным ритуалом.

За последние два года роль российского телевидения в освещении и обсуждении текущих событий даже росла — с началом военных действий значительное количество наших респондентов считает, что в ситуации международного конфликта нужно придерживаться официальных источников.

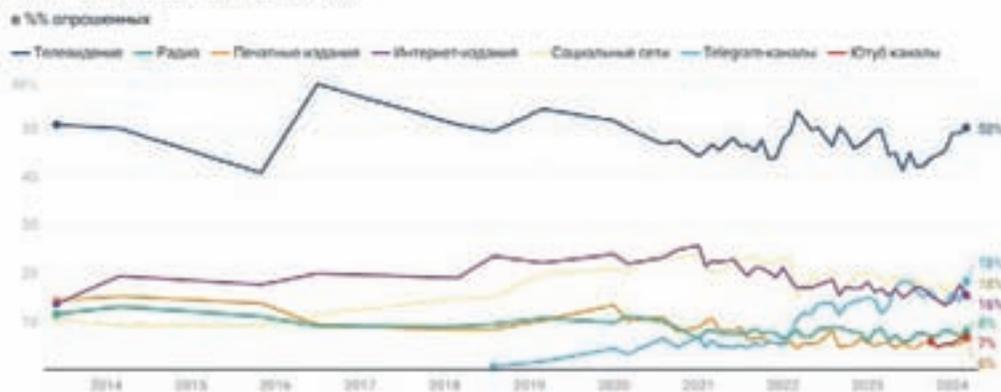
Гораздо более масштабные изменения происходили с аудиторией печатных изданий. Только за последние 15 лет аудитория газет сократилась в 6 раз: с 37% до 5–6%. А более ранние замеры показывают, что еще в начале 90-х газеты были столь же важным источником информации для рядового человека, что и телеканалы: в 1990 году 90% жителей РСФСР читали прессу более-менее регулярно. В нулевые годы газеты сначала потеснило телевидение — газеты читали все реже и реже, а затем им на смену пришли интернет-издания, аудитория которых за 15 лет увеличилась с 9% до сегодняшних 28–30% (имеется в виду доля людей, использующих интернет-издания как важный источник информации).

Еще быстрее росло информационное значение соцсетей — аудитория россиян, получающих новости из этого источника, утроилась всего за 11 лет — с 14% в 2011 году до 38–40%. Наконец, совсем

стремительно произошло освоение телеграм-каналов, число читателей которых всего за пять лет выросло с 1% до четверти населения (эту цифру стоит отличать от общего числа пользователей мессенджера, которое на май 2024 года составило около половины россиян). Причем резкий скачок популярности телеграм-каналов — с 5 до 15% — произошел весной 2022 года на фоне начала СВО, блокировок иностранных социальных сетей и исчезновения ряда привычных независимых изданий. Наиболее заинтересованные граждане повалили в телеграм-каналы за альтернативной информацией, а также за новостями с передовой — от «военкоров» и провоенных телеграм-каналов типа сетки «группы Вагнера» и им подобных.

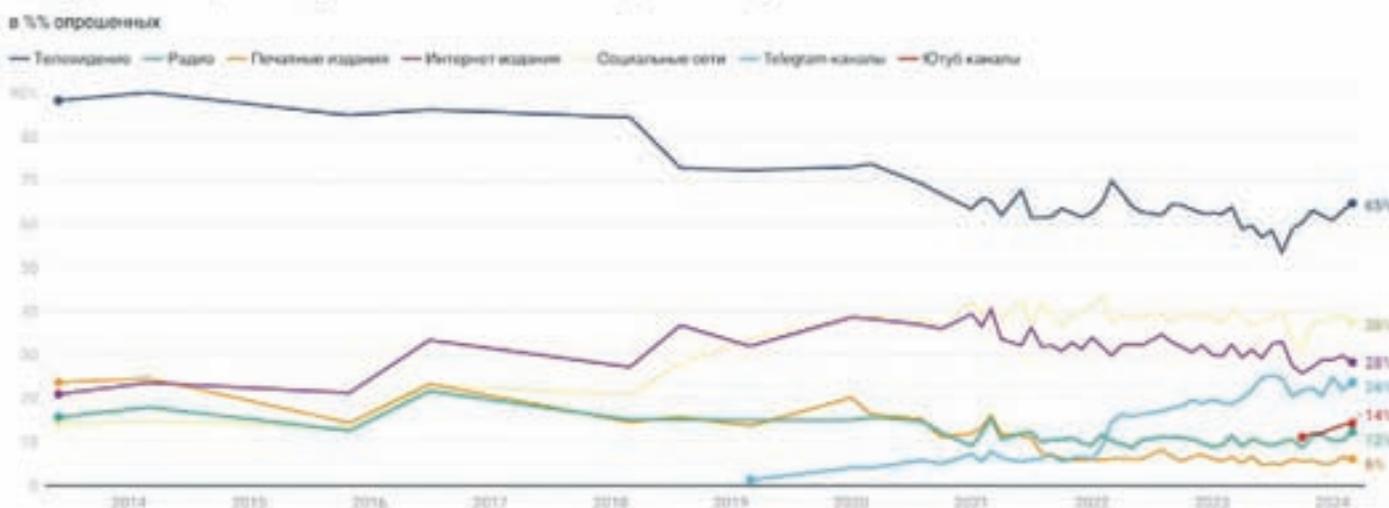

Каким источникам информации Вы более всего доверяете в освещении новостей в стране и в мире?

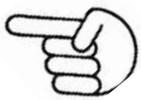

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 18+

Откуда Вы чаще всего узнаете о новостях в стране и мире?

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 18+

«Партия телевизора» не сдает позиции

Ютуб-каналы остаются менее популярными источниками новостей и аналитики — для этого их используют порядка 15% россиян (при том что совокупная аудитория ютуба в России превышает треть населения, за последние шесть лет она выросла втрое — с 15 до 37%). Стоит отметить, что массовый приход профессиональных журналистов в ютуб и расцвет общественно-политических ютуб-каналов приходится на период 2017–2019 годов, когда сформировалась критическая масса потенциальных зрителей. Вплоть до 2021 года число пользователей этой сети росло быстрыми темпами, после чего произошло замедление. Стоит отметить, что далеко не все зрители ютуба используют его как источник новостей о политике, значительное число людей идут туда ради развлечения и познавательного контента.

Доверие источникам информации обычно ниже, чем размеры аудитории, но в целом здесь наблюдается то же самое соотношение между источниками, что и в потреблении новостей. По большому счету, если смотрят и читают — значит, доверяют. А в случае, если пользуешься только одним каналом получения информации, то не важно, доверяешь ты ему или нет. Хочешь не хочешь, он все равно формирует твоё мировоззрение за неимением альтернативы.

Так, сегодня около половины россиян доверяют телевидению. На фоне военных действий в Украине это доверие укрепилось вслед за ростом потребления телевизионных новостей. Интернет-источникам доверяют заметно меньшее число людей. Например, 18% доверяют телеграм-каналам, порядка 16–17% — интернет-изданиям и соцсетям, ютуб-каналам — только 7%. При этом в последние два-три года доверие большинству интернет-источников снижалось. Как говорят наши респонденты старшего возраста, «интернет — это большая помойка», кроме того, в условиях СВО заметное число россиян подозревают, что через интернет может распространяться «вражеская информация», поэтому, мол, в интернете всегда нужно быть начеку.

Пересекающиеся аудитории

Такое бурное развитие интернета и социальных сетей в России привело к тому, что в конце 2021-го — начале 2022 года, по данным опросов, интернет в качестве основного поставщика новостей сравнялся с телевидением. А в начале 2024 года обогнал его. Однако эти две аудитории во многом пересекаются. Справедливо сказать, что чуть больше половины россиян, узнающих новости из разных интернет-источников, продолжают при этом смотреть телевизионные новостные передачи и ток-шоу. И это очень важно.

Порядка 33% россиян узнают новости почти исключительно из телевизионных передач, и поэтому их взгляды на происходящее и большинство оценок ситуации подвержены сильному влиянию того, что говорят по телевизору. Две трети из них — люди старше 55 лет, три четверти проживают за пределами крупных городов. Здесь наиболее выражена поддержка власти, СВО, преобладают позитивные оценки прошедших президентских выборов (по каждому из этих пунктов — около 90%).

Еще треть населения наряду с телевидением уже освоила различные интернет-источники, получает новости в том числе онлайн.

Казалось бы, их взгляды и оценки ситуации, отношение к властям должны быть более разнообразны, но этого не происходит. Мнения представителей обеих групп по большинству общественно-политических вопросов практически неразличимы. Телевидение очевидно превосходит интернет по силе своего убеждения и внушения и продолжает формировать мировоззрение и политические установки большинства россиян.

Это в том числе подтверждается тем, кого респонденты называют в числе журналистов, ведущих и блогеров общественно-политической направленности, за чьими выступлениями люди стараются следить. На первых строчках этого рейтинга неизменно оказываются ведущие наиболее рейтинговых телевизионных программ — Владимир Соловьев, Ольга Скабеева, Дмитрий Киселев и другие — так было семь лет назад, так остается и сегодня, несмотря на все развитие интернета. Популярны видеоблогеры — Юрий Дудь*, Алексей Пивоваров*, Илья Варламов*, Максим Кац* всегда были в разы менее популярны среди массовой аудитории, в том числе потому, что не имели к ней прямого доступа. К тому же сегодня их теснят в нашем рейтинге герои нового времени — «военкоры», такие как Александр Сладков, Евгений Поддубный и Александр Коц.

Значимые отличия от взглядов большинства наблюдаются лишь у тех респондентов, которые вообще не смотрят телевизор и получают информацию из интернет-источников. Но их на всю страну всего порядка 28% — это, безусловно, значимое, но все же меньшинство населения. Эта аудитория ожидается смещена в сторону населения крупнейших городов и людей с высшим образованием, более чем на две трети она состоит из россиян моложе 45 лет. Поддержка Владимира Путина здесь в среднем почти в полтора раза ниже, чем среди телезрителей. При этом наиболее критически настроенными по отношению к власти оказываются зрители политических ютуб-каналов. Точно такая же картина складывается по вопро-

*Признаны Минюстом РФ «иноагентами».

су о поддержке СВО и даже по вопросу о присоединении Крыма к России.

О воздействии телевидения

О том, почему телевидение оказывает столь мощное влияние на умы людей, писали многие исследователи. Известный немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман говорила о всепроникающей силе телевидения, которое путем много-

последовательные, непротиворечивые представления о том, с чем они не сталкиваются непосредственно на собственном опыте. Информированная (квалифицированная, или, как еще называют ее американские социологи, «внимательная») публика, которая внимательно следит за новостями и поэтому способна на самостоятельное суждение, в любом обществе составляет меньшинство. По оценкам Денниса Девайна, ее размеры в США не превышают трети населения. У нас — по различным опросам — она также колеблется в диапазоне 25–30%

В России, где телевидение является наиболее распространенным каналом получения информации, его влияние усиливается еще и тем, что в новостной повестке нет разнообразия и борьбы значимых точек зрения. Здесь «консенсус» задается и поддерживается сверху — федеральные телеканалы транслируют единую государственную линию, а критиков власти приглашают на телевизионные политические ток-шоу разве что в качестве мальчиков для битья.

В отличие от непротиворечивого и монолитного российского телевидения, интернет состоит из множества разрозненных источников разного качества (напомним, что недавнее численное превышение интернет-аудитории над телевизионной обеспечено лишь за счет искусственного агрегирования аудиторий разных каналов в интернете). В голове среднестатистического интернет-пользователя все это богатство информации часто не может сложиться в целостную картину, распадается на фрагменты и превращается в полную кашу.

В многообразии интернет-источников нужно уметь разобраться. Россияне постарше, многие из которых только начинают осваивать интернет, делают это с большим трудом и чувствуют себя по этому поводу неуверенно. Из этой неуверенности во многом проистекает столь распространенная в нашем обществе поддержка разного рода ограничений, блокировок и цензуры. Для таких людей телевидение намного понятнее, ближе и привычнее. А кроме того, в представлении значительного количества людей старшего поколения, «если по телевизору говорят — значит, правда».

Молодежь, которая по умолчанию хорошо ориентируется в интернете и гораздо реже смотрит телевизор, хотя и оказывается менее интенсивно индоктринирована, но при этом часто не обладает необходимыми опытом, компетенциями и интересом для того, чтобы самостоятельно разобраться в политических сюжетах. Поэтому молодые люди зачастую просто заимствуют оценки происходящего у взрослых, многие из которых — как мы показали — полагаются в своих взглядах и суждениях на телевизор. Так круг замыкается.

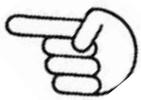
Петр САРУХАНОВ

кратного повторения одной-единственной точки зрения не только формирует наше мнение по какому-либо вопросу, но и убеждает нас, что и все остальные придерживаются того же мнения.

Как убедительно показал американский социолог Джон Цаллер, большинство людей не интересуются политическими новостями настолько, чтобы хорошо разбираться в происходящем и иметь

(видимо, это универсальная социальная характеристика). Напротив, большинство населения, как правило, оказывается чрезвычайно зависимым от дискурса, доминирующего в средствах массовой информации. И если в СМИ в какой-то момент времени устанавливается консенсус по поводу оценок происходящего, большинство некритически усваивает эти оценки как свои собственные.

Государство идет в онлайн

По мере развития интернета и социальных сетей в России государство проявляет все больше интереса к регулированию и контролю за этой сферой. О фабриках троллей или системах прослушки можно прочитать в других исследованиях. Здесь же приведем лишь те примеры, которые за последние десять лет находили отражение в наших опросах.

В отношении интернет-ресурсов, похоже, действует следующее правило — пока ты мелкий и незначительный, тебя не замечают. Но как только твоя аудитория и влияние начинают расти, государство начинает проявлять к тебе интерес. Можно привести в пример смену редакции «Лента.ру» в марте 2014 года, после начала первой фазы российско-украинского конфликта. По охвату аудитории издание на тот момент было одним из самых популярных в российском новостном интернете — больше только у «Яндекс.Новостей» (борьба за контроль над этим

«Партия телевизора» не сдает ПОЗИЦИИ

ресурсом также шла давно и окончилась победой государства осенью 2022 года уже на нынешнем витке российско-украинского конфликта).

Несмотря на то что скандал вокруг смены редакции «Ленты» широко освещался самим изданием, а заявления прежнего журналистского коллектива до сих пор остались висеть на сайте, большинство читателей «Ленты» остались равнодушны к этому конфликту. Судя по нашему опросу, они продолжили читать Lenta.ru, а вовсе не перешли вслед за журналистами в их новый проект — Meduza (с января 2023 года является нежелательной в России), которому пришлось самостоятельно набирать и воспитывать свою аудиторию — в 2016 году она

все еще составляла менее 1% россиян. Большинство либо не заметило смены редакционной политики, либо осталось к ней равнодушно.

В чем-то похожая ситуация складывается сегодня вокруг блокировок различных ресурсов в интернете. Повышение числа блокировок не приводит к росту числа пользователей VPN-сервисов, их доля на протяжении уже трех лет колеблется вокруг четверти населения. Эти сервисы используют прежде всего молодые люди из крупнейших городов, что похоже на аудиторию людей, отказавшихся от телевизора. Однако по своим взглядам и оценкам ситуации они лишь немного более оппозиционны (и по их собственным словам, и в ответах на другие вопросы), независимые блогеры и журналисты здесь лишь чуть более популярны, чем в среднем по стране. Похоже, что основной массе пользователей VPN-сервисы нужны не для чтения новостей из альтернативных источников, а для развлечений. И хотя осведомленность о возможности обхода блокировок растет, но большинство не видит в этом необходимости — рядовому человеку хватает того, что находится в открытом доступе.

Блокировки иностранных сетей были восприняты большинством россиян довольно спокойно, возможно, потому что некоторые из них оставались относительно маргинальными — аудитория Facebook** на пике его популярности едва превышала 10% населения, Twitter — 5% (сегодня обе опустились к 2%). Наибольший стресс должна была вызвать блокировка Instagram**, аудитория которого активно росла — за 2018–2021 годы она увеличилась с 13 до 31% населения,

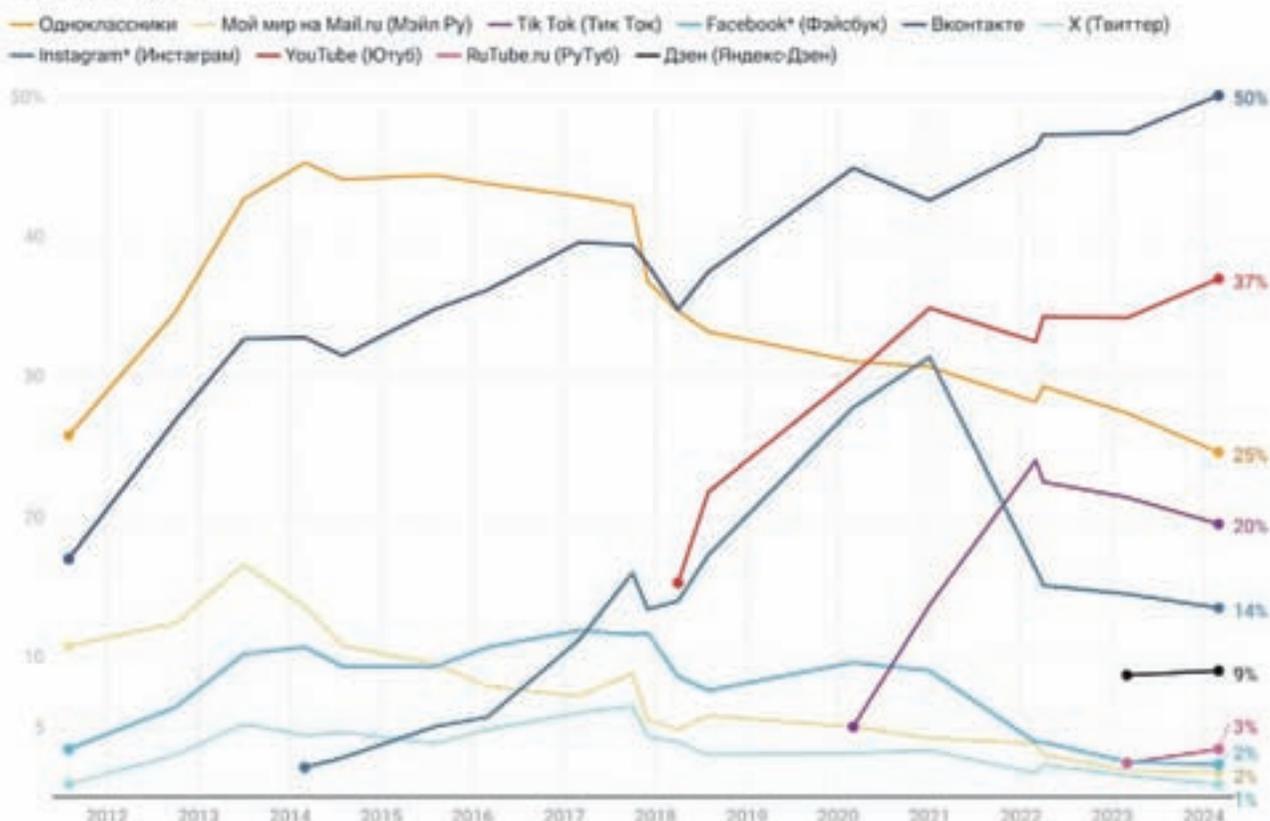
** Входят в компанию Мета, признанную в РФ запрещенной экстремистской организацией.

Петр САРУХАНОВ

Какие «социальные сети» Вы посещаете?

в % опрошенных

*Компания Meta, владеющая соцсетями Facebook и Instagram, объявлена в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР». 18+

Создано с помощью DataParser

а после блокировки стремительно сократилась вдвое всего за год — до 16%.

Хотя в последнее время ходит много слухов о возможной блокировке YouTube, власти пока не решаются на этот шаг. Возможно, потому, что этой платформе пока нет отечественной альтернативы. Сегодня аудитория этой сети составляет более трети населения (37%), а ближайший аналог — RuTube — пока что «не взлетел», на сегодняшний день его регулярно посещают только 2–3% россиян. Однако если функции YouTube сможет взять на себя «ВКонтакте» — наиболее популярная российская социальная сеть, которую регулярно посещает 50% населения, — путь к блокировке американской платформы будет открыт.

Параллельно переманиванию наиболее популярных блогеров из YouTube во «ВКонтакте» идет создание проблем независимым журналистам и комментаторам, продолжающим вещать на российскую аудиторию — их объявляют «иноагентами», запрещают российским компаниям размещать у них свою рекламу, что сильно снижает их финансовые возможности. Вместе с тем ключевые фигуры российского телевидения сами

начинают активно осваивать интернет. Имея на это обширные ресурсы, они начинают переигрывать независимых видеоблогеров и журналистов на их собственном поле. Так, Владимир Соловьев возглавляет наш рейтинг самых популярных журналистов общественно-политической направленности даже среди тех, кто получает новости только по интернету (хотя его рейтинг тут втрое ниже, чем у телевизионной аудитории).

Итак, за последние 15 лет в привычках потребления новостей у российских граждан произошли заметные изменения. Доля телевидения как поставщика новостей за это время снизилась на треть. Совокупная доля интернет-источников, напротив, выросла и в этом году превысила аудиторию телевидения. Впрочем, все это во многом пересекающиеся аудитории — только 28% россиян получают новости онлайн, не заглядывая при этом в телевизор.

Именно поэтому роль телевидения в формировании представлений о происходящем в стране и мире, а также поли-

тических установок большинства россиян все еще остается определяющей — все это подтверждается результатами опросов.

Кроме того, по мере усиления государственного контроля за интернетом — посредством смены редакций онлайн-СМИ, блокировки иностранных социальных сетей и перевода их аудиторий на отечественные аналоги, маргинализации независимых журналистов и блогеров, а также освоения интернет-пространства ключевыми фигурами государственных СМИ — российский интернет будет по своему содержанию постепенно приближаться к отечественному телевидению.

Чем дальше это будет происходить, тем меньше смысла будет оставаться в противопоставлении «партии телевизора» и «партии интернета». Как говорится, в России какую партию ни строй, все равно в итоге получается КПСС.

Денис Волков

ГОРБИТ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

В ОСНОВЕ
РЕПРЕССИВНЫХ
ПРАКТИК РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА ЛЕЖИТ
ДЕЛЕГИРОВАННОЕ
ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ
«ПРАВО» ОТМЕНЯТЬ
ПРАВО В СВОЕЙ ЗОНЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Право на произвол

Леонид

Никитинский**Исходное
неравенство**

На третьем году специальной военной операции, само обозначение которой подчеркивало предполагаемую скоротечность этого предприятия, президент, патриарх, а за ними высокопоставленные чиновники администрации, не говоря уже о пропагандистах, начали использовать применительно к событиям в Украине слово, которое всем остальным употреблять категорически запрещено — под угрозой неподъемного штрафа.

Quod licet Jovi, non licet bovi (что позволено Юпитеру, не позволено быку) — на этом принципе исходного неравенства основывается действие «машины тоталитаризма модернизированной» (МТМ), ранее подробно описанной нами в № 5 журнала «Горби». В точке исключения/привилегии право соскальзывает в групповую этику «понятий», о которых мы еще поговорим особо, и подменяется неправом.

Равенство — чисто правовой принцип. Это изобретение цивилизации: в природном порядке вещей оно не встречается. Впервые равенство было закреплено, вероятно, в виде института гражданства Римской империи, которое предоставлялось и всем свободным жителям присоединенных провинций независимо от этнической, языковой и религиозной принадлежности.

Но в V веке Рим пал под натиском варварских племен, каждое из которых знало только собственную иерархическую этику. Чтобы вновь дозреть до идей равенства и права, бывшим варварам понадобилось еще больше тысячи лет. То, что получилось в результате постепенного проникновения равенства и права в общественную (политическую) жизнь, и называется (европейской) цивилизацией.

Историческую Россию мы можем отнести к европейской семье по признакам былых образования, науки или манер, но по главному критерию — степени проникновения в ее политическую жизнь начал равенства и права — здесь скорее «Азия». Хотя и с присутствием некоторого значи-

мого слоя «европейцев», которые время от времени предпринимают попытки вырвать страну из ее «колеи» и перетащить на «столбовую дорогу». До сих пор все эти попытки в конечном счете терпели неудачу: власти, сменяя друг друга, неизменно возвращали государство к архаике иерархии и неравенства, извлекая из этого выгоды для себя.

Эксперт в области институциональной экономики Александр Аузан, рассуждая о возможности перехода с низкой траектории экономического роста на высокую, которая была упущена в СССР в 1991 году, выделил в качестве одного из условий такого скачка «создание законов для себя с распространением на других — вместо создания законов для других с написанием для себя исключений». Это то, что пытался сделать Горбачев, однако уже режим Ельцина пошел по пути предоставления привилегий. В путинской России прием исключения лег в основу «диктатуры закона» — так в феврале 2000 года в открытом письме избирателям тогда еще кандидат в президенты Владимир Путин переименовал формулу «правового государства» (Rule of Law), которая изначально, еще на интуитивном уровне, его не устраивала.

**Избирательное
право-не-
применение**

Что такое «диктатура закона» в действительности, было вскоре явлено на примере «дела ЮКОСа». Ходорковскому* и Лебедеву вменялось использование схемы минимизации налогов, которую наряду с ЮКОСом использовали очень многие компании и которая на тот момент считалась вполне законной. В научных и публицистических комментариях по «делу ЮКОСа» впервые, во всяком случае, с такой отчетливостью, стал использоваться термин «избирательное правоприменение», который затем закрепился и в анализе многих других ситуаций неправа.

Формула «избирательного правоприменения» неплохо выполнила свою аналитическую функцию, но ее стоит расшифровать детальнее, для чего мы подчеркнем два момента. Во-первых, механизм избирательного правоприменения используется всегда задним числом — когда некие типовые действия уже совершены, причем открыто, целым рядом лиц. Тогда, во-вторых, оказывается важным не только применение, но и избирательное неприменение той же

нормы к другим, что тождественно созданию для этих других исключения, которое, впрочем, тоже может быть в любой момент отозвано.

23 апреля 2024 года на рабочем месте в Министерстве обороны был задержан и в генеральской форме доставлен в суд для заключения под стражу Тимур Иванов — замминистра Сергея Шойгу, который курировал вопросы, связанные с управлением имуществом и расквартированием войск, жилищным и медицинским обеспечением, отвечал за строительство, реконструкцию и капитальный ремонт объектов МО. Иванову сейчас инкриминируется получение взятки в особо крупном размере — пока неясно, будет ли предъявлен и в каком объеме состав хищения, но никто не сомневается, что размер этот — ну о-очень крупный.

После смещения Путиным Шойгу с поста министра обороны стало понятно, что «дело Иванова» преследовало цель подготовить эту отставку и назначение нового министра. А что же делал Тимур Иванов предшествующие лет двенадцать, начиная с работы в правительстве Московской области при губернаторе Шойгу? Он вел напоказ роскошную жизнь и с 2019 года неоднократно попадал в поле зрения журналистов-расследователей, которые, как могли, обнародовали все, что теперь, видимо, составит «начинку» его уголовного дела. Все это время он, отнюдь не скрываясь, прекрасно себе жил и действовал в некоей зоне исключения, оставаясь недостижимым для российского правосудия.

Сколько еще больших и маленьких «ивановых» живет и действует в этой (не такой уж «слепой») зоне, каков их совокупный достаток и с кем они им делятся, сказать сложно, но все понимают, что это не из ряда вон выходящий случай, а система, обладающая свойством некоей собственной «понятийной» нормативности.

Норма права не содержит в себе механизм собственного применения — социологи используют термин «мобилизация права». Правоприменитель, оказавшись перед ситуацией, которая описана диспозицией нормы, должен ее мобилизовать, то есть запустить формальный процесс: зарегистрировать заявление, составить и передать в суд протокол, возбудить дело, наложить арест на счет и т.д. Но на практике он может этого и не сделать, чему бывает множество причин: от особенностей учетных показателей ведомства до получения взятки или проявления милосердия.

* Признан властями РФ иноагентом.

Право на произвол

В СССР возбуждение уголовного дела и арест члена КПСС, а тем более представителя так называемой номенклатуры, должны были согласовываться с партийными органами соответствующего уровня — это нигде в законе не записанное правило было, по крайней мере, артикулировано во внутренних документах и всем известно. Нынешняя зона исключения/привилегии устроена сложнее: правоприменитель должен сам знать (узнать, угадать), какая у данного объекта его внимания и потенциального действия нормы «крыша», и сообразовать с этим свое решение, чтобы ему самому «не прилетело».

В таком контексте прием исключения негативен: правоприменителю делегируется не столько право что-то сделать, сколько право не делать что-то, к чему обязывает более общий формальный закон. В случае с Тимуром Ивановым — это «право» не возбуждать до специальной отмашки дело, хотя все признаки преступления налицо, а на более низком уровне этому соответствует «право» не возбуждать элементарные бытовые дела по заявлениям граждан (например, с целью вымогательства взятки) или «право» расследовать политическое убийство таким образом, что виновные не будут найдены и привлечены к ответственности.

Протухший «легизм»

Начало специальной военной операции в феврале 2022 года обозначило рубеж, за которым одного только механизма избирательного правоприменения/неправоприменения для «машины тоталитаризма» оказалось недостаточно.

Как мы уже писали в № 5, МТМ представляет собой перевернутую, по сравнению с классической, пирамиду, где вершину образует не законодатель, принимающий законы в видах общего блага, а полицейские (в том числе надзорные) органы. Именно им реальный центр власти, находящейся вне контура МТМ, адресует неявный «сигнал» на ужесточение репрессии, а законодатель оперативно подгоняет потребные «поправки» — в данном случае в виде в первую очередь принятых уже 4 марта 2022 года

статей 207.3 УК и 20.3.3 КоАП РФ — соответственно о «фейках» и дискредитации Вооруженных сил. При этом суды, включая Конституционный, занимаются тем, что юристы называют «заранее обещанным укрывательством»: закрывают глаза на очевидные нестыковки в квазиправовой практике репрессий.

До нынешнего (относительно растянутого) рубежа правоприменители, в первую очередь судьи, могли объяснять сами себе (как той совести, которая приходила по ночам к Незнайке) собственные неправомерные решения с помощью концепта легизма: «закон суров, но это закон». Умножение и ускорение репрессивных практик вывело их за пределы легизма: теперь приходится выбирать не между применением/неприменением нормы к подпадающему под нее случаю, а применять ту норму, которая по признакам юридического состава с ним вообще не совпадает, и часто выносить на этом основании приговор к реальному и длительному лишению свободы.

Алексей Горинов, высказавший на совете муниципальных депутатов мнение о неуместности конкурса детских рисунков в период СВО (7 лет лишения свободы в июле 2022 года), вообще не распространял никаких сведений о «вооруженных силах». Врач Надежда Буянова, в отношении которой есть только показания мамы малолетнего пациента, не распространяла сведений «публично», она вообще их не распространяла, а высказала мнение, то ли правильно, то ли неправильно понятое «потерпевшей». В деле Беркович и Петрийчук нет признаков оправдания терроризма, и никакой экспертизы (тем более «деструктурологической») тут не требуется — судьям, раз за разом продли-

вавшим им содержание под стражей, это было ясно и так.

Такое натягивание «совы на глобус» не может не породить, по крайней мере у судей, когнитивный диссонанс, но вместе с тем имеет системный, если не сказать массовый, характер. Каких-то увольнений из системы мы не наблюдаем — следовательно, правоприменители научились, не прибегая к протухшему «легизму», как-то с этим справляться. Представляется, что для этого судьям приходится выходить из правового поля в поле (групповой) этики, оперируя неопределенным концептом «предательства»: обвиняемые заслуживают кары не по закону, а как «предатели», в свою очередь, они сами, надлежащим образом применив надлежащий закон, оказались бы предателями по отношению к «своим» — следователям, прокурорам, судейскому начальству, коллегам, послушно делающим то же самое, «стране».

Отмена права всегда влечет отмену равенства: все граждане (отнюдь не только обвиняемые и подсудимые) теперь делятся на «правильных» и «неправильных».

Ponyatia

Легизму, который сводит право к корпусу писанных норм, противостоит социологический подход, считающий правом не все, что утверждено в надлежащем порядке и записано в нормативных актах, а лишь то, что фактически действует. Мы расширим этот взгляд, уточнив: действует, притом с известным оттенком нормативности, не только то, что записано, но и то, что формально никем не утверждено и чаще всего нигде не записано, но существует неким иным образом. Это то, что в современном русском языке при попытках описать соответствующую область явлений мы называем «понятиями».

Вряд ли можно точно указать, когда этот термин вошел в общепринятый словарь дискурса о власти, причем скорее в негативном ключе, когда утверждается, что власть «поступила не по понятиям». Момент придания изначально блатным «понятиям» такого расширительного толкования — скорее всего, 90-е годы; место — вероятней всего, «бандитский Санкт-Петербург», дотошно описанный журналистом и писателем Андреем Константиновым.

необходимо быть понятливыми, тем более что авторитет, занимающий более высокое положение в иерархии и чаще всего известный только посвященным, может перетолковывать понятия (как и в тюремном мире) достаточно вольно.

Понятийные связи и компетенции, основывающиеся на исключениях из правил, не артикулируются, не выявляются без специального анализа, и их крайне сложно объяснить тем, кто не погружен в соответствующую среду. При переводе на другие языки предпочтительно использовать кальку: *Ponyatia*.

Но что бы ни происходило за кулисами правоприменения, публично президент (например, отвечая на вопросы, касающиеся конкретных кейсов на разного рода встречах), а вслед за ним судьи и другие правоприменители повторяют, как мантру: «Суд разберется, нельзя оказывать давление на суд». Оставаясь в правовом поле, возразить против этого нечего. Но чем дальше, тем очевидней становится лукавство такой позиции: все понимают, что в России закон сегодня — далеко не единственный и не главный регулятор «правоприменительной практики».

Показателем этого является весьма низкий уровень доверия к суду на фоне высокого доверия к президенту и «силовым структурам»: граждане не только отлично понимают, кто на самом деле принимает решения, но, по-видимому, и оказывают предпочтение административному порядку их принятия перед нормативным. Здесь правовой режим начинает смещать-

ной, а судей с экрана телевизора теснят вооруженные бойцы Росгвардии, с криками ломающие двери в квартиры неудобных режиму.

«Двойное государство» Френкеля

Центральная власть реализует свои функции (работают ли они на благо общества или на благо только самой власти) двумя способами: нормативно — путем создания правил или административно — с помощью индивидуальных распоряжений. Для российской «вертикали власти» предпочтителен административно-командный порядок управления, но регулировать сложные социальные процессы, в том числе методом репрессий, в ручном режиме из единого центра невозможно. Власть вынуждена делегировать дискреционные (включающие элементы усмотрения) полномочия должностным лицам — делегатам (буквально — назначенным).

Сам по себе такой процесс уже нормативен, но его нормативность не совпадает с тем, как власть распределена на разных этажах права и правоприменения официально — начиная с Конституции (в которой, например, нет такого органа, как «администрация президента») и заканчивая ведомственными инструкциями, например, регулирующими должностные права и обязанности сотрудников ФСИН. В этом зазоре и появляется неправое.

Вводя этот термин в № 5, мы старались подчеркнуть, что неправое, имеющее отчасти нормативный характер, неспособно функционировать отдельно от права: оно его тень, работает всегда под его прикрытием, им оперируют чаще всего те же самые должностные лица, которым, однако, негласно делегировано «право» подсоединять к правовым нормам антиправовые практики.

Немецкий правовед Эрнст Френкель, практиковавший и преподававший в Веймарской республике Германии и вынужденный покинуть ее в 1938 году, уже в 1941-м выпустил в США книгу «Двойное государство», где описал избирательное правоприменение/неприменение в Германии 30-х годов: «Когда юстиция больше не может осознать, что такое закон, она подвергается опасности вогнать саму себя в зависимость от не-законов».

«Режим СВО потеснил «нормативное государство» уже и в сфере гражданского права: от захвата активов покинувших РФ иностранных компаний власть перешла к переделу собственности внутренних правообладателей»

От классического рода — видового «понятия» как термина, используемого в логике, «понятия» отличаются тем, что там по смыслу — существительное, восходящее к платоновским идеям и средневековым универсалиям, а тут скорее отглагольная форма, в основе которой лежит сам процесс «понимания». Исполнителям

ся в сторону чрезвычайного положения, которое, впрочем, нет нужды объявлять формально: медийная часть МТМ (а «модернизированность» нашей машины выражается в том, что она одновременно функционирует и как медиа) продолжает демонстрировать картину «правосудия», хотя она становится все более истерич-

Право на произвол

Двойное государство, по Френкелю, — такое, в котором нормативное государство (Normenstaat) действует параллельно с дискреционным «государством мер» (Massnahmestaat), то есть здесь применяются в одних случаях законы, а в других — «не-законы». Социал-демократ Френкель объяснил эту двойственность вполне с марксистской точки зрения: «Немецкий капитализм нуждался не в унитарном, а в двойном государстве, **произвольном в политическом измерении и рациональном — в экономическом**» (*выделено мной. — Л. Н.*).

У нас режим СВО потеснил «нормативное государство» уже и в сфере гражданского права: от захвата активов покинувших РФ иностранных компаний власть перешла к переделу собственности внутренних правообладателей, отдавая предпочтение «патриотам», коснулся этот подход и права интеллектуальной собственности (какие последствия это будет иметь для экономики — не предмет нашего анализа).

Нам важно увидеть, что применением права и неправа заняты одни и те же структуры (но не всегда одни и те же люди: так, уголовные дела с политической подоплекой обычно попадают на рассмотрение к судьям, специально отобранным из более широкого их состава). В первом случае решение принимает «нормативное государство», во втором — дискреционное «государство мер». «Правоприменитель» (кавычки, так как в такой ситуации он применяет не только право) в одних ситуациях мобилизует закон, а в других — причем с точки зрения нормы точно таких же — его «демобилизует».

Теперь важно понять, от кого и каким образом он получает эту компетенцию.

Судейская мантия и казакин мушкетера

Здесь надо внимательней взглянуть на тех, кого до сих пор мы видели только в одной плоскости — как «правоприменителей». Обычно (хотя не всегда) это должностное лицо, обладающее влас-

тью, но двойным, гибридным статусом. Например, судья в легальном статусе действует как государственный орган и легист. А каков его статус в тот момент, когда он целенаправленно мешает защите представлять доказательства по делу? Готовясь вынести приговор, он остается, несомненно, носителем государственной власти, но эта власть уже не в сфере права, а в структурах неправа, где действуют иные, понятные ему, а нам только отчасти, нормы и скрытые компетенции.

До и после Второй мировой войны Френкель вел полемику с Карлом Шмиттом, который обосновал теорию «чрезвычайного положения», полагая его в истории не исключением, а правилом, и дал определение суверена, которое нам тут очень пригодится. Суверен, по Шмитту, — не тот, кто устанавливает право, а тот, кто может в любой момент его отменить, введя чрезвычайное положение. Вот эту прерогативу отменять право, то есть «право» на произвол, «двойное государство» или (у нас) МТМ и делегирует «правоприменителям» — каждому на своем уровне.

Суверен волен отменить любую норму. В 2020 году так было инициировано внесение изменений в Конституцию РФ, фактически отменившее действие ряда норм ее главы 2, для чего, согласно заключительным положениям Конституции, требовался особый и весьма сложный порядок. Чтобы придать этой акции неправа видимость права, пришлось прибегнуть к очень замысловатой процедуре, которая, однако, никого не ввела в заблуждение: решение принял и провел в жизнь «суверен», который делегировал с этой целью свои полномочия Федеральному собранию, Конституционному суду и даже в форме нигде не предусмотренного «все-российского голосования» — «народу».

В массе же случаев решение об исключении касается конкретных ситуаций и отдельных персон. Суверен может (пользуясь судебной терминологией) принять к производству любой кейс, но большую часть своей компетенции он перепоручает делегатам. Сложность делегатуры в том, что наряду с позитивным и формальным

описанием своих официальных функций делегат получает никак не зафиксированное, но подразумеваемое право делать исключения и не применять закон. Описать все такие случаи исчерпывающим образом означало бы вернуться к норме, но это не только нежелательно, но и нереально.

Александр Дюма в мушкетерских романах описывает реально существовавшую практику выдачи королем в абсолютистской Франции *lettres de cachet* — так называемых писем с печатью, содержащих предписание о заключении под стражу, но на месте имени арестуемого оставлялся пробел — обладатель королевского письма был уполномочен самостоятельно вписать любое.

Административные аресты, применяемые к представителям оппозиции «за сопротивление сотрудникам полиции» или «нецензурную брань» — для острастки или как прелюдия к заключению под стражу по уголовному делу, — по сути, тождественны *lettres de cachet*. На таких протоколах как бы заранее поставлена печать суда, который закрывает глаза на отсутствие доказательств и любые нарушения процедур.

Предметом делегирования оказывается произвол, но в то же время это не совсем произвол, так как устойчивая практика превращается в своеобразную норму. Она заранее известна даже тому, кому грозит арест, хотя нигде и не записана.

С другой стороны, латентное право на произвол оказывается для делегата обязанностью, невыполнение которой грозит ему большими неприятностями, чем нарушение общеизвестной нормы. Исполнить эту обязанность он должен, ориентируясь на свое понимание воли суверена и ближайшего к себе вышестоящего делегата — например, для судьи это председатель суда.

Впрочем, в том деле, которое судья получил в оформленном виде, уже назван будущий осужденный, ему надо взять на себя только мобилизацию/демобилизацию УК или КоАП, ссылая также уже есть в обвинении. В этой схеме судья — фронтмен, запрограммированный робот в мантии.

Петр САРУХАНОВ

Специальные невоенные операции

В книге «Люди Путина» (Putin's People) британская журналистка Кэтрин Белтон, долгое время работавшая московским корреспондентом Financial Times, тщательно, насколько это вообще возможно, прослеживает раннюю биографию Владимира Путина и тех, кто впоследствии составил его команду. Она приходит к выводу, что принцип исключения из закона глубоко укоренен в образе мысли сотрудников спецслужб: специальная операция, не легализуемая, но освящаемая интересами государства, как бы вводит режим чрезвычайного положения, но точно — лишь в отношении

участников и фактических обстоятельств ее проведения.

Государство, на которое работает специальный агент, фактически наделяет его полномочиями «суверена» для реализации конкретной задачи, а предмет делегатуры становится частью государственного суверенитета, понимаемого, по Максиму Веберу, как монополия на легитимное насилие. Это общемировая практика, но проблема в масштабах ее, в том числе внутреннего, использования.

Режим «специальной операции» в целом характерен для многих действий российской власти, которые готовятся втайне и не обсуждаются ни с представительными органами, ни в публичной сфере в целом.

Важным орудием террора становится парамилитарное насилие в диапазоне

от обливания фекалиями до избиений и убийств. Практика укрывательства, которая понятна исполнителям таких акций заранее, превращает разного рода «наших», православных активистов, казаков, как и заключенных, которые используются для издевательств над своими товарищами, также в своего рода правоприменителей, получающих в этих сборках lettres de cachet.

«Голая жизнь» и ее перспективы

Классическая правовая теория исходит из того, что общедозволительный порядок (все, что не запрещено, разрешено) действует в частном праве для граждан, а разрешительный (все, что не разрешено, запрещено) — в публичном, для должностных лиц, позволяя им совершать только те действия, которые прямо предписаны. Созданный в России режим перевернул и этот порядок: особые полномочия на отмену права спускаются вышестоящими в виде занимающего определенную позицию делегата, покрывая практически карт-бланш любые его действия.

Впрочем, и «понятия» все больше остаются в прошлом: террор как высшая стадия тоталитаризма переворачивает эту страницу и лишает опоры любую нормативность. Исключающего норму чрезвычайного положения становится слишком много — как и субъектов, имеющих «право» отменять право де-факто.

Едва ли центральная власть сохраняет возможность в полной мере управлять этими процессами, пример чего явил мятеж Евгения Пригожина. Но в сложившейся ситуации состояние террора устраивает суверена. Положение всех подданных, не исключая должностных лиц самого высокого уровня, но исключая его самого (а может быть, и нет), оказывается тем, что Джорджо Агамбен, следующий логике Шмитта, но с обратным знаком (он левый), называет «голой жизнью» по образцу концлагеря: кто угодно может сделать с кем угодно что угодно.

Здесь Россия вплотную приближается к «естественному состоянию войны всех против всех», которое Томас Гоббс (чьей традиции следуют Шмитт и Агамбен) считает, впрочем, исходной точкой «общественного договора», посредством которого бывшие аборигены, становясь гражданами, учреждают государство.

Леонид Никитинский

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Не уверены
в мире. Но
уверены
в себе

ОБРАЗ БУДУЩЕГО
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЫХ

Елена

Панфилова

С начала нынешнего года Лаборатория будущего «Новой газеты» проводит регулярные фокус-группы с россиянами в надежде узнать, есть ли у них представление о том, какое будущее предстоит им самим и нам всем как стране.

Довольно быстро выяснилось, что, по их представлениям, у России, как и у любой другой страны, нет и не может быть некоего единого «образа будущего». Этих образов — много, и, более того, они постоянно меняются и трансформируются под воздействием происходящего здесь и сейчас. Наиболее часто во время бесед проявляются «лоялистский» вариант будущего, «нейтральный» и условно «прогрессистский». Все они настоль-

ко отличаются друг от друга, как будто люди, которые о них говорят, живут в совершенно разных странах.

Так, «**лоялисты**» считают, что в перспективе 10–15 лет Россия станет мегадержавой, фактически единым полюсом мирового влияния, взяв верх и над странами Запада, и над Китаем и иными странами БРИКС+. Что в стране разовьются инновационная индустрия, основанная на военно-промышленном потенциале, и суверенное сельское хозяйство, что люди будут жить богато и патриотически консолидированно, а государство будет мощным как никогда и управляться прямым преемником нынешнего президента.

Сторонники «**нейтрального**» сценария полагают, что Россия перенесется из турбулентного настоящего в спокойное, устойчивое будущее — неким чудом, природы и источника которого они не знают, но на которое очень надеются. И видят страну и себя в условном две тысячи со-роковом году, как будто снова в России нулевых. Где все было предсказуемо и понятно, где экономика снова пополняется притоком средств от добывающих отраслей, где с остальными странами мира понятные и предсказуемые отношения, в основном основанные на взаимовыгодной торговле, где внутри страны все устроено, пусть и не слишком демократично, но тоже понятно и в целом удобоваримо: выборы проходят, кто-то с кем-то состязается, власть привычно у того, у кого надо, никаких излишних эксцессов. Но путешествовать за границу можно, в магазинах все есть, свежие иностранные фильмы в кинотеатрах показывают регулярно и можно провести еще одну Олимпиаду на радость всем.

Те, кто склоняется к так называемому условному «**прогрессистскому**» варианту, ожидают, что Россию в ближайшие два-три года после долгожданного окончания СВО ждут большие потрясения как политического, так и экономического плана, но после которых страна начнет постепенно восстанавливаться и в сфере догоняющего развития промышленности, и в институциональном плане, постепенно возвращаясь на рельсы демократии и верховенства права, где все будет не просто и не быстро, но во благо прав и свобод людей.

Насколько различны эти варианты образов будущего, живущие сегодня в воображении наших сограждан, настолько их объединяют два фактора: очень высокая тревожность и неопределенность относительно своего личного настоящего и очень серьезные затруднения с тем, чтобы попытаться говорить о своих персональных горизонтах планирования и ожиданиях от своей жизни. Единственными, кому

это отчасти удастся, оказались молодые люди, относящиеся в основном к студенчеству. Мы обратили внимание, что, с одной стороны, хотя нашим молодым собеседникам тоже присуща тревожность и определенные страхи перед настоящим и грядущим, именно среди них действительно есть активное желание свободно порассуждать о том, как они будут жить через какое-то время. А с другой, что они это делают более конкретно, более предметно, раскованно и творчески, особенно если им дать возможность самим выстроить процесс обсуждения.

Чтобы подтвердить наличие или отсутствие этой особенности в отношении прогнозирования будущего молодыми россиянами, в один из весенних вечеров этого года мы провели у группы студентов старших курсов ведущих московских вузов социально-экономической направленности игру под названием «Мы через...». Студенты разделились на группы, подробно все обсудили и представили для обсуждения описание того, как будут выглядеть их жизнь, Россия, да и мир в целом через пять, десять и пятнадцать лет. У них получилось три любопытных сценария.

Мы через пять лет

Группа сошлась на том, что из-за неопределенности в экономической и социальной сфере создание семьи будет откладываться на более поздний период. Себя они по преимуществу видят живущими в России, да и в целом они считают, что большинство людей останется жить на родине, а уедет лишь 10–20% людей. И обосновывают они это тем, что, да, за границей можно добиться успеха, но на это потребуется больше времени и усилий. Плюс важными факторами того, чтобы остаться, для них являются финансовая невозможность уехать, жизненные трудности, препятствующие переезду, неуверенность в будущем, любовь к своей стране или городу. Для развития карьеры внутри страны они по-прежнему считают самым важным наличие социальных связей, знание отечественной среды, понимание и предсказуемость путей развития и общую экономическую ситуацию.

Не уверены в мире. Но уверены в себе

Изменение последней естественным образом молодым людям кажется самым решающим фактором для принятия тех или иных карьерных и личных решений, поэтому они склонны более внимательно за ней следить. Интересно, что почти все они отметили, что большинство приехавших из других мест останутся в Москве, возвращение на родину (из столицы или из другой страны) воспринимается ими как провал, неудача.

С точки зрения жизни в России в целом они полагают, что с политической ситуацией все будет, как и сейчас или даже хуже. Радикальное изменение политического курса кажется им возможным только при условии непредвиденных обстоятельств, например, добровольной отставки главы государства. По их мнению, через пять лет активная фаза военных действий закончится, а возможно, полностью закончится и весь конфликт. С высокой долей вероятности, по их мнению, Россия расширится территориально, но изоляция от «недружественных стран» и острая напряженность во взаимоотношениях с ними сохранится. При этом Россия может оказаться под сильным влиянием Китая, и это будет сказывать-

ся во всех сферах жизни. Интересно, что группа обратила отдельное внимание на экологию и предположила, что, поскольку существует корреляция между демократизацией общества и экологической ситуацией в стране, поскольку Россия, скорее всего, будет двигаться в сторону большей авторитарности, позитивных изменений в сфере экологии ожидать не приходится.

Суммируя, группа пришла к выводу, что на горизонте пяти лет в целом для страны мало что изменится, за исключением возможного (а скорее всего, остро желаемого) окончания военных действий. Уровень политических и личных свобод граждан останется на все том же низком уровне, но сами они постараются максимально комфортно устроиться в жизни, и у них есть представления о том, как это сделать максимально эффективным в предложенных обстоятельствах образом, и навыки для того, чтобы реализовать это на практике.

Мы через десять лет

Вторая группа оказалась в своем сценарном планировании будущего наиболее лапидарна. Возможно, планировать свою жизнь на относительно короткий или значительно более длительный период многим проще, а вот горизонт в десять лет оказался сложно поддающимся описанию и весьма неопределенным. На чем все точно сошлись, так это на том, что, как и первая группа, они будут более осознанно относиться к созданию семьи, скорее всего, позже обычного вступая в брак и рожая детей. Важным в будущем будет поддержание отношений и общения с близкими друзьями, которых, однако, будет не очень много. Возможно, отчасти потому, что, хотя большинство все же останется в России, многие и многие уедут за рубеж либо в силу неких общих личных амбиций, либо для более свободной самореализации. Работать через десять лет большинство планирует в гибридном режиме, который в целом станет более распространен и популярен. В карьерном плане все нацелены на серьезный рост и более высокое благосостояние по сравнению с остальным населением, способствовать этому будет полученное образование.

Россия сохранит тренды на усиление тоталитарного контроля за гражданами со стороны государства и на большую изоляцию от мирового сообщества. Политический режим не претерпит каких-либо резких и глобальных изменений. Россия сблизится с Северной Кореей и другими «дружественными» странами — Китаем и Ираном. На территории России войны не будет, но страна будет принимать прямое или косвенное участие в других

Складывается картина общей тревожности, где молодые люди если и оптимистичны, то только относительно того, что они могут хоть как-то контролировать свою собственную профессиональную и личную жизнь

военных конфликтах. Отдельно было отмечено, что меры социальной политики будут направлены на стимулирование рождаемости путем все более активной материальной поддержки семей, благодаря чему будет столь же активно расти рождаемость в неблагополучных семьях. В целом Россию будет окружать мир, в котором станет больше экологических катастроф и локальных военных конфликтов. Страны будут ужесточать политику, в том числе миграционную, будут создаваться барьеры для добровольной и вынужденной мобильности, при этом вынужденная миграция будет только увеличиваться из-за роста числа беженцев вследствие тех же войн и катастроф.

лестнице или повышение зарплаты, — а самореализация, развитие, творчество. У всех у них есть собственные квартиры или иное собственное жилье и как минимум одна машина на семью. Молодые люди полагают, что их достижения через пятнадцать лет будут обусловлены образованием и всеми навыками, которые они получили: гибкость, критическое мышление, нетворкинг. С точки зрения личной жизни наконец через столь длительный период, то есть к своим тридцати пяти или около того, они все же будут готовы завести семью, причем как в формате традиционного брака с детьми и без них или в формате нетрадиционных отношений, что бы это ни значило (а мы не стали углубляться в эту тему).

определенным и интенсивным. Глобально в мире через 15 лет ничего не изменится. Будут продолжаться войны, локальные конфликты будут смещаться географически, но не исчезнут. Разделение на развитые и отстающие страны будет только усугубляться. Будет все более бурно двигаться вперед технологический прогресс, но в основном именно в традиционно развитых странах. Все более остро будут вставать экологические вопросы, особенно в части изменения климата, в связи с этим будут происходить миграционные и демографические видоизменения внутри континентов. Но молодые люди хотели бы, чтобы в России экологические вопросы стояли среди приоритетов политической повестки дня.

Таким образом, в далеком две тысячи сороковом году мир будет не сильно привлекательным местом для жизни, он будет оставаться во все более напряженном и нестабильном состоянии. В мире будет нарастать разобщенность по группам интересов. Россия же не сильно изменится или будет менять свою позицию разве что только в результате естественных причин и столь же естественной смены поколений. Но в какую сторону — не очень ясно. В личном плане все заточены на успех, при этом осознавая, что вокруг, как в России, так и в мире в целом, будет оставаться изрядное количество совершенно неуспешных людей.

Если обобщить представления о будущем всех трех групп, то складывается картина общей тревожности, где молодые люди если и оптимистичны, то только относительно того, что они могут хоть как-то контролировать свою собственную профессиональную и личную жизнь. Россия же в их представлении остается непоколебимой скалой все тех же политических установок и все той же системы управления. То есть участники нашей попытки прогнозирования весьма пессимистичны относительно того, что находится не под их контролем, и даже не пытаются прогнозировать, что могло бы поменять существующее положение дел. В целом в России и в мире в будущем все будет оставаться все так же не сильно радостно и будет сопряжено с многочисленными вызовами и рисками.

Но наша молодежь, которая через годы уверенно планирует стать успешным средним классом, считает, что именно они как социальная группа будут жить в целом хорошо. Как им это удастся при таких внешних вводных, не очень понятно. Но насколько они не уверены в окружающем их мире, настолько они уверены в себе. И, возможно, в этом есть проблеск хоть какой-то хорошей новости.

«**Наша молодежь, которая через годы уверенно планирует стать успешным средним классом, считает, что именно они как социальная группа будут жить в целом хорошо. Как им это удастся при таких внешних вводных, не очень понятно**

Группа совокупно представила образ своего будущего через десять лет, в котором в личном плане они живут и работают, изрядно окупившись в личном, в карьере и близких, ничего хорошего не ожидая во внешнем мире как внутри страны, так и за ее пределами: все весьма тревожно, все весьма туманно и расплывчато, и всякое неприятное прилетает со всех сторон. Поэтому надо рассчитывать только на себя.

Мы через пятнадцать лет

Третья группа заглядывала в весьма отдаленное будущее, в условный две тысячи сороковой год, и сошлась во мнении, что в большинстве своем они остались в России и строят свою жизнь здесь. Они представляют себя высшим средним классом, занимающим высокие карьерные позиции, с возможностью гибкой смены профессиональных ролей. В работе им важно не только и не столько достижение материальных целей — таких, как движение по карьерной

Что касается России, то они не ожидают и через пятнадцать лет коренных изменений в политической обстановке. Но надеются на некоторую либерализацию общественной жизни, а также ожидают смены геронтократической элиты по естественным причинам. При этом им представляется, что Россия в течение этого периода совершенствуется в технологическом плане: все больше становится доля IT в бизнесе и все шире развивается цифровизация. Вместе с тем в России представляемого будущего бедные станут беднее, а богатые богаче. Демографическая ситуация ухудшится из-за старения населения, будет снижаться рождаемость и повышаться возраст, в котором женщины рожают первого ребенка. Также уменьшится мужское население. Ожидается уменьшение числа стран — союзников России из-за того, что страны СНГ продолжат от нее обособляться. Вероятно, с Россией останется только Беларусь и такие страны, которые извлекают выгоду из экономического сотрудничества с ней, как, например, Китай и Турция. Взаимодействие России со странами Африки и Латинской Америки останется все таким же не очень

Елена Панфилова

Новые приключения Электроника

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
ЗАСТАВЛЯЕТ ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ
САМ ПОДХОД К ОБРАЗОВАНИЮ.
НО КАК ЧЕЛОВЕКУ ОСТАТЬСЯ
УМНЕЕ МАШИНЫ?

*Василий
Буров*

На прогремевшей в середине мая презентации компании OpenAI — сегодняшнего лидера и законодателя мод в области искусственного интеллекта — новой версии ставшего сверхпопулярным продукта ChatGPT образование неявно оказалось одной из центральных тем. В ряде показанных кейсов умная нейросеть, обретшая уже голос и зрение, выступала в качестве учителя. И надо полагать, это совсем не случайность, несмотря на то, что ставшие сверхпопулярными чаты с искусственным интеллектом вовсе не позиционируются как образовательные продукты.

Не знаю, вкладывали ли готовившие презентацию идеологи OpenAI какой-то специальный философский смысл в демонстрацию изменений образовательного ландшафта, ориентировались ли на статистику использования или давали заявку на свое участие в дележе рынка образовательных технологий, но получилось, что они выступили ярким демонстратором действительно фундаментальных изменений. Оставим в стороне споры, до какой степени можно считать большие языковые модели, обеспечившие сегодняшний технологический прорыв, настоящим искусственным интеллектом (ИИ), или это, как говорят скептики, просто «статистический попугай». Просто будем использовать сложившийся естественным образом термин, обозначающий один из величайших технологических прорывов после интернета, — ИИ.

Экзамен для ИИ

На всех этапах становления искусственного интеллекта начиная с конца 1950-х годов были попытки приспособить его к сфере образования. Во многом это связано с ведущей ролью именно университетских лабораторий в исследовании ИИ. Во время прошлого бума искусственного интеллекта, случившегося в 1980-е годы

в связи с появлением экспертных систем, возник целый ряд продуктов, претендовавших на то, чтобы стать «электронными репетиторами». Однако выяснилось, что экспертные системы могут давать неплохие результаты в практических областях, но они слабо эффективны как инструмент образования. А когда и сам этот бум схлынул по объективной причине недостаточной развитости технологий, вместе с ним забылись и такие системы.

В последние годы основным направлением развития ИИ в образовании было его использование для анализа процесса обучения. Так, в России очень полюбили на разных уровнях говорить про «цифровой след» учащегося — и приспосабливать всякие аналитические решения, в том числе на основе нейронных сетей, породивших нынешний бум ИИ, к тому, чтобы направить ученика каким-то правильным путем по его «индивидуальной траектории обучения» (зачастую забывая про его субъектность) и выставить ему оценку. Популярными стали и многочисленные попытки распознавания эмоций.

На образовательных администраторов такие вещи производили неизгладимое впечатление. Тут можно же попробовать и преподавателя оценивать, и определять, не отвлекался ли студент на посторонние сюжеты. Да и вообще с помощью распознавания лиц можно контролировать посещаемость. Другой большой областью стало разнообразное автоматическое генерирование заданий и попытки за счет этого бороться со ставшим традиционным списыванием готовых решений. Но на любой такой искусственный интеллект найдется другой ИИ...

Одними из первых серьезных экспериментов по оценке интеллектуального уровня появившихся всего-то меньше двух лет назад систем типа ChatGPT стали многочисленные проверки того, как они проходят экзаменационные задания различного уровня. Такие эксперименты проводились исследователями в разных странах, в том числе и в России. Результаты оказались довольно тревожными для существующей системы образования: в большинстве случаев бездушный ИИ проходил испытания на уровне или выше среднего ученика.

Это касается не только тех дисциплин, где надо блеснуть знаниями дат или фактов (в чем первенство машине можно отдать заранее), но и тех, где нужно проявить творческое начало. Так, одна из российских групп исследователей попробовала ChatGPT в роли ученика, пишущего выпускное сочинение. И сочинение, написанное большими языковыми моделями, оказалось не хуже ученического. Иной раз даже лучше среднего, разве что модели часто оперируют словами, находящимися за

рамками лексики школьников. Впрочем, и эта проблема несложно решается или мастерством составления запроса к роботу, или — как вариант для трудолюбивых — легким редактированием полученного от него текста.

В общем, такой цифровой ученик преуспевает по всем предметам. Разве что по физкультуре пока отстает. Но как знают смотревшие фильм «Приключения Электроника», и эту проблему можно решить.

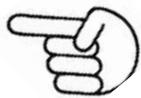
Угроза или преимущество?

Фактически уже началась трансформация всей системы образования — как формальной, так и неформальной. Для формальной — это серьезная угроза. Люди с низкой мотивацией к получению знаний и высокой к получению оценок (читай — «корочки») стали активно использовать возможности ИИ для выполнения заданий. И это касается как школ, так и университетов, в стороне пока остаются разве что дошкольники.

Можно констатировать, что контроль знаний в привычном нам виде, когда они проверяются написанием учащимся некоторой работы или решением задач, постепенно превращается в анахронизм. Это касается даже таких вполне серьезных работ, как университетский диплом. В России первый громкий кейс такого рода возник при защите дипломной работы в РГГУ в 2023 году, которую, по признанию самого студента (конечно же, сделанному уже после защиты), написал ChatGPT — появившийся всего лишь за полгода до этого и работе с которым в университете точно никого не учили. Скандал вышел наружу и в течение пары недель фигурировал в медиа на уровне самых заметных событий страны.

Я не видел этого текста, но точно не хочу здесь подвергать сомнению квалификацию комиссии — тот уровень научных работ, которые считаются даже в лучших наших университетах достаточными для получения квалификации, вполне по силам таким ИИ, как ChatGPT, Cloudy или LeChat, да и пока отстающим от них отечественным YandexGPT или GigoChat тоже. Хотя для того, чтобы «заставить» нейросеть написать достойную работу, потребуются немалые усилия, но совсем не те, которые свидетельствуют о знании учащимся той или иной учебной дисциплины.

Новые приключения Электроника

После возникшего скандала и неловкой паузы диплом парню все-таки выдали, что представляется совершенно правильным шагом, хотя и необычным для нашей прямолинейно-консервативной образовательной системы, особенно в текущем общественно-политическом контексте. Но сам по себе этот случай сначала породил волну разговоров про необходимость все, что можно, запретить, а потом и встречную — от более «продвинутой» части университетского сообщества, утверждающей, что нужно жить в новой реальности и запреты бессмысленны.

Возможно, сыграла свою роль и постоянно продвигаемая правительством повестка цифровизации вместе с внедрением ИИ во все, что возможно (но в контроль в первую очередь). Поэтому показавшийся многим весьма рискованным шаг ректора МГПУ Игоря Реморенко разрешить использовать ChatGPT-подобные решения в университете на простых и логичных условиях — декларировать это, обеспечить отсутствие выдумок (так называемых «галлюцинаций больших языковых моделей»), снабдить необходимым сылочным аппаратом — открыл дорогу другим крупным университетам, поступившим кто явно, а кто нет аналогичным образом. Редкий пример того, как в стране вместо борьбы с естественным ходом событий решили его принять и действовать сообразно.

Иногда бывает и иначе. В американском Emory University разработчики системы Eightball, позволяющей на базе ИИ собирать все учебные материалы по какому-то предмету и получать емкие выжимки для облегчения подготовки к экзамену, получили внутриуниверситетский приз. Но существующий в университете общественный орган через некоторое время обвинил их в том, что инструмент создан для мошенничества и вообще разрушает процесс обучения. Студентов отстранили

от занятий, однако один из них подал иск в суд. Так что тут продолжение следует.

Строго говоря, обвинение в том, что ИИ-системы разрушают учебный процесс, можно признать верным. И это касается не только образования. Например, во многих сферах деятельности процесс вхождения в него молодого специалиста построен так, что он выполняет разные рутинные задачи, делает какую-то простую аналитику и тому подобное — и в итоге получает понимание предметной области, ее проблем, приобретает важные жизненные навыки, которые не получишь в университете. Поэтому к более серьезной работе он переходит более подготовленным. Но искусственный интеллект оказывается наиболее очевидно внедряемым и эффективным именно на уровне решения таких задач.

ИИ может существенно повысить эффективность такой деятельности, но что будет дальше, когда сегодняшние высокоуровневые специалисты исчезнут, а новым будет неоткуда взяться? И ведь мало того что таким начинающим специалистам негде будет профессионально расти на предприятии. Программистов, разрабатывающих тот самый искусственный интеллект, это касается чуть ли не в первую очередь. Возможно, на следующем витке эволюции будет решена и эта задача: всех верхнеуровневых профессионалов тоже заменит умная машина. Впрочем, до этого надо дожить. И, несмотря на всю эффективность нынешних достижений и вкладываемые гигантские средства, до так называемого сильного ИИ путь неблизкий.

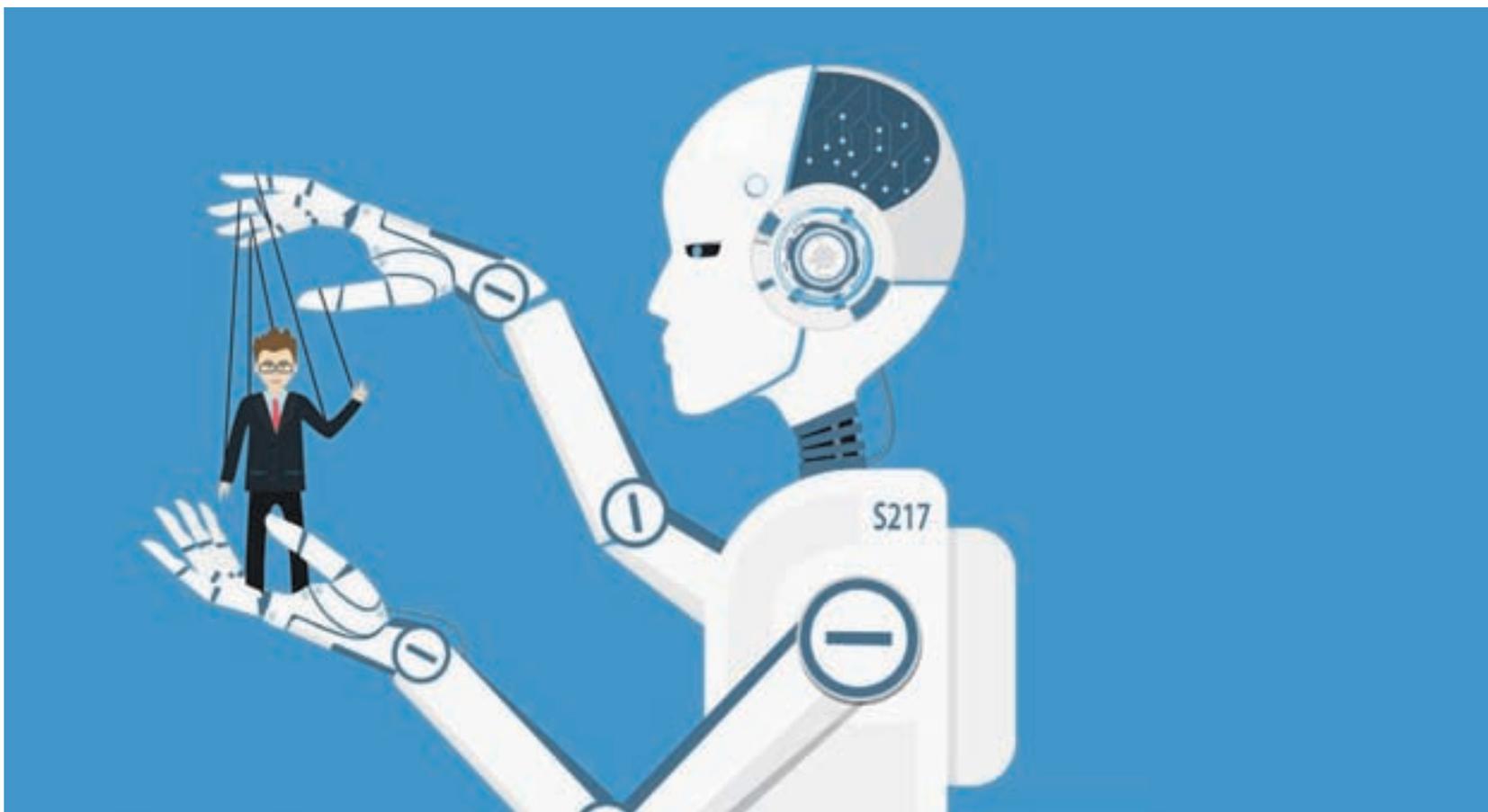
Спасти рядового преподавателя

Успехи в построении ИИ катализировали тот процесс в образовании, который и так шел по мере развития технологий. Знания стали нас окружать везде, школа

(в широком смысле — учебное заведение как институт) перестала быть их уникальным источником. Помимо других социальных процессов это изменение стало очень сильным демотиватором: весь пафос освоения знаний девальвируется, когда ты уверен, что можешь получить их где и когда угодно из гаджета в твоём кармане. То, что нужно обладать некоторым уровнем понимания, чтобы осознать, какие именно знания тебе нужны, требует определенного интеллектуального уровня — а ему без образования неоткуда взяться.

Потеряв эксклюзив на доступ к знаниям, школа все еще остается сносным помощником в их освоении — не столько из-за качества процесса, сколько из-за выстроенного за века социального механизма принуждения к их освоению. Сейчас рушатся основы и этого механизма. Конечно, можно запирает людей в помещениях, куда не проникнет не то что ИИ, но и любое другое проявление современных технологий. Однако это будет только отсрочкой, а не решением проблемы.

Сегодня хорошо обученная всеми доступными знаниями нейросеть прекрасно делает ровно то, что ждут от ученика, — воспроизводит паттерны деятельности и оперирует четко описанными знаниями. Будь это ответы на вопросы из учебника, поиск каких-то закономерностей или написание сочинения или программного кода. Хуже приходится тогда, когда надо создать что-то новое, вписывающееся в многофакторную реальную жизнь, или взаимодействовать с физическим миром. Поэтому пока в относительной безопасности обучение, построенное по проектной модели, но оно работает далеко не во всех сферах и редко находит воплощение за пределами инженерных и естественнонаучных направлений. Несмотря на то что большинство отечественных учебных заведений радостно рапортует о полном внедрении проектного метода, встретить его в реальной жизни почти невозмож-

но: как правило, им оказываются старые добрые курсовые и прочие чисто учебные задания, поданные под новым соусом.

В медиа сейчас любят разговоры на тему, кого именно уничтожит ИИ. Все, от желтой прессы и до серьезных ученых, дискутируют о том, сколько людей останется без работы и какие индустрии сотрет искусственный интеллект с экономического лица земли. Получается, что образование — не как понятие, а как современное его устройство — стоит едва ли не первым в «очереди».

Массового учителя как транслятора знаний из написанного кем-то учебника спасти будет трудно. Почти по любой тематике написано уже много учебников, доступно множество курсов, популярных книг, а это снижает интерес и к уникальным носителям знаний. Они переходят скорее в категорию шоуменов — да и то, если оказываются гениальными лекторами, что случается редко. Даже противостояние с мобильным телефоном и соцсетями в нем способно выиграть ничтожное меньшинство учителей, обладающих огромной харизмой и собственными подходами. Что уж говорить об искусственном интеллекте, который еще и общается как живой в ставшем столь привычным для молодежи чате.

Какое возможно решение проблемы? Перепридумать систему образования заново. Так, чтобы в ней нашлось место искусственному интеллекту как полно-

ценному участнику этого процесса, но остались место — и субъектность — для людей.

Система должна перенести усилия от получения учащимися некоторого канонического набора навыков к обретению внутренней мотивации развития своего интеллекта. Иначе систему не сохранить. И скорее всего, заниматься этим придется с раннего возраста, что означает и перестройку всей дошкольной системы образования. Как именно, пока вряд ли кто уверенно скажет, но искать и двигаться в этом направлении придется.

А сам искусственный интеллект может оказаться не только демотиватором, но и помощником. Автор этой статьи недавно участвовал в небольшом круглом столе вместе с такими грандами образования, как Сергей Зуев, Арам Пахчанян и Дмитрий Сошников (последний — еще и известный человек в мире ИИ), и единственное решение, которое нашли участники, — это превращение искусственного интеллекта в индивидуального тренера и даже спарринг-партнера. А учитель в своей человеческой ипостаси может стать в большей степени навигатором, собеседником и помощником для самоопределения.

Такая мысль, похоже, развивается в мире. В своей недавно вышедшей книге «Дивные новые слова: как AI произведет революцию в образовании (и почему это хорошо)» Салман Хан, создатель одной

из самых успешных образовательных онлайн-платформ Khan Academy, пишет о том, чат-боты типа ChatGPT могли бы стать частными репетиторами. Они помогут разобраться со сложными математическими задачами, задавая наводящие вопросы, предлагая подсказки и объясняя непонятные формулы — что на базе простых вещей мы и увидели в презентации OpenAI, с которого и начали этот разговор. Или вместе с учеником поработают над эссе: проанализируют план и черновик, укажут на логические ошибки и предложат свои улучшения.

А декан экономического факультета МГУ Александр Аузан в одном из недавних интервью анонсировал эксперимент, который инициирован в содружестве с ведущими российскими компаниями: студенты станут соревноваться в выполнении своей работы с искусственным интеллектом. И начнется это еще с первокурсников, не сильно испорченных старой системой, которая была построена в другую эпоху. Возможно, с помощью таких экспериментов — которых нужно еще множество, и самых разных, — и удастся найти ответ на вопрос, каким именно должно стать образование и как человеку остаться умнее машины.

Василий Буров

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

В ПРОЦЕССЕ ОТКРЫТИЯ АРХИВОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ВЫЯСНЯЮТСЯ РЕАЛЬНЫЕ МАСШТАБЫ
ЦЕРКОВНОЙ АГЕНТУРЫ ГБ.

СРЕДИ ЕПИСКОПОВ
ОНИ БЛИЗКИ К 100 %

Проклятие + «Третьего имени»

Александр
Солдатов

Иерархи Московского патриархата помимо светского и монашеского имен имеют третье — агентурное. В начале 90-х общество было взбудоражено этим фактом, но первоначальный шок быстро прошел. Постепенное рассекречивание документов в странах — бывших республиках СССР позволяет сегодня приглядеться к проблеме с научной точки зрения. И думается, эта проблема заслуживает пристального внимания, потому что в ней — одно из объяснений реакции РПЦ на вызов СВО

«Нужно пройти через это, чтобы достичь большего», — наставлял своего послушника, которого вербовал КГБ, митрополит Никодим (Ротов), духовный отец нынешнего патриарха РПЦ. Открытие архивов некоторых постсоветских стран дает шанс объективно оценить масштабы срастания ГБ и церкви в СССР. И эти масштабы шокируют: на уровне епископата и руководства монастырей доля агентов КГБ приближалась к 100%. Документы за их подписью нередко ложились в основу репрессий против «нелояльных» верующих.

Предлагаем небольшой обзор документов о церковной агентуре в советской Украине в первые послевоенные десятилетия (1940–1960-е). Из агентов того времени в живых и на посту (патриарха Киевского и всея Руси-Украины) остался только один. При подготовке публикации использованы дела из размещенных в сети фондов КГБ Латвии (kgb.arhivi.lv), фондов 9, 13, 60 и 71 Отраслевого госархива СБУ и госархивов ряда регионов Украины.

Рассекречивание / засекречивание: Какие архивы доступны?

«Глубокая инфильтрация агентурных спецслужб в религиозные объединения представляет собой серьезную

опасность для общества и государства», — констатировала в своем частном определении 1992 г. Комиссия президиума Верховного Совета России по расследованию причин и обстоятельств ГКЧП. Осенью 1991 г. Комиссия, возглавлявшаяся депутатами Львом Пономаревым и Глебом Якуниным, интенсивно работала в Центральном архиве КГБ, понимая, что «окно возможностей» открылось ненадолго. Из отчетов 5-го управления КГБ СССР Комиссия узнала, что «по линии РПЦ» за границу часто направлялись агенты «Святослав», «Дроздов», «Антонов», «Адамант», «Аббат», «Кузнецов», «Михайлов» и др. Они встречались с папой римским, другими религиозными и

на тормозах. Созданная синодом специальная комиссия по расследованию фактов сотрудничества даже не приступила к работе. Единственный иерарх — тогдашний архиепископ Виленский и Литовский Хризостом (Мартишкин) — признался в интервью правительственной «Российской газете» (№ 52, 1992, с. 7), что 18 лет прослужил агентом КГБ под псевдонимом «Реставратор».

По российским законам, архивные дела подлежат рассекречиванию через 30 лет после их создания. Однако на практике в РФ засекречивается гораздо больше архивных дел, чем рассекречивается, поскольку постоянно растет перечень сведений, отнесенных к гостайне.

По российским законам, архивные дела подлежат рассекречиванию через 30 лет после их создания. Однако на практике в РФ засекречивается гораздо больше архивных дел, чем рассекречивается, поскольку постоянно растет перечень сведений, отнесенных к гостайне

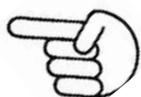
государственными лидерами, выступали на заседаниях Всемирного совета церквей, Конференции европейских церквей и Христианской мирной конференции, добиваясь «принятия нужных нам резолюций». Было лишь делом техники сопоставить агентурные клички из отчетов с официальными сообщениями «Журнала Московской патриархии» о зарубежных поездках иерархов. Результатами своей работы о. Глеб Якунин охотно делился с прессой. Так мир узнал, что РПЦ возглавляет опытная, проверенная агентура КГБ. Дольше занимают высокие посты в РПЦ раскрытые тогда агенты «Михайлов», «Павел», «Топаз», «Адамант», «Читатель» и др., а в Киеве подвизается бывший агент «Антонов».

Раскрытие правды о происхождении высшей иерархии воспринималось тогда как экзистенциальная угроза для РПЦ, но власти спустили этот скандал

Проблему отчасти компенсируют архивы Украины — еще в 2009 г. тогдашний президент Виктор Ющенко издал указ о рассекречивании дел, касающихся политических репрессий советского режима. Сотрудник Института истории церкви Украинского католического университета д-р Роман Скакун изучил сотни дел из архива СБУ. Но большинство дел о церковной агентуре и в Украине остаются недоступными: их рассекречивание происходит не автоматически, а после решения специальной экспертной комиссии, и этот процесс может тянуться десятилетиями. Но истина постепенно выясняется, «ибо нет ничего тайного, что не стало бы явным»...

Проклятие «Третьего имени»

«На идейно-политической основе...»: кто такие агенты?»

Согласно Положению об агентурном аппарате и доверенных лицах органов государственной безопасности СССР от 4 июля 1983 г., агентом КГБ является «советский гражданин, иностранный гражданин (подданный) либо лицо без гражданства, негласно сотрудничающий с органами КГБ и выполняющий их задания по обеспечению безопасности СССР». От агентов требовалась «преданность делу коммунизма и социалистической Родине», а вербовка производилась «на идейно-политической основе, при соблюдении принципа добровольности» (только в исключительных случаях — на основе компромата или материального интереса). Положение требует, чтобы агент участвовал в выборе своего псевдонима.

Для агентов в рясах пикантно звучит пункт Положения: «Агентурная работа строится в полном соответствии с внутренней и внешней политикой Коммунистической партии», а опекуны обязаны вести «политическое, правовое и нравственное воспитание» агентов, учить их «приемам и способам выполнения заданий». О типичной процедуре вербовки рассказывает в своих воспоминаниях свящ. Михаил Гаврилов, на момент вербовки в 1975 г. — диакон и студент Ленинградской духовной семинарии. Через несколько дней после рукоположения в сан диакона его вызвали в военкомат Смольненского района Ленинграда, где сотрудник в штатском предложил на следующий день прийти в здание райотдела милиции. Там о. Михаил обнаружил отдельный коридор с множеством дверей. В коридоре причи-

тала какая-то старушка: «Ой, как страшно!» Будучи приглашен в один из кабинетов, о. Михаил почти два часа беседовал с сотрудником, который расспрашивал о других семинаристах. Из-за стены периодически доносились женские причитания и плач — как понял Гаврилов, записанные на пленку. Старушку и эти записи он воспринял как способы создания «психологической атмосферы». Молодому диакону дали номер телефона и предложили связаться по нему для назначения следующей встречи. Получив благословение митрополита Никодима, он позвонил и был приглашен уже другим сотрудником, который дал о. Михаилу подписку о неразглашении, которую надо было подписать псевдонимом. Первым заданием стало составление «характеристики» на семинариста из Финляндии Петра Сархо, потом попросили письменно рассказать о студенте Степане Герасимове, будущем секретаре ректора епископа Кирилла. Никодим одобрял агентурную работу Гаврилова и — в качестве поощрения — быстро рукоположил его во священника...

Чекистская «симфония»: кто воссоздавал РПЦ в 1940-х?

Великий террор 1937–1938 гг. нанес большой удар по церковной агентуре, которая сложилась в 1920-е гг., — в основном в рамках созданной ОГПУ «красной церкви», или обновленчества. По итогам репрессий на Пасху 1939 г. богослужения состоялись лишь в 22 храмах на территории Украины (во всем СССР тогда, по разным данным, сохранилось от 100 до 300 действующих церквей).

К июню 1941 г. закрыли и большинство из этих чудом уцелевших храмов. Так, в Киеве службы не прерывались лишь в Крестовоздвиженском храме на Подоле. Вместе с тем осенью 1939 г. в результате того, что сегодня в РФ положено называть «освободительным походом Красной армии», в почти полностью разгромленную патриархию влились 1189 приходов на территориях Западной Украины и Западной Беларуси, до войны входивших в состав Польши. Как докладывал Сталину Берия, «агент НКВД Ярушевич Б.Д.» направлен экзархом в «освобожденные» области. В церковную историю этот человек вошел под именем митрополита Николая — ближайшего помощника патриархов Сергия и Алексия I. В НКВД он носил псевдоним «Православный», и под его прикрытием была создана нелегальная резидентура для «агентурной работы среди церковников как в западных областях, так и на территории немецкого генерал-губернаторства».

Во время Великой Отечественной войны вся территория Украины оказалась под оккупацией, в это время в республике открылось более 40 монастырей и более 6500 храмов. В связи с резким изменением сталинской церковной политики наркомат госбезопасности УССР издал осенью 1943 г. директиву: «Каждую церковь обеспечивать проверенной агентурой из числа духовенства или церковного актива». На практике осуществить это не удалось — агентов хватало только на ключевые посты. К концу войны из 11 украинских епископов РПЦ как минимум восемь числились агентами МГБ, а к концу 1946 г. все 15 украинских архиереев были агентами.

К осени 1947 г., когда сталинская «симфония с церковью» достигла пика, РПЦ насчитывала в Украине 8792 прихода, 15 мужских и 25 женских монастырей (с 370 монахами и 1890 монахиня-

ми), 17 епископов и почти 6300 священников. Среди этой массы МГБ имело 574 агента и 1635 осведомителей. Но уже к осени 1964 г., после так называемых «хрущевских гонений», в УССР остались лишь 4671 храм и несколько монастырей. Агентура самым активным образом привлекалась к «сокращению религиозной сети».

«Все равно пропадать»: как себя чувствовали агенты-епископы?

Агент «Православный» — митрополит Николай (Ярушевич), прослуживший на западе Украины чуть более года, с марта 1940-го по июнь 1941-го, — разделял свою резиденцию в Луцке с отделом НКВД. В донесении от 31 декабря 1940 г. Николай передавал чекистскому начальству слова «националистически настроенного» епископа Поликарпа (Сикорского) (позже, при немецкой оккупации, он возглавит возрожденную Автокефальную церковь в Украине): «СССР — государство, основанное на насилии, карточный домик... Большевики хорошо понимают, как население их ненавидит, и война с Германией будет тем щелчком, который разрушит все карточное здание большевизма». Арест Поликарпа, а также архиепископа Алексея (Громадского) и нескольких

Митрополит Николай (Ярушевич)

священников готовился органами НКВД в начале 1941-го, но война помешала этим планам. В мае 1943-го Алексея все же убили в Ровенской области партизаны неизвестной принадлежности.

Уникальным прецедентом совмещения службы боевого разведчика и епископа РПЦ стал епископ Василий (Ратмиров), бывший женатый обновленческий архиерей, который 17 июля 1941 г. был назначен патриархией епископом уже оккупированного Житомира. Избежав репрессий, в 1939 г. он отрекся от сана и работал в советском учреждении, что по канонам закрывало ему путь к священству. В августе 1941 г. Ратмиров прибыл в Калинин, где возглавил операцию НКВД «Послушники» во время оккупации города: под видом его иподиаконов в городе работала диверсионная группа НКВД. В 1943 г. Ратмирова перевели в Смоленск, где в связке с ним работал офицер разведки Иван Михеев, изображавший из себя «иеромонаха». Ратмиров и Михеев нашли сотрудничавших с немцами преподавателей богословских курсов и монахинь. В 2005 г. «Наука и религия» опубликовала воспоминания этого уникального офицера — «Священник из фронтовой разведки». О необычной связке Ратмирова—Михеева вспоминал и генерал Павел Судоплатов.

После освобождения Украины Красной армией Николай (Ярушевич) был назначен митрополитом Крутицким — наместником патриарха, а должность экзарха Украины унаследовал другой агент ГБ митрополит Иоанн (Соколов) («Птицын»). Нарком Всеволод Меркулов в директиве от 7 июля 1945 г. ставил перед «Птицыным» задания ликвидировать греко-католическую церковь в Галичине и Закарпатье путем ее присоединения к РПЦ, а также «агентурно обслуживать» зарубежные церковные делегации в Киеве. На ликвидацию греко-католиков наркомфин СССР выделил 400 тыс. рублей, которые «Птицын» передал главе инициативной группы во Львове о. Гавриилу Костельнику. Также по заданию НКГБ в Киеве были совершены хиротонии агентов «Шевчук» (Антоний Пельвецкий) и «Иванов» (Михаил Мельник) во епископов для «воссоединенных» греко-католиков. Согласно донесениям, проведенный в марте 1946 г. во Львове «собор», якобы ликвидировавший УГКЦ, на 68% состоял из агентуры НКГБ. Преемниками «Птицына» на посту экзарха стали агенты «Сокол» (Иоасаф Лелюхин) и «Антонов» (Филарет Денисенко).

По итогам Второй мировой войны Московская патриархия «перечредила» автокефалии Польской

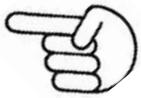

Архив

Митрополит Иоанн (Соколов)

и Чехословацкой православных церковей. Известно, по крайней мере, о двух их предстоятелях, которые были агентами ГБ. Предстоятелем Польской церкви в 1951—1959 гг. служил митрополит Макарий (Оксиук) («Глебов»), с 1945 г. управлявший Львовско-Тернопольской епархией. По личному распоряжению наркома Меркулова к нему была прикреплена постоянная охрана, тем не менее во Львове Макарий не осмеливался служить за пределами своего собора, а в Почаевскую лавру приезжал в сопровождении пяти-шести офицеров МГБ с автоматами. Агент «Громов» (управделами патриархии и настоятель Елоховского собора в Москве протопресвитер Николай Колчицкий), посетивший Львов в мае 1948 г., описывал Макария как крайне запуганного человека: «Пьет, пьянеет, клобук у него набекрень, часто чертыхается и еще чаще повторяет слова: «А все равно Макарию пропадать». Возглавив Польскую церковь, он отменил там остатки демократии, ликвидировал Варшавскую консисторию и упразднил общецерковный и приходской уставы. Чехословацкую православную церковь в 1960—1990-х гг. возглавлял агент «Барокко» — митрополит Дорофей (Филип), завербованный еще в Мукачево, где служил духовником женского монастыря.

Проклятие «Третьего имени»

Объем статьи не позволяет подробно рассказать о деятельности других агентов, выполнявших порой нетривиальные задачи, которые им ставило чекистское руководство. Ограничимся перечислением их имен и псевдонимов: архиепископ Днепропетровский Андрей (Комаров) — «Спокойный»; митрополит Харьковский Стефан (Проценко) — «Панченко»; епископ Донецкий Никон (Петин) — «Петров» (служба в Одессе, подавал очень интересные донесения об отдыхавшем на море патриархе Алексии I); епископ Житомирский Антоний (Кротевич) — «Павловский»; епископ Одесский Сергей (Ларин) — «Усов» (его секретарем был будущий патриарх Пимен (Извеков)); митрополит Херсонский Борис (Вик) — «Вернов»; митрополит Харьковский Никодим (Руснак; ум. 2011 г.) — «Скала»; епископ Черновицкий Феодосий (Ковернинский) — «Кольцов»; епископ Волынский Варлаам (Борисевич) — «Твердый»; епископ Сумской Иларион (Прохоров) — «Павлов»; епископ Ужгородский Нестор (Сидорук) — «Дубровский»; епископ Херсонский Михаил (Рубинский) — «Восточный»; митрополит Львовский Николай (Юрик) — «Новоричный»; архиепископ Ивано-Франковский Иосиф (Савраш) — «Евген»; епископ Хмельницкий Панкратий (Кашперук) — «Мартынюк»; епископ Полтавский Палладий (Каминский) — «Непомнящий». В 1957-м чекисты отчитались о достижениях: через агента «Ткаченко», работавшего в Одессе, удалось завербовать его отца — митрополита Украинской греко-православной церкви в Канаде Михаила (Хорошего).

В архивах имеются документы, бросающие тень и на (ошибочно?) канонизированных в Московском патриархате святых XX века. Время для их обнародования, очевидно, еще не пришло...

Епископы-«ликвидаторы»: можно ли оправдать слияние РПЦ с ГБ?

Возникает вопрос: если церковь вышла и даже возродилась после десятилетия гонений, то, может, ничего плохого не было в агентурной работе иерархов — наоборот, это было искреннее патриотическое служение? Духовник ряда руководителей ФСБ России митрополит Тихон (Шевкунов) заявлял: сотрудничая с КГБ, церковные деятели «отстаивали интересы верующих». Тем более никто в современной РПЦ и не требует наказания агентуры из числа епископов. Попробуем разобраться.

В начале «хрущевских гонений», 23 октября 1959 г., канцелярия патриархии разослала по епархиям циркуляр, запрещавший клирикам допускать несовершеннолетних к прислуживанию в алтаре, посещать дома верующих на праздники, служить вне храма и оказывать финансовую помощь бедным сельским приходом. КГБ СССР распространил этот циркуляр по своей линии, приказав использовать его при «сокращении численности приходов». Епархиальные управления РПЦ по своей инициативе дополнили запреты: так, Донецкая епархия запретила освящать воду вне храма, отпевать усопших без согласия всех членов семьи, допускать на богослужения несовершеннолетних. Епископ Львовский Григорий (Закаляк) боролся с традиционным украинским колядованием на Рождество. При нем в «самом религиозном» регионе СССР — Львовской области — было закрыто 120 храмов, а прекращены богослужения еще в 320.

Колеблясь вместе с линией партии, агентура усердно исполняла антирели-

гиозные императивы хрущевской кампании. Один из епископов (он значится у чекистов как агент «Чехонте») делился со своими кураторами разочарованием в религии. В этом чекисты видят глубинную причину закрытия руками этого епископа большого количества храмов в его епархии.

За шесть месяцев 1959 г. другой агент — «Сокол», митрополит Иоасаф (Лелюхин), — закрыл и снял с регистрации 42 прихода Днепропетровской епархии. За время

Википедия

Митрополит Иоасаф (Лелюхин)

«хрущевских гонений» он успел успешно поработать в том же духе в Сумской, Винницкой и Киевской епархиях. Как отмечено в отчете КГБ УССР, «к усилению атеистической пропаганды со стороны

партийных и советских органов относительно положительно, зачастую представляет по своей инициативе материалы, которые используются партийными органами в компрометации духовенства и церковного актива». На предложение властей о закрытии единственного в Днепропетровске монастыря отреагировал с энтузиазмом. Агент «Вернов» (митрополит Борис (Вик)) закрыл 74 храма в Одесской области, а священников, пытавшихся их защищать, запрещал и лишал сана. Подобные истории происходили почти в каждой украинской епархии.

Пиком гонений стало закрытие Киево-Печерской лавры, на притеснения которой сегодня жалуется Московская патриархия. Назначенный ею же наместник лавры епископ Нестор (Тугай) («Орлик»)

Епископ Нестор (Тугай)

возглавил «комплекс агентурно-оперативных и разложенческих мероприятий», по итогам которого в марте 1961 г. лавру закрыли. Нестор объяснил это аварийным состоянием лавры и необходимостью ремонта, тут же получив назначение на Харьковскую кафедру. Одновременно ликвидировали Киевскую духовную семинарию, ректор которой о. Филарет (Денисенко) («Антонов») был награжден должностью управделами Украинского экзархата и епископским саном.

Бескомпромиссно настроенные верующие не посещали «красные» храмы, исповедуя свою веру частным образом либо интегрируясь с подпольными течениями типа Истинно-православной церкви

Соцсети

Епископ Севастиан (Пилипчук)

(ИПЦ). На языке чекистов это называлось «антисоветским церковно-монархическим подпольем», и агентура была особо заточена на его выявление. Благодаря доносам епископа Донецкого Никона (Петина) чекисты успешно провели операцию «Остров», ликвидировав монастырь ИПЦ в Лисичанске. Епископ Сумской Евстратий (Подольский) («Почтовик») сосредоточился на борьбе с последователями старца Стефана (Подгорного), слившимися с ИПЦ, а агент «Георгиевский» (епископ Черниговский, а потом Днепропетровский Гурий (Егоров)) участвовал в разработке «Мракобесы» по ликвидации истинно-православного подполья в Чернигове во главе со священником Александром Маковым.

Епископы-агенты ограничивали и легальную церковную жизнь: «Сокол» (Иоасаф) запретил раздачу воды, освященной на стопе Божией Матери в Почаеве, и ночлег паломников в Почаевской лавре, а его наместник в этой лавре — агент «Соколовский» (архимандрит, а позже епископ Севастиан (Пилипчук)) — по указанию КГБ изгнал из обители старца Кукшу (Величко, ныне канонизирован РПЦ) и закрыл Свято-Духов скит.

Поведение иерархов-агентов часто объясняется обстоятельствами их биографии: многие из них в 30-е гг. отрекались от сана и веры, их возвращение в церковь могло быть обусловлено разными мотивами. Например, о. Георгий Каминский («Непомнящий») говорил оперативни-

кам: «В 1935 г. я самоликвидировался [как служитель культа], но в 1944 г. меня призвали и сказали, что нужно служить ради интересов Родины. Вот и стал служить». Вскоре он станет архиепископом Житомирским Палладием. По доносу агента «Павловского» (епископ Антоний) в октябре 1945 г. арестовали свящ. Александра Мищенко, которого осудили на 20 лет за связь с ОУН-УПА*, и свящ. Платона Березюка, осужденного на 10 лет за антисоветские высказывания в период оккупации. По доносу агента «Иванова» (епископ Михаил) был арестован священник Вовчик, которого осудили на 10 лет лагерей, откуда тот не вернулся. Еще до войны по доносу агента «Сокола», который тогда был обновленческим священником, ликвидировали «контрреволюционную группу духовенства и церковников в составе 7 чел.» во главе с митрополитом Соборно-епископской церкви Макарием (Крамаренко). За один лишь 1938 г. «Сокол» подал 138 донесений на «реакционно или националистически настроенных» клириков и мирян. После войны, став архиереем РПЦ, он продолжал активно участвовать в сыске членов ИПЦ (разработки «Скит» и «Остров»).

Александр Солдатов

*Запрещены в РФ.

Хотели, как лучше, а получили мафию

К ЧЕМУ ПРИВЕЛ «СУХОЙ ЗАКОН»
В США 20–30-Х ГОДОВ
ПРОШЛОГО ВЕКА

Александр

Панов

«Сухой закон» в США называют одним словом Prohibition («запрет»). Все сразу понимают, о чем идет речь. С 1920 по 1933 год в Америке были запрещены производство, импорт, транспортировка и продажа алкогольных напитков. У запрета были давние исторические корни, связанные с религиозными воззрениями, национальными различиями, семейным насилием, политической коррупцией. Причин было много. Результаты оказались удручающими.

Прежде всего потому, что при принятии «сухого закона» оставили достаточно лазеек, как можно было его обойти. Главным итогом «запрета» стала сложившаяся в стране система «организованной преступности» (любопытно, что до «сухого закона» этого термина в США вообще не существовало!). Мафиози, мобстеры, гангстеры, бутлегеры (производители и продавцы нелегальных спиртных напитков), продажные полицейские и коррумпированные политики расцвели в Америке буйным цветом именно за 13 лет действия «сухого закона».

Отголоски той эпохи сохранились не только в виде музейных экспонатов, книг и кинофильмов, но отложились настолько глубоко, что американцы сталкиваются с ними до сих пор, в сегодняшней жизни. Один из примеров — запрет на алкоголь до достижения 21 года. То есть можно идти в здешнюю армию даже не с 18, а с 17 лет, но выпить пива в таком возрасте остается преступлением. Законы по употреблению алкоголя зависят от места проживания. «Сухие округа» остаются по сей день в некоторых глубинных и особо религиозных штатах, хотя это уже большая редкость. Как показал соцопрос 2018 года, почти 20% американцев считают, что алкоголь в стране нужно запретить.

Когда в конце XIX века религиозные и женские организации Америки требовали введения «сухого закона», чтобы побороть алкоголизм и насилие в семьях, они не предполагали, что «запрет» станет катастрофой и показательным уроком для других стран. Как не нужно делать.

Причины — от религии до ксенофобии.

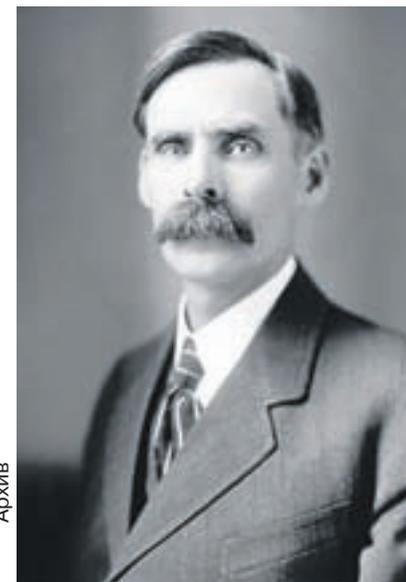
Официально «сухой закон» начался с принятия 18-й поправки к конституции, ратифицированной 16 января 1919 года (он вступил в силу через год), и закончился с ратификацией 21-й поправки, которая отменила 18-ю поправку, 5 декабря 1933 года. Кстати, на сегодняшний день это единственный пример в американской истории, когда поправка к конституции была принята с целью отмены другой поправки.

У «запрета» — религиозные корни. Движение протестантов-пиетистов (латинское pietas — «благочестие») призывало христиан к личной святости и проповедовало «самодисциплину» — отказ от карт и других азартных игр, танцев и театра, умеренность в еде, питье и одежде. Пиетисты были против ношения ювелирных изделий, дорогих одежд и пьянства, они удалялись от мирских развлечений, не давали клятв, не участвовали в войнах и судебных разбирательствах. Помимо молитвенных собраний в церквях, сторонники движения устраивали «благочестивые сходки» по месту жительства. За полный отказ от алкоголя выступили методисты, баптисты, пресвитериане т.н. «новой школы», движение «Ученики Христа», конгрегационалисты, квакеры и лютеране из скандинавских стран. Также за запрет выступали католический «Союз полного воздержания Америки» и часть мормонов. Они называли салуны «средоточиями политической коррупции». Питейные заведения были тем местом, где здешние политики — за отсутствием ТВ и соцсетей — проводили встречи с избирателями, покупая их голоса бесплатной выпивкой. Движение против пьянства вслед пиетистам-«благочестивцам» объединило Женский христианский союз трезвости, созданную после 1900 года Антисалунную лигу и «прогрессивные» группы как Республиканской, так и Демократической партии. Сторонников запрета и отказа от алкоголя стали и называть соответственно — drys (dry в переводе «сухой»).

Против них дружно выступили объединенные силы противников «сухого закона» — их называли тоже неприятно — «мокрыми» (wet). Движение возглавили производители и продавцы пива, а также представители католической (ирландской) и лютеранской (немецкой) общин, которые осуждали идею, что правительство должно определять общественную мораль. После Первой мировой войны, где США с союзниками выступили против Германии, «сухой закон» стал вопросом «политическим». Дополнительной целью «запрета» стало лишить алкоголя всех здешних немцев, закрыть бары, где они любили собираться после тяжелого рабочего дня. Кроме того, «сухой закон» стал отражением конфликта американской деревенской глубинки, где религия утверждала трезвость в качестве мо-

ральной скрепы, и быстрорастущей урбанистической Америки, куда иммигранты со всего мира привносили свои привычки и способы «уходить от суровой прозы бытия». Кстати, к концу 20-х годов прошлого века противники «запрета» говорили в открытую, что «сельские» протестантские религиозные ценности насильно навязывают «городской» Америке.

Первая мировая война стала еще одним «источком» принятия «запрета». Еще до ратификации 18-й поправки, 18 ноября 1918 года Конгресс принял временный закон о «запрете во время войны», который запретил продажу алкогольных напит-

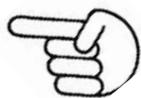

Архив

Эндрю Волстед

ков с содержанием алкоголя более 1,28%. Целью провозглашалась экономия зерна для военных нужд. По иронии судьбы (как это часто бывает с американскими законодателями) закон был принят через десять дней после подписания перемирия, положившего конец войне. «Запрет военного времени» вступил в силу 30 июня 1919 года, а 1 июля остряки немедленно обозвали Thirsty first (здесь игра слов: звучит похоже на 31-е, но переводится как «первый жаждущий выпивки»). Военный закон стал прелюдией к принятию общего «запрета» («сухого закона»), известного также как Закон Волстеда. Эндрю Волстед — член палаты представителей от Республиканской партии, председатель юридического комитета, тесно сотрудничавший с Антисалунной лигой Америки, вместе с руководством которой конгрессмен подготовил «сухой закон».

...а получили мафию

Восемнадцатая поправка была принята в 1919 году с 68-процентным большинством в палате представителей и 76-процентной поддержкой в Сенате и была ратифицирована в 46 из 48 штатов. Любопытно, что обе палаты Конгресса преодолели вето президента Вудро Вильсона. С 17 января 1920-го Prohibition вступил в силу. Как здесь говорят, «Америка высохла».

Один из авторов закона, сенатор Моррис Шеппард, пошутил, что «шансов отменить Восемнадцатую поправку столько же, сколько шансов у птички колибри долететь на планету Марс с привязанным к хвосту памятником Вашингтону». Что ж, через 13 лет птичка, как говорится, «долетела до Марса». Тому было много причин.

«Винная таблетка», «святое вино», «светящиеся бегуны» и прочие лазейки

Как только «сухой закон» вступил в силу, самый известный в Америке баптистский проповедник (в прошлом — профессиональный игрок в бейсбол) Билли Сандей предсказал: «Царство слез закончилось. Грушобы скоро станут вос-

Архив

Моррис Шеппард

помианием. Мы превратим тюрьмы в фабрики, а суды — в склады и кукурузные амбары. Мужчины теперь будут ходить прямо, женщины улыбаться, а дети смеяться. Ад будет навечно сдан в аренду». Он жестоко ошибся.

Восемнадцатая поправка запрещала производство, продажу и транспортировку алкогольных напитков, однако не ставила вне закона хранение или употребление алкоголя. Спрос, как известно, рождает предложение. Американцы воспользовались всеми возможными лазейками, оставленными новым законом. Прежде всего — употребление алкоголя оставалось легальным.

Новый закон не поддержала американская элита. Президент Вудро Вильсон перевез свой запас алкогольных напитков в свою резиденцию в Вашингтоне после окончания срока его полномочий, а его преемник, Уоррен Хардинг, наоборот, перевез свои большие запасы алкоголя в Белый дом. До того, как закон вступил в силу в январе 1920 года, богатые американцы скупали запасы розничных и оптовых торговцев спиртными напитками, опустошив их склады, кладовые салунов и клубов. В октябре 1930 года, за две недели до промежуточных выборов в Конгресс, бутлегер Джордж Кэссиди (его называли «человек в зеленой шляпе») открыто заявил законодателям, что он занимался кон-

трабандой алкоголя в течение десяти лет. Кэссиди написал пять статей на первой полосе газеты The Washington Post, в которых утверждал, что в годы «запрета» 80% американских конгрессменов и сенаторов регулярно употребляли алкоголь.

Резко возросло потребление спиртного, выписанного... медиками. В те времена американские врачи выписывали пациентам виски в терапевтических целях. Всего за шесть месяцев «запрета» более 15 тысяч врачей и 57 тысяч аптекарей получили лицензии на выписывание рецептов или продажу медицинского алкоголя. В годы «запрета» врачи выписывали около 11 миллионов рецептов в год. Первый федеральный комиссар, ответственный за выполнение «сухого закона», Джон Ф. Крамер процитировал врача, который за один день выписал 475 рецептов на виски. Естественно, бутлегеры покупали бланки рецептов у медиков. В 1931 году 400 фармацевтов и 1000 врачей были уличены в мошенничестве, но официально были обвинены 25 человек, да и те отделались штрафом в 50 долларов. Судьи не были строги к нарушителям. Продажа алкоголя через аптеки упоминается в романе Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби». С 1921 по 1930 год американские врачи заработали около 40 миллионов долларов на рецептах «лечебного» виски.

В 1922 году был снят запрет на «религиозный алкоголь». Продажа «священно-

Getty Images

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

го» или «кошерного» вина для субботнего и праздничного использования дома проходила с разрешения священников и раввинов. «Это дало винодельням, производящим церковное вино, огромное конкурентное преимущество», — отмечает Кейт Уоллес, историк и винодел из Филадельфии. Получить разрешение было непросто. Комиссар по налоговым поступлениям Дэвид Блэр разработал правила, согласно которым сначала винодельням надо было получить разрешение от правительственной службы по соблюдению «сухого закона». Затем религиозный лидер должен был стать официальным владельцем винодельни. Священник был обязан следить за тем, чтобы вина использовались в религиозных целях, а не для «общего потребления». Но лазейка есть лазейка, а поскольку молитвенные дома стали одним из немногих легальных рынков сбыта алкоголя, производство «святого вина» резко возросло. «Производство винограда в Калифорнии, где преобладает католическое население, во время «сухого закона» выросло на 700%», — пишет Грегори Элдер, профессор истории в колледже

рый выполнял заказы своих клиентов на колокольне собора Сент-Луиса», — пишет Кэтлин Морган Дроун в книге «Духи неповиновения: национальный сухой закон и литература века джаза». «Суммы продаж были настолько огромными, что ясно, что большинство священников тоже были бутлегерами», — отмечает исследователь «сухого закона» Эдвард Бер.

Закон разрешал производить вино и сидр (но не пиво) в домашних условиях. Можно было делать до 200 галлонов (более 750 литров, английский и американский галлон различаются) вина и сидра в год. Виноградный сок не подпадал под действие «сухого закона». Неудивительно, что в эпоху «запрета» его производство увеличилось в четыре раза. Предприимчивые виноградари производили жидкие и полутвердые виноградные концентраты, их называли «винными кирпичами» или «винными блоками» и продавали с весьма двусмысленными наклейками-предупреждениями: «Растворив содержимое в галлоне воды, не храните жидкость в кувшине в шкафу в течение двадцати дней, иначе она превратится в вино. Если соку дать постоять 60 дней, он

лось британским властям, что американские законы подрываются чиновниками в Нассау (Багамские острова — территория Объединенного Королевства), те отказались вмешаться. Уинстон Черчилль вообще назвал американский «сухой закон» «оскорблением всей истории человечества».

Вокруг технического спирта развернулась настоящая война. Чтобы помешать бутлегерам (производителям нелегального алкоголя), правительство распорядилось провести денатурацию технических спиртов. В них должны быть включены добавки, делающие их неприятными или ядовитыми. В ответ бутлегеры наняли химиков, устраняющих эти добавки из алкоголя. Дальше — больше. Минфин США потребовал от производителей добавлять в этиловый спирт больше ядов: метанола, бензола, пиридина. Против действия правительства выступили судмедэксперты Нью-Йорка. До отмены «сухого закона» от употребления денатурированного алкоголя умерло около 10 тысяч человек.

«Сухой закон» привел к закрытию более 200 винокурных заводов, тысячи пивоваренных заводов и более 170 000 винных магазинов, но одновременно по всей стране в крупных городах действовали тысячи подпольных клубов. Их называли speakeasy, в них стал популярен джаз. Нелегальный алкоголь стал модным у тогдашней гламурной молодежи, городские женщины в годы «запрета» стали больше пить. Стали больше пить и фермеры, разорявшиеся от падения продаж на зерно. Многие американцы, недовольные диктатом правительства, пили в знак протеста. Нелегальная индустрия алкогольных напитков зарабатывала в среднем 3 миллиарда долларов в год.

Три федеральные правительственные службы — береговая охрана США и специально созданные бюро по запрету алкоголя («бюро запрета») при министерствах финансов и юстиции в союзе с местной полицией пытались отлавливать торговцев нелегальным спиртным. Бутлегеры в ответ модифицировали свои автомобили и грузовики, усовершенствовали двигатели и подвески, чтобы сделать транспортные средства более быстрыми и сбегать от правительственных агентов, которых тогда называли «агентами по доходам» или «доходчиками» (revenuers). Автомобили бутлегеров прозвали «самогонными бегунами» (moonshine runners) или «светящимися бегунами» («самогон» по-английски moonshine, что дословно «лунный свет»). А ночные дороги, по которым проходили дикие автогонки бутлегеров и агентов, называли «громовыми» (thunder roads).

Архив

Изъятые оборудование бутлегеров в Чикаго

Морено-Вэлли. В 1925 году Департамент исследований и образования Федерального совета церковью Христа сообщил, что почти три миллиона галлонов вина было изъято со складов т.н. «священного вина». «Ясно, что законный спрос не может увеличиться на 800 тысяч галлонов за два года», — говорится в докладе. «Одним из личных бутлегеров классика американской и мировой литературы Уильяма Фолкнера был молодой священник из Нового Орлеана, кото-

превратится в вино с содержанием алкоголя 12%». Такими «предупреждениями» воспользовались многие американцы.

Поскольку алкоголь оставался легальным в соседних странах, винокурные заводы и пивоварни в Канаде, Мексике и странах Карибского бассейна процветали, так как их продукция либо потреблялась приезжими американцами, либо незаконно ввозилась в Соединенные Штаты. Когда правительство США пожалова-

...а получили мафию

Со крашение налоговых поступлений и рост нелегальной продажи самогона, а с ним рост коррупции и организованной преступности, переход американцев к более крепким спиртным напиткам — эти и другие причины вызвали за 13 лет резкую смену общественных настроений.

22 марта 1933 года президент Франклин Рузвельт подписал поправку, известную как Закон Каллен–Харрисона, разрешающую производство и продажу пива и легкого пива с содержанием алкоголя 3,2%. Подписав закон, Рузвельт заметил: «Я думаю, сейчас самое время выпить пива». 5 декабря 1933 года Юта стала 36-м штатом, ратифицировавшим Двадцать первую поправку, аннулирував «запрет» и восстановив контроль над алкоголем в штатах. Все штаты либо сделали алкоголь легальным, либо передали контроль над производством и потреблением алкоголя входящим в их состав округам и провинциям.

Как отмечает историк и экономист Марк Торнтон: «Результаты этого эксперимента ясно показывают, что это был позорный провал по всем статьям... Хотя в начале «сухого закона» потребление алко-

голя снизилось, впоследствии оно возросло. Алкоголь стал более опасным для здоровья; преступность возросла и стала «организованной»; судебная и тюремная системы были перенапряжены до предела; коррупция государственных чиновников процветала. Никакого измеримого улучшения производительности труда или сокращения прогулов не произошло. Запрет устранил значительный источник налоговых поступлений и существенно увеличил государственные расходы. Это заставило многих пьющих переключиться на опиум, марихуану, патентованные лекарства, кокаин и другие опасные вещества, с которыми они вряд ли бы столкнулись, если бы не «запрет».

Архив

Чарльз «Счастливчик» Лучано

Закон отменен, но мафия осталась

До принятия «сухого закона» преступные банды в больших американских городах занимались мелким вымогательством и ростовщицеством в кварталах, где преобладали этнические итальянцы, евреи, ирландцы и поляки. Говард Абадински, профессор уголовного права, автор книги «Организованная преступность», отмечает, что на первом этапе «запрета» банды защищали нелегальные пивоварни и предприятия по производству рома от конкурирующих групп, обеспечивали безопасность подпольных баров и подкупали полицейских и политиков. Огромные возможности для бизнеса, связанные с нелегальной выпивкой, изменили все. Получив в свои руки «абсурдно большие» суммы денег, бывшие мелкие уличные бандиты наняли юристов и бухгалтеров, чтобы отмывать миллионы долларов, которые нака-

пливались каждый месяц. Им пришлось задуматься о стратегическом партнерстве с другими бандами, транспортной логистике и инвестициях в недвижимость.

В 1920-х годах Чарльз «Счастливчик» Лучано прославился тем, что объединил крупнейших итальянских и еврейских бандитов Нью-Йорка, чтобы доминировать в бутлегерском бизнесе Города большого яблока. В Чикаго Джонни Торрио поддерживал мир между итальянцами в южной части города и ирландскими и польскими бандами, работающими в северной части города, пока к власти в «городе ветров» после кровавых разборок не пришел знаменитый Аль Капоне. В городском музее Чикаго стенды, посвященные местной мафии — мобстерам, занимают гораздо больше места, чем экспонаты об организаторах первых в истории «пролетарских протестов». Чикаго — родина Первомая, но для местных жителей и прочих американцев это, прежде всего, «город Аль Капоне». Теперь еще немного — и «город Обамы».

В отличие от юга, где фермеры активно варили самогон, на севере мафия организовала бесперебойные поставки спиртного из Канады. Арнольд Ротштейн перевозил

Архив

Джонни Торрио

Аль Капоне (третий слева) и чикагская мафия

его через озеро Онтарио к реке Гудзон и далее в тысячи баров Нью-Йорка. Банда Мэйфилд Роуд в Кливленде прославилась своими скоростными катерами с ромом, пересекающими озеро Эри. Спрос был настолько велик, что в середине 1920-х годов авторитеты, как Капоне, зарабатывали до 100 миллионов долларов в год (1,4 миллиарда долларов сейчас) и тратили полмиллиона долларов в месяц на взятки полиции, политикам и федеральным следователям. Мафия договорилась о разделе сфер влияния и сотрудничестве именно в эти годы. Как отмечает Абадински, «зарабатывать деньги было легко, самое сложное было выяснить, что делать со всеми деньгами». Отмывание денег было еще одним способом, с помощью которого организованная преступность стала «гораздо организованней». Когда в 1931 году в Неваде были легализованы азартные игры, огромные деньги мафии были направлены в новые казино и отели. Бухгалтеры преступного мира, такие как Мейер Лански, переводили деньги брокерам в Швейцарии, которые должны были замести следы гангстеров и реинвестировать деньги в законный бизнес. Важность

В середине 1920-х годов авторитеты, как Капоне, зарабатывали до 100 миллионов долларов в год (1,4 миллиарда долларов сейчас) и тратили полмиллиона долларов в месяц на взятки полиции, политикам и федеральным следователям

«отмывки» не учел Аль Капоне, загремевший за решетку не за убийства или рэкет, а за банальную неуплату налогов.

«Сухой закон» был окончательно отменен, но бизнес-схемы черного рынка и тактика организованной преступности по отмыванию денег никуда не делись. Крупнейшие банды перешли от алкоголя к другим видам деятельности: наркотикам, азартным играм и проституции.

Ирония заключается в том, что «сухой закон», призванный изменить худшие привычки граждан: алкоголизм, домашнее насилие, связанные с этим рабочие прогулы, дал сильнейший толчок развитию худшей криминальной традиции Америки — мафии.

Александр Панов,
Вашингтон

Двойная жизнь Ольги Берггольц

ПУТЬ ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО
ПРОШЛОГО В ТРАГИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ

Архив

Наше общество не осудило прошлого, не покаялось в молчаливом соучастии в чудовищных преступлениях сталинского режима и послевоенного времени. Мы смирились со злом, и если бы не отдельные личности, которые восставали против лжи, борясь с личным страхом

и наступая на прежние свои представления во имя будущего, то у нас не было бы настоящей истории сопротивления, надежды на возрождение. Поэт Ольга Берггольц — одна из них. Она оставила дневники такой пронзительной силы и сокрушительной откровенности, что дала возможность способным слышать надежду на спасение.

Наталья
Громова

«Сегодня Коля за-
капает эти мои
дневники, — писа-
ла Ольга Берггольц
17 сентября

1941 года. — Все-таки в них много правды, несмотря на их ничтожность и мелкость. Если выживу — пригодятся, чтоб написать всю правду. О беспредельной вере в теорию, о жертвах во имя ее осуществления — казалось, что она осуществима. О том, как потом политика сожрала теорию, прикрываясь ее же знаменами, как шли годы невыносимой удушающей лжи. (Зенитки палят, но слабо, самолеты идут на очень большой высоте — несомненно, прямо над моей головой. Не страшно ничуть. «В меня не попадет, почему именно в меня, зачем я им».) Да, страшной лжи, годы мучительнейшего раздвоения всех мыслящих людей, которые были верны теории и видели, что на практике, в политике — все наоборот, и не могли, абсолютно не могли выступить против политики, поедающей теорию, и молчали, и мучились отчаянно, и голосовали за исключение людей, в чьей невиновности были убеждены, и лгали, лгали невольно, страшно, и боялись друг друга, и не щадили сил, и дико, отчаянно пытались верить».

Спасение дневников для нее было необходимо, чтобы свидетельствовать о своем времени, которое — она тогда с ясностью увидела — вызвало ее к жизни.

За несколько месяцев до начала войны — 23 марта 1941 года — Ольга Берггольц мучилась теми же мыслями: «Иудушка Головлев говорит накануне своего конца: «Но куда же всё делось? Где всё?» Страшный, наивный этот вопрос все чаще, все больше звучит во мне. Оглядываюсь на прошедшие годы и ужасаюсь. Не только за свою жизнь. Где всё? Куда оно проваливается, в чем исчезает, и главное — зачем, зачем?!»

Ольга Берггольц самый необычный пример советского поэта и советского человека, с ранних лет убежденного

Архив

Борис Корнилов и Ольга Берггольц

в правоте всего, что делает государство, сама ставшая символом блокадного сопротивления, но та же Ольга Берггольц, особенно в послевоенное время, внутренне сопротивлялась любому нажиму и все дальше отходила от попыток власти использовать себя в идеологических целях. Эта трансформация в ней шла долго и мучительно, но можно утверждать одно — главное размежевание с советской сталинской системой шло у Ольги Берггольц именно по линии противостояния лжи. И когда она понимала, что вынужденно участвует в общей фальшивой жизни, то испытывала огромные страдания, которые выражались в ее многолетнем алкоголизме.

Отсюда эти надрывные строки послевоенных лет: «На собрание целый день сидела — то голосовала, то лгала... Как я от тоски не посидела? Как я от стыда не померла?» Но вся эта внутренняя работа происходила в ней постепенно.

Поэтическая судьба Ольги Берггольц начинается в шестнадцать лет в литобъединении для рабочей молодежи «Смена», где собираются молодые поэты и писатели. Она пришла туда «с безумной робостью» в самом начале 1925 года. «В литгруппе «Смена» в меня влюбился один молодой поэт, Борис К., — вспоминала Берггольц. — Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... Был очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно после первого объяснения

я стала его женой, ушла из дома». Они поженились в 1928 году, и первая книга стихов Корнилова «Молодость» была посвящена Ольге. В то время ее идейный выбор был абсолютно определенный — советская жизнь с энтузиазмом и верой в коммунизм.

У молодой пары родилась дочь Ирина, и между кормлениями Ольга бегала на лекции в Институт истории искусств. Борис пытался зарабатывать, учиться, но срывался, пил. В 1929 году его исключили из комсомола. Пути их очень скоро разошлись. В июне 1930-го, начиная новую тетрадку дневника, почти с первых же строк она заявляет: «Вот — развод с Борькой. О да, уже окончательный, рецидивов не будет. Правда, сейчас стало больнее, чем первое время, хочется написать ему ласковые слова, но сдерживаю себя, т.к. знаю, что это ни к чему. Да, я поступила правильно». Спустя годы в автобиографии Берггольц объясняла: «Я разошлась с ним просто-таки по классическим канонам — отрывал от комсомола, ввергал в мещанство, сам «разлагался».

Двойная жизнь Ольги Берггольц

1 930 год начинается с рокового постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». На ОГПУ возлагается организация так называемого раскулачивания. В столыпинских вагонах в Сибирь и на Крайний Север везут сотни тысяч раскулаченных крестьян с семьями. Едут миллионы трудолюбивых крестьян. Часть из них пополнит число рабов на стройках социализма, часть высылается в лагеря. Дорогу выдерживают только самые сильные. Умирают женщины и дети. Но это никого не останавливает. Летом 1930 года Ольга отправляется на преддипломную журналистскую практику в газету Владикавказского окружкома ВКП(б) «Власть труда». Объезжает города и аулы, пишет о ходе коллективизации. С тоской и нежностью вспоминает Корнилова, думает о далеком Коле Молчанове, о своем будущем: «Я должна, я буду писать настоящие, хорошие стихи!» Для нее стихи — средство борьбы и строительства новой жизни.

...Вернувшись в Ленинград, Ольга добивается того, чтобы их вместе с Николаем Молчановым по распределению отправили в Казахстан корреспондентами газеты «Советская степь». В Казахстане идет массовая насильственная коллективизация. Через несколько лет Ольга напишет повесть «Журналисты». Там не будет даже намека на трагическую реальность, которая открылась ей в те дни. Тем не менее эта повесть сыграет страшную роль в жизни Берггольц. В конце тридцатых годов «Журналисты» будут фигурировать в ложных обвинениях в ее следственном деле.

Фактически со времени поездки в Казахстан Берггольц становится женой Николая Молчанова. Но долго она в Казахстане оставаться не могла и вскоре поспешила в Ленинград к своей маленькой дочери.

Архив

Николай Молчанов и Ольга Берггольц

В письме к Молчанову от 23 сентября 1931 года Ольга в подробностях и не без гордости расскажет, что произошло с ней в те летние месяцы в Ленинграде. «Потом приехал Авербах... По приезде он сразу проявил максимум заинтересованности ко мне. Мы с ним сразу подружились. <...> Ну ладно, потом приезжает небезызвестный тебе Горький. Маршак тянет меня к нему насчет «Костров». Идем, долго говорим (больше я, чем Маршак). Спорим. Горький заинтересован, заражен. Пишет рассказ о Ленине, воззвание относительно «Костров». Колька, Горький до того милый, хороший парень, что я просто обалдела. Сидела с человеком, который написал «Клима Самгина», и чувствовала себя лучше, вернее, непринужденнее, чем с Авербахом». Связь с Леопольдом Авербахом — главой РАППа, родственником наркома НКВД Ягоды — сыграет в судьбе Ольги Берггольц роковую роль, когда он будет арестован и расстрелян, это отразится и на ее судьбе.

В сентябре 1936 года Ольгу назначают ответственным секретарем

Википедия

Леопольд Авербах

«Литературного Ленинграда», где она работает вплоть до ликвидации газеты в марте 1937 года. «В жизни — крутая перемена, — пишет она, — назначили завредакцией «Литературного

Ленинграда». Это во всех отношениях паршиво. Отрыв от собственной работы, погружение в это подлое стойло — газету...» Здесь Ольга все больше чувствует себя настоящим партийным пропагандистом. Она объясняет, растолковывает, ведет и возглавляет. На многочисленных собраниях, в том числе и писательских, звучали сокрушительные заявления в адрес предполагаемых троцкистов: «Расстрелять как бешеных собак!» Тогда Ольга Берггольц была на стороне тех, кто призывал к расстрелу.

Вскоре в «Литературной газете» появилась статья «Авербаховские приспешники в Ленинграде». Героями ее стали Ольга Берггольц, Ефим Добин и Лев Левин. Незадолго до собрания, где ее исключили из Союза писателей, 9 мая 1937 года, Ольга записала в дневнике: «Если я доношу Степу (так она называла будущего ре-

(Большой дом — здание управления НКВД, потом КГБ, сейчас ФСБ в Ленинграде, на Литейном проспекте, 4. — Ред.). В постановлении об аресте говорилось, что Ольга Берггольц входила в террористическую группу, готовившую террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства (т. Жданова и т. Ворошилова). Среди прочего у нее изъяли дневники.

Спустя год, вернувшись домой, Ольга запишет о своем следователе: «...я сначала сидела в «медвежатнике» у мерзкого Кудрявцева, потом металась по матрасу возле уборной — раздавленная, заплеванная, оторванная от близких, с реальной перспективой каторги и тюрьмы на много лет...» И еще о тех днях: «Ровно год назад в этот день я была арестована, — запись от 14 декабря 1939 года. — Ощущение тюрьмы сейчас, после 5 ме-

ние, расширяясь до безумия, до раздавленности!..»

3 июля 1939 года Ольгу освободили из-под стражи. Следствие по делу было прекращено за недоказанностью состава преступления. Ольге вернули дневники с красными пометами. Каково ей было прикасаться к страницам, исчерканным красным карандашом! «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят — «живи»... Выживу? Все еще не знаю...»

За время тюрьмы Ольга изменилась кардинально. Не было больше фанатичной коммунистки, оправдывавшей любые преступления власти высокой целью. В ее дневнике — и растерянность, и ужас перед открывшимся новым знанием о стране, о людях, которым верила. Но главное, это понимание реальности, где каждый поступок имеет собственную ценность, и предательство — это предательство, а ложь — это ложь.

*...А я бы над костром горящим
Сумела руку продержать,
Когда б о правде настоящей
Хоть так позволили писать.
Меж строк безжизненных и лживых
Вы не сумеете прочесть,
Как сберегали мы ревниво
Знамен поруганную честь.*

«Решетка, решетка стоит между мною и миром! Решеткой разделено и внутри на волю и неволю...» — записывает она в дневнике в начале 1940 года. Ей всего лишь тридцать, а она пишет завещание потомкам, отдавая себе отчет в том, что и советская литература, и советская печать той поры создадут о ее поколении превратное представление:

*Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.*

Тюрьма во многом изменила образ мыслей Ольги, ее мировоззрение. Необходимо было заглянуть в себя и ответить, а чем же был для нее 1937 год? Что случилось с Борисом Корниловым? Ведь в те дни в порыве общего помешательства она участвовала в его травле на собраниях, писала в дневнике, что правильно арестован, «за жизнь». Теперь же хотелось повернуть время назад, чтобы из ее уст никогда не звучали подобные слова.

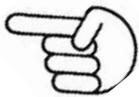
бенка. — Н. Г.) — это будет чистой случайностью». Но самое унижительное для нее произошло 29 мая, когда состоялся разбор персонального дела с подробностями ее близких отношений с Авербахом.

Еще в июле 1937 года она записала в дневнике: «10 июня 1937. На фоне того, что происходит кругом, — мое исключение, моя поломанная жизнь — только мелочь и закономерность. Когда падает огромная глыба — одна песчинка, увлеченная ею, — незаметна».

Берггольц была арестована в ночь с 13 на 14 декабря 1938 года под Ленинградом в Доме творчества как «участница троцкистско-зиновьевской организации» и доставлена в Шпалерку — тюрьму Большого дома

сяцев воли, возникает во мне острее, чем в первое время после освобождения. И именно ощущение; т.е. не только реально чувствую, обоняю этот тяжкий запах коридора из тюрьмы в Большом доме, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние посторонней заинтересованности, страха, неестественного спокойствия и обреченности, безысходности, с которым шла на допросы... Ну ладно... Не надо... Да, но зачем же все-таки подвергали меня всей той муке?! Зачем были те дикие, полубредовые желто-красные ночи (желтый свет лампочек, красные матрасы, стук в отопительных трубах, голуби...). И это безмерное, безграничное, дикое человеческое страдание, в котором тонуло мое страда-

Двойная жизнь Ольги Берггольц

«**П**еречитываю сейчас стихи Бориса Корнилова, — пишет Ольга 23 марта 1941 года, — сколько в них силы и таланта! Он был моим первым мужчиной, моим мужем и отцом моего первого ребенка, Ирки. Завтра ровно пять лет со дня ее смерти. Борис в концлагере, а может быть, погиб... Смерть, тюрьма, тюрьма, смерть...» Все эти чувства и мысли нашли отражение в стихах, увидевших свет спустя десятилетия.

22 июня 1941 года Берггольц пишет: «Мы предчувствовали полыханье / этого трагического дня. / Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье. / Родина! Возьми их у меня!» И в то же время войну Ольга восприняла как освобождение от затянувшегося тупика и отчаяния.

29 января 1942 года ее муж Николай Молчанов умер в психиатрической больнице от истощения и прогрессирующего нервного расстройства. «Как страшно и бессмысленно погиб этот изумительный, сияющий человек. Я ужасаюсь тому, что осталась без его любви. Но пусть бы даже разлюбил — я и недостойна была этой священной его, рыцарской любви, — только пусть бы жил, пусть бы жил...»

Новое понимание свободы, пришедшее в блокадные дни, когда жители города оказались практически брошенными на произвол судьбы, выросло из необходимости самим принимать решения, брать ответственность на себя. Несмотря на то что НКВД продолжал свою работу и аресты не прекращались, люди, девятьсот дней жившие рядом со смертью, боялись власти уже гораздо меньше. Гордость и достоинство ленинградцев не остались для Сталина незамеченными. После войны был уничтожен (по сути, народный) музей блокады и организовано «ленинградское дело».

Ей удалось выразить свое предназначение в жизни блокадного Ленинграда:

Я говорю за всех, кто здесь погиб.

*В моих стихах глухие их шаги,
их вечное и жаркое дыханье.*

*Я говорю за всех, кто здесь живет,
кто проходил огонь, и смерть, и лед,
я говорю, как плоть твоя, народ,
по праву разделенного страданья...*

Вторая часть жизни Ольги Берггольц стала ответом на вопрос, для чего ей выпали такие тяжкие испытания. Надо было прожить вместе со страной, с людьми, все события и драмы — от надежд до поражений. Верить так же страстно, как верили ее современники, и разочароваться вместе с ними. Быть счастливой энтузиасткой и погибать в тюрьме. «Я здесь, чтобы свидетельствовать...» — скажет она спустя годы о себе.

После войны она стала человеком-легендой. Вот тут для нее начиналось самое трудное.

Теперь Берггольц не желала участвовать в разоблачениях своих друзей, произносить на собраниях покаянные речи. Она говорила себе в дневниках, что никогда не повторит то, что было с ней в 30-е годы. Тревожным звонком для Ольги Берггольц стал запрет книги «Говорит Ленинград». Об этом ей рассказали друзья, работавшие в Публичной библиотеке, — пришло распоряжение об изъятии из фондов всех экземпляров. Уничтожение книги обычно предшествовало уничтожению человека.

Ольга Берггольц с мужем Юрием Макогоненко в крайней тревоге едут на дачу в Келломяках. «31 октября 1949. ...Ощущение погони не покидало меня. Шофер, как мы потом поняли, оказался халтурщиком, часто останавливался, чинил подолгу мотор, а мне показалось — он ждет «ту» машину, кот. должна нас взять. Я смотрела на машины, догоняющие нас, сжавшись, — «вот эта... Нет, проехала... Ну значит, эта?» Уже за Териоками, в полной темноте, я, обернувшись, увидела мертвенные фары, прямо идущие на нас. «Эта». Я отвернулась и стиснула руки. Оглянулась — идет сзади. «Она». Оглянулась на который-то раз и вдруг вижу, что это — луна, обломок луны, низко стоящий над самой дорогой... Дорога идет прямо, и она — все время за нами. Я чуть не зарыдала в голос — от всего. Так мы ехали, и даже луна гналась за нами, как гепеушник...» Именно в эти дни на обложке ее дневника появились следы от гвоздей: пытаюсь спрятать тетради от возможного обыска, Юрий Макогоненко прибил их к обратной стороне дачной скамейки.

Весной 1952 года Ольга Берггольц с группой писателей, в которую входили Александр Твардовский и Юрий Герман, была командирована на строительство Волго-Донского канала, возводившегося силами заключенных. «В начале 52-го, зимой и весной, — дважды Волго-Дон, — писала Ольга в дневнике. — Дикое, страшное, народное страдание. Историческая трагедия небывалых масштабов. Безысходная, жуткая каторга, именуемая «великой стройкой коммунизма», «сталинской стройкой». Это — коммунизм?! Да, люди возводят египетские сооружения, меняют местами облик земли, они радуются

Архив

Юрий Макогоненко

созданию своих рук, результату каторжных своих усилий, я сама видела это на пуске Карповской станции, на слиянии Волги и Дона, но это — радость каторжан, это страшнейшая из каторг, потому что она прикидывается «счастливой жизнью», «коммунизмом», она драпируется в ложь, и мне предложено, велено драпировать ее в ложь, воспевать ее... и я это делаю, и всячески стараюсь уверить себя, что что-то «протаскиваю», «даю подтекст», и не могу уверить себя в этом. Прежде всего, я чув-

Памятник Ольге Берггольц в Палевском саду Санкт-Петербурга

Соцсети

ствую, что должна писать против этого, против каторги, как бы она ни называлась. До сих пор я мычу от стыда и боли, когда вспоминаю, как в нарядном платье, со значком сталинского лауреата ходила по трассе вместе с геппеушниками и какими взглядами провожали меня сидевшие под сваями каторжники и каторжанки. И только сознание — что я тоже такая же каторжанка, как они, — не давало скатиться куда-то на самое дно отчаяния».

Вряд ли кто-нибудь мог рассказать о причинах ее алкоголизма и невозможности излечения откровеннее, чем она сама. Ольга Берггольц писала: «...С октября 1951 года усиленно лечусь — вернее, лечат меня от хронического алкоголизма. ...Так вот для чего все было — Колина смерть, дикое мужество блокады, стихи о ней, Колиной смерти, Юриной любви, о страшном подвиге Ленинграда, — вот для чего все было — чтоб оказаться здесь, чтоб заперли здесь, всучили оловянную — ту

же ложку и посадили над той же страшной кашей, как в тюрьме. А я-то мучилась, мужалась, писала, отдавала сердце и, чтоб заглушить терзания совести и ревности, пила (только от этого и пила), — оказывается, у жизни один для меня ответ: тюрьма. Не можешь подличать, мириться с ложью, горит душа — полезай в тюрьму. Очень помню ощущение тех дней. А лечили «по павловскому методу», «выработкой условных рефлексов» — рвотой, апоморфином. Каждый день впрыскивали апоморфин, давали понюхать водки и выпить, и потом меня отвратительно, мучительно рвало».

В пьяном виде она обличала начальников, высмеивала доносчиков, издевалась над лицемерами. И с ней ничего нельзя было сделать.

После огромного успеха книги прозы «Дневные звезды», написанной на основе дневников, она думает о своей Главной книге. И в центре будущей книги-исповеди должна быть судьба ее поколения, про-

шедшего через тюрьмы, допросы и пытки. Поэтому она и написала в дневнике такие отчаянные слова: «Тюрьма — исток победы над фашизмом, потому что мы знали: тюрьма — это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра — война, и были готовы к ней». Помогла ли им тюрьма выстоять блокаду? Если считать, что ценность отдельной жизни человека была полностью утрачена, то да. Но и то, что советские люди еще и до войны были готовы к смерти, слабое утешение. Однако они выстояли.

Но Главная книга рассыпается, не складывается. Должно быть, не было сквозного стержня, как в первой части «Дневных звезд». Если бы ей удалось внутренне выйти за пределы советской системы, за пределы «учения», в которое больше не верила, если бы она стала писать историю своих и чужих бедствий как есть — как когда-то бесстрашно о времени и о себе написал Герцен — может быть, у нее бы и получилось. Но для этого надо было не только отринуть веру в коммунистическую мечту, но и увидеть полную несостоятельность социализма, который был построен в Стране Советов. Этот путь сумели проделать Солженицын, Копелев, Некрасов и многие другие ее современники. Ей же он был не по силам. Завершающей частью ее Главной книги должен был стать сборник стихов «Узел». Он вышел в 1965 году. Начинается сборник тюремным циклом «Испытание». Вторая часть — «Память» — открывается эпиграфом из Бориса Пастернака: «Здесь будет все пережитое, / И то, чем я еще живу, / Мои стремленья и устои, / И виденное наяву». В третьей части — «Из Ленинградских дневников» — звучат неопубликованные блокадные стихи Ольги. А в последнем разделе «Годы» она прощается со своей молодостью, с мечтой о счастье... Книга лишена всякого пафоса. Голос Ольги сдержан и суров. Она рассматривает свою жизнь через призму народной катастрофы, которую разделила со всей страной.

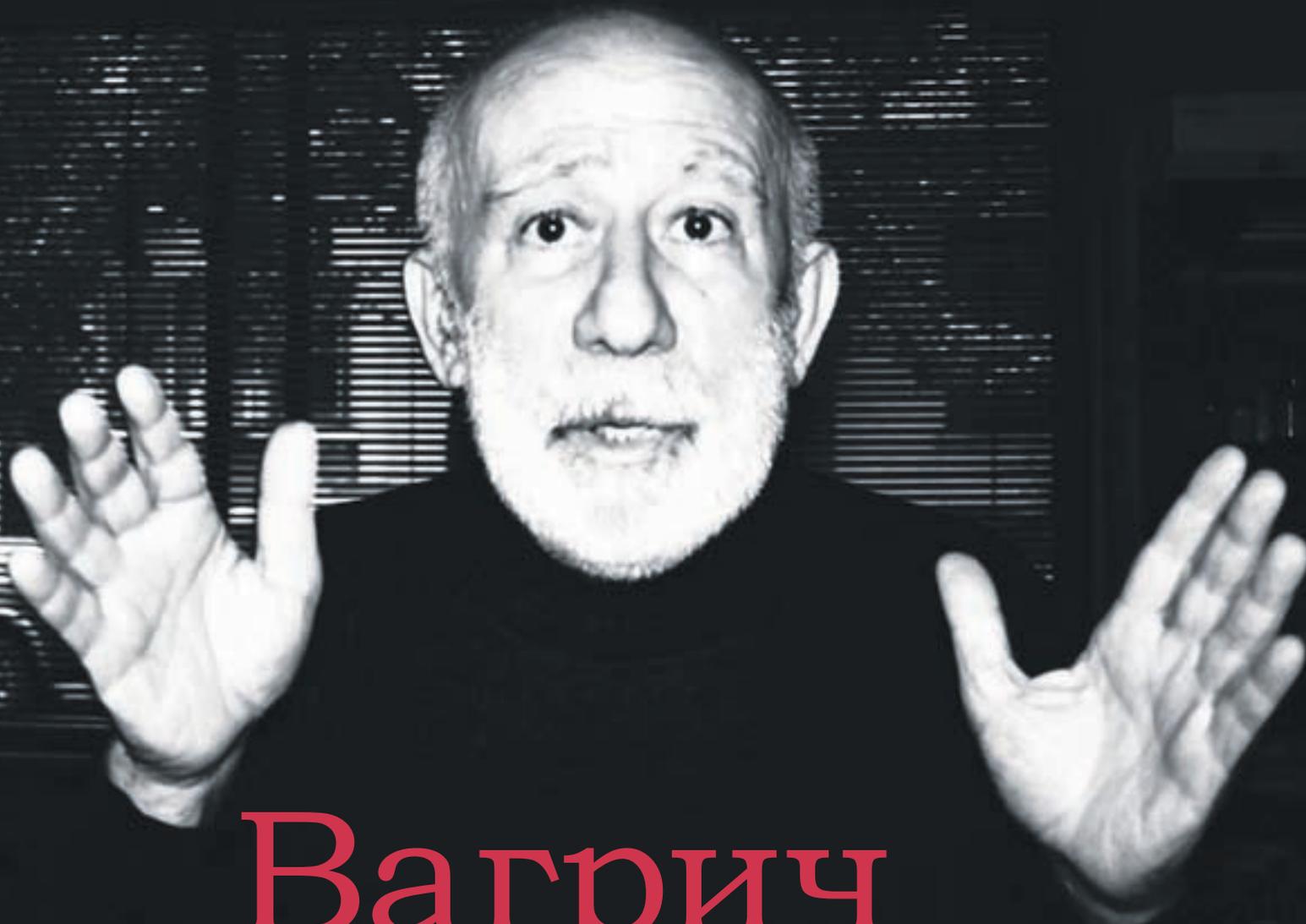
Она умерла в шестьдесят пять лет, 13 ноября 1975 года. Некролог появился в газете «Ленинградская правда» только 18 ноября, в день похорон. Согласования наверху шли почти пять дней. Панихида была в Союзе писателей на улице Воинова.

«Зато начальство было довольно, — написал Даниил Гранин. — Похоронили на Волковом, в ряду классиков, присоединили, упрятали в нечто академическое. Так спокойнее. И вроде бы почетно. Рядом Блок, Ваганова и пр. Чего еще надо? А надо было похоронить на Пискаревском, ведь просила — с блокадниками... На Пискаревском хоронить не стали».

Наталья Громова

ГОРБИ
GORBY

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Вагрич Бахчанян

Архив

Известный писатель **Александр Генис** в своей новой книге, готовящейся к изданию в «Редакции Елены Шубиной», пишет о своих современниках так, будто мы попадаем на другую планету, где живут исключительно умные, неповторимо талантливые, полные человеческого достоинства люди. И не потому, что он ее выдумывает.

Просто его эрудиция и острое восприятие подмечают такие связи между предметами и сюжетами, которые недоступны обычному взгляду. Один из его самых любимых жителей этой планеты — Вагрич Бахчанян, ставший легендой при жизни, даже в Нью-Йорке. Он называл себя художником, который никогда не рисует. Его ответом на перепроизводство искусства была игра с готовыми образами, из которых он выко-

лечивал смыслы, наполнявшие содержанием самые банальные предметы и явления. Рассказ про то, как рождались его знаменитые высказывания и теперь уже музейные коллажи, — та необходимая фиксация, что позволяет, во-первых, наслаждаться чтением, во-вторых, погрузиться в эпоху, в которой «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Мы в нее возвращаемся, но, увы, без автора этого афоризма.

Александр

Генис

1. «Пророчество: никогда не будет пророка в своем отечестве»

В. Бахчанян

Когда мы только подружились, Вагрич написал мой портрет, в своем, конечно, стиле. Круглая рожица, какие рисуют в первом классе, лысая голова, седая борода и огромный нос, выписанный толстым фломастером.

— Господи, — закричал я, — ничего похожего!

И действительно — узнать меня на картинке было невозможно. В те годы я скорее походил на волосатого человека Евтихеева, фотография которого висела в рижском Музее природы в качестве иллюстрации к ее, природы, пережиткам. Меня это не смущало, но сходство с работой Бахчаняна я решительно не находил.

— Ничего, найдешь, — уверял меня автор, — когда придет время.

Чуть не полвека спустя время пришло, и я печально смотрю на портрет, как в зеркало. Совсем уже лысый череп, грустные глаза, белая поросль на подбородке и только нос такой же, как и был, — чуть не упирается в раму.

Откуда он знал, как я буду выглядеть через много лет после его смерти? Понятия не имею, но с художниками это бывает. Вот так Пикассо написал подробный портрет Гертруды Стайн, не имеющий, по ее мнению, ни малейшего сходства с оригиналом.

— Сходство придет, — успокоил ее Пикассо.

И оно пришло, но только две мировые войны спустя.

Кстати сказать, сам Бахчанян к старости стал походить на своего любимого художника. Как-то Андрей Загданский для своего фильма снимал Вагрича в Централ-парке. Мимо проезжал кабриолет с туристами.

— Hello, Pablo, — замахали ему с козлов, что говорит не только о художниках, но и об их нью-йоркских поклонниках, включая кучеров.

2. «Народ принадлежит искусству»

В. Бахчанян

Бодрый дух материализма, в котором меня воспитывал все тот же Музей природы, привил мне скептический взгляд на вмешательство в мою жизнь сверхъестественного. Но мне приходится примириться с исключениями, которые объясняют близкое соседство с артистами разных профессий, но одинакового таланта. Вагрич был одним из первых. Действительность трещала по швам, когда он проходил мимо нее, и Бахчанян невольно заглядывал в щель, вынося оттуда больше, чем полагалось нам знать, а ему предвидеть.

На моей любимой работе Вагрич соединил прыгуна с трамплина в полете с охотником, который целится в него снизу. Коллаж был приурочен к открытию зимних Олимпийских игр в Сараево. Они, напомним, проходили в 1984 году, за несколько лет до жутких югославских войн, разгромивших этот город.

С ним было трудно гулять, потому что к Вагричу всегда липли сумасшедшие. Однажды на Бродвее его узнал веселый толстяк, который представился художником Крамским, правда, Матвеем. Он спросил, сколько стоит реклама в журнале, который мы тогда издавали.

— Сто долларов, — наугад сказал Бахчанян.

— Никаких проблем, — обрадовался художник, достал из кармана доллар и пририсовал фломастером два нуля.

Вагрич нисколько не удивился, поскольку любил психов вообще, а наивных художников предпочитал остальным.

— Только у таких, — говорил он, — не бывает творческих кризисов.

Поверив ему, я тоже обнаружил, что замороженные открывшимся им чудом художники-самоучки умеют доносить правду того бесхитростного искусства, которое не изображает реальность, а воспеваает ее. Особенно в Америке, где я влюбился в Бабушку Мозес. Она изображала мир застывшим в идиллическом прошлом. На ее картинах ездят на санях, снег покрывает красные амбары, деревья стоят в прихотливом порядке. За все перемены отвечает не чехарда президентов, а календарь. И мы следим, как на пейзажах чередуются цвета и сюжеты: зима и лето, утро и вечер, посев и урожай, вчера, как сегодня. Эта история никогда не надоедает, ибо жизнь ходит по кругу, возобновляясь и расцветая с каждым поворотом.

Уезжая в Америку, Бахчанян вместо своих работ взял коллекцию самодеятельных художников, включая альбом одаренного безумца Варфоломея Зайца. Его затейливые рисунки цветными карандашами подробно изображали утопический мир умных механизмов. Больше всего мне понравилась пивная, которую освещали генераторы, получающие энергию от встроенных в писсуары турбин.

Другим образцом примитивного искусства в его собрании был неуклюжий, но решительный автопортрет автора в мундире генералиссимуса. И подпись: Эдуард Лимонов.

В Нью-Йорке Вагричу, конечно же, понравились граффити. Он увидел в них то, что сам ценил: бескорыстную и небезопасную страсть к самовыражению путем публичной демонстрации собственной личности, пусть и не совсем вменяемой. В нашем испачканном городе таких ненавидели. Разрисованные вусмерть вагоны метро вынудили власти к жесту стоического героизма. Каждую ночь один поезд отмывали добела, называли «Моби Дик» и пускали в путь, надеясь пристыдить хулиганов. Со временем, однако, Нью-Йорк нашел иной выход: одних отловили, других прославили.

Однажды в Сохо Бахчанян указал на диковинного прохожего, одетого не по

Вагрич Бахчанян

сезону, да и не по широте — в огромную белую шубу.

— Гроссмейстер граффити, — объяснил Вагрич и полез обниматься со знаменитым Китом Харингом.

Бахчанян полюбил американский авангард еще в родном Харькове. Узнав (кажется, из журнала «Крокодил») про художества Джексона Поллока, Вагрич ре-

шил поддержать коллегу непосредственно по месту работы — на заводе «Поршень». Раздав рабочим дырявые ведра с красками, он научил их бегать взад-вперед по бескрайнему цеху. Вопреки названию завод выпускал не поршни, а танки, и места хватало. В результате получился самый большой «дриппинг» в мире, и Вагрич остался без работы.

3. «Я испытываю чувство юмора за свою родину»

В. Бахчанян

Впервые я увидел работу Бахчаняна в университетском городке Массачусетса, где проходил фестиваль советского нонконформистского искусства. Оно всплыло на поверхность в 1970-е, после и вследствие знаменитой «Бульдозерной выставки». Попав сперва на Венецианское биеннале, мэтры подполья — кто живьем, кто своими работами — добрались и до Америки, во всяком случае, до ее продвинутых кампусов.

«И крестьянки умеют любить», — признав в наших своих, решили радикальные студенты.

Я сам видел, как они, коверкая названия водок, представляли инсценировку «Москва—Петушки». (После спектакля актеры с облегчением переходили на марихуану.) Другой театр показывал замысловатую пьесу Хвостенко и Волохонского «Пожарный выход». В го-

вождя налезала знаменитая кепка. Чуть сдвинув ее вниз, автор превратил Ильича в урку. Ему бы подошла татуировка и свисающая с губы папироса. Но и так Ленин походил на бандита больше, чем у Солженицына.

Во всем виновата кепка, чья роковая роль заложена в ее природу. Эта дальняя родственница английского кепи опрошала тех, кто ее носил. Когда в Петрограде извозчиков сменил трамвай, Блок понял, что в вагон не влезешь в цилиндре, и купил кепку.

— Как только ее надел, — жаловался поэт, — мне тут же захотелось толкаться.

Используя магическое свойство кепки, художник остранил Ленина — как будто вынес его из мавзолея.

Придя в восторг, я прочитал подпись под плакатом, с трудом запомнив необычную армянскую фамилию Бахчанян.

Поставив задачу художественного оформления советского режима на адекватном ему языке, он искал тот минимальный сдвиг, что отделял норму от безумия, банальность от нелепости, штамп от кощунства.

Иногда этот жест можно было измерить, в том числе и миллиметрами, как на плакате с кепкой. Иногда для этого требовалась одна реплика. В своей пьесе Бахчанян вывел на сцену, изображающую Красную площадь, толпу, застывшую в тревожном молчании. После долгого ожидания из мавзолея выходит актер в белом халате. Устало стягивая резиновые перчатки, он тихо, но радостно произносит: «Будет жить!»

Если в этом случае Вагрич обошелся двумя словами, то в другом хватило одного. Он предложил переименовать город Владимир во Владимир Ильич.

придумал ему псевдоним Лимонов — тот был тогда высохшим и желтым. Что и немудрено: они жили искусством на рубль в день. Оголодав в Москве, Лимонов вернулся домой, а Вагрич остался. К счастью, он нашел себе место: на последней полосе «Литературной газеты», которая казалась яркой заплатой на унылом культурном ландшафте.

Та эпоха удачнее всего реализовалась в хождении над пропастью с незавязанными глазами. Правду тогда считали двусмысленностью и искали в «Клубе веселых и находчивых». За анекдоты уже не сажали, но еще могли.

— Публика, — вспоминал Жванецкий, — за свой рубль желала посмотреть на человека, произносящего вслух то, что все говорят про себя.

Как гладиаторы в Риме, сатирики стали народными любимцами. И чем больше они рисковали, тем крепче была народная благодарность.

В Москве Вагрича быстро полюбили. С ним привыкли обращаться как с фольклорным персонажем. Одни пересказывали его шутки, другие присваивали. Последних до сих пор хватает. Расстроенный беззастенчивостью почитателей, Вагрич предложил свое определение постмодернизма: это когда все тырят у Бахчаняна, выдавая за свое. В качестве примера он приводил известного поэта: «Приговор. Пригов — вор». У меня хватило ехидства рассказать об этом Дмитрию Александровичу. Он одобрил и включил в свою следующую книжку.

Хотя Бахчанян оказался в центре эзоповой вакханалии, в сущности, он не имел к ней отношения. Вагрич был не диссидентом, а формалистом. Только выяснилось это намного позже, а молчать он никогда не умел. Однажды, сидя в редакции среди маститых сатириков «Литературки», Бахчанян приткнулся к телевизору, чем заинтересовал всех остальных.

— Что показывают? — спросили у Вагрича.

— Райкина, — не моргнув глазом, ответил он.

Все радостно бросились к экрану, но тут же отхлынули от него. По телевизору выступал Брежнев. Не удивительно, что Бахчанян оказался в Америке.

родском музее выставили не менее затейливую и запрещенную в ее отечестве живопись, ждущую просвещенного подхода или экскурсовода. И только один плакат ничего не требовал, был всем понятен и вызывал хохот.

С плаката на нас смотрел Ленин. Его нельзя было не узнать, но и узнать тоже не сразу получалось, потому что на лоб

4. «Вся власть сонетам»

В. Бахчанян

После того как харьковские власти выдавили Бахчаняна из города, он оказался в Москве, где делил снятый угол с поэтом и земляком Эдуардом Савенко. Вагрич

5. «Зримые черты коммунизма»

В. Бахчанян

Андрей Синявский, с которым на ужине у нас дома Вагрич перешел на ты, совершенно справедливо считал Бахчаняна последним футуристом. Вагрич был живым ископаемым. По нему хотелось изучать дух той революционной эпохи, любить которую его не отучила и Америка. Мне кажется, что Бахчаняну все еще хотелось, чтобы мир был справедливым, а люди — честными. Ему нравился Маяковский, были неприятны буржуи, и сам он напоминал героев Платонова. Вагрич, конечно, не признавался, но я думаю, ему понравилось бы все взять и поделить.

Как чаще всего бывает, советская власть не признала в нем своего. Ей казалось, что он над ней глумится. Впрочем, все началось не с коммунистов, а с фашистов. Когда немцы вошли в Харьков, Вагричу было четыре. Офицер посадил смуглого мальчишку на танк. На шею ему повесили круг копченой колбасы. Бесценный в голодном городе подарок Вагрич обменял на цветные карандаши. Отцу Вагрича повезло меньше. В гестапо его покалечили, и он умер после войны, не дожив до пятидесяти. Вагрич пошел работать на завод, не закончив даже восьмого класса. Мы хотели ему купить на Брайтон-бич аттестат зрелости, но Вагрич заявил, что решил умереть недоучкой — «как Бродский».

В его сложных отношениях с революцией я убедился, когда мы сидели в кафе с ним и Эпштейном. Увлечшись беседой, я предложил игру в машину времени.

— Будь она у вас, в какое время вы бы отправились? — спросил я, признавшись, что сам выбираю между путешествием в Чаньянь династии Тан и Киото эпохи Хэйан.

— Глупости, — отрезал Вагрич, — конечно же, Петроград 1918 года, когда творил Малевич.

— И я — в 1918-й, — неожиданно согласился Эпштейн, чтобы увидеть, как этот кошмар начался.

Я, однако, не уверен, что Вагрич считал революцию кошмаром.

Вагрич Бахчанян

Для него она была зенитом искусства, которое решительно упразднило страшную реальность ради художественного вымысла.

Когда наши авангардисты устроили в одной нью-йоркской галерее потешную

казнь Малевича, Вагрич рассказывал об этом со слезами на глазах.

— Но это же, — влез я, — просто мешок с надписью «Малевич».

— Какая разница! — закричал Бахчанян.

Произведение искусства и его автор составляли одно целое, слипшееся немислимим для меня, но не для него образом. Мир Вагрича существовал лишь потому, что в нем было искусство, а ничего другого его в общем-то и не интересовало.

6. «Бахчаняна упрекали в формализме. Бахчанян оправдывался: — А что если я на содержании у художественной формы?!»

С. Довлатов,
«Записные книжки»

Широкий, хоть и негласный, успех бахчаняновских акций помешал разобраться в их сути. Его художество приняли за анекдот, тогда как оно было чистым экспериментом.

Анекдот начинается смехом, как граната шрапнелью. Взорвавшись, он теряет ставшую ненужной форму. У Вагрича только форма и важна. Юмор тут почти случайный, чуть ли не побочный продукт основного производства, цель которого — исчерпать все предоставленные художнику возможности, заняв не предназначенные для искусства вакантные места.

Собственно, этот прием опять возвращает Бахчаняна в его любимое время, ибо предлагает футуристскую стратегию. Так, Хлебников расширял русскую речь за счет неиспользуемых в ней грамматических форм. Переводя потенциальное в реальное, он не столько писал стихи, сколько столбил тер-

риторию, которой наша поэзия еще не умеет распорядиться. Вот так же и Вагрич заполнял пустые клеточки возможных, но неосуществленных жанров, создав целую библиотеку уникальных книг, по его выражению, «не для чтения».

Ветеран самиздата Кузьминский откуда-то узнал, что минимальный тираж, при котором книга получает право так называться, составляет восемь экземпляров. Изготавливая их вручную, богема создала целую библиотеку своих сочинений для узкого, мягко говоря, круга почитателей. Вагрич с азартом участвовал в этом кустарном предприятии. На память об этом у меня хранятся его крошечные брошюры. Одна называлась Stalin test и содержала разрисованные портреты вождя. «Роман-газета» состояла из нарезанной газеты «Новое русское слово». (На ней Вагрич оставил дарственную над-

пись — «Дорогому Генису от дешевого Бахчаняна».)

Большая часть этой самодельной продукции осталась неизданной, но та, что все-таки появилась на свет, удивит любого библиофила. Например, выпущенная Синяевскими в 1986 году трилогия «Ни дня без строчки», «Синьяк под глазом» и «Стихи разных лет». Первая содержит листы, исписанные одним предложением «Эта строчка написана...» — и дальше дата. Вторая упражняется в пуантализме и состоит из 18 страниц точек, которые завершает единственное слово в книге: «точка».

Последняя в этой трилогии — моя любимая. В ней собраны самые известные стихотворения русской поэзии — от крыловской басни до Маяковского. Все это издано под фамилией Бахчанян. Смысл тут в том, чтобы читатель вообразил автора, сумевшего в одиночку сочинить всю русскую поэзию.

Еще одна книга Вагрича — «Совершенно секретно» — вышла в очень твердом переплете, закрытом на амбарный замок. Этот том Бахчанян подарил мне на день рождения. Познакомиться с содержанием я смог только через год, когда получил в подарок ключ от замка.

7. «Колосится спелая ложь»

В. Бахчанян

Все, что делал Вагрич, остроумно, но далеко не все смешно. Вот, скажем, как выглядит «Приказ 33».

«Запретить: смотреть в будущее, варить стекло, пребывать в полном составе, рождаться, попадать под категорию, случайно встречаться, набрасываться на еду, бежать быстрее лани».

Эти поставленные задолго до Сорокина литературные опыты можно назвать семиотической абстракцией. Грамматические монстры будто имитируют машинный язык. Лишенные смысловой связи идиомы соединяются не смыслом, а повелительным наклонением приказа.

Ценность этих лабораторных образцов — в исследовании приема. В чистом виде они малопригодны для широкого употребления, зато в разбавленном оказываются весьма полезны. Разорвав привычные узы, отняв устойчивое сочетание у его контекста, Бахчанян распоряжается добычей с произволом завоевателя. Вот несколько отрывков из пьесы «Крылатые слова», в которой каждый из 104 действующих лиц произносит по одной реплике:

Чапаев. А Васька слушает да ест!

Наполеон. В Москву, в Москву,
в Москву!

Всадник без головы. Горе от ума.

Сизиф. Кто не работает, тот не ест.

Крупская. С милым рай в шалаше.

Павлик Морозов. Чти отца своего...

Эдип. ...и мать свою.

Иуда. Язык родных осин.

Лапидарность бахчаняновского остроумия делала его лучшим изобретателем названий для возможных — и невозможных — печатных органов: вестник психиатрического общества «С приветом», православный альманах «Прости господи», журнал абстракционистов «Тяп-ляп», наконец, газета русских гомосексуалов «Гей, славяне».

В основе бахчаняновского юмора лежат каламбуры, которыми Вагрич больше всего известен. Или — неизвестен, ибо они мгновенно растворяются в фольклорной стихии, теряя по пути автора,

Вагрич Бахчанян

как это произошло с эпохальным лозунгом «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

В этом жанре особенно долгоиграющими оказались его призывы с «Трофейной выставки достижений народного хозяйства СССР», которую мы когда-то устроили на развороте «Нового американца». Среди лозунгов были такие: «Бейлис умер, но дело его живет», «Бей баклуши — спасай

Россию», «Пусть крепнет дружба между нар... (не окончено)». Наконец — самый обидный: «Всеми правдами и неправдами жить не по лжи».

Его излюбленное оружие — ранить всех, кто попадал в поле зрения, включая посторонних, противников, союзников, коллег и друзей.

— Сергей Довлатов, — утверждал Бахчанян, — был нечеловеческого роста. —

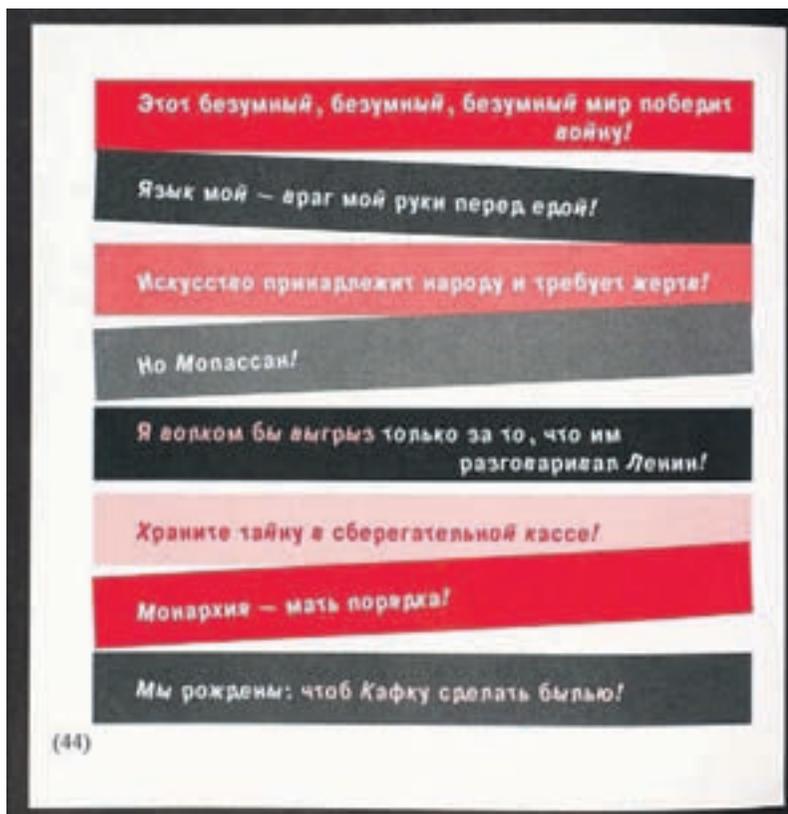
А Саша Соколов, — добавлял он, — закончил школу для дураков с золотой медалью.

Когда Вагрич попал в больницу, то мы поместили в журнале «Семь дней» объявление: «По просьбам читателей Бахчаняну удалили желчный пузырь». Шутка дурацкая, но тогда язвить было принято, и особенно доставалось тем, кого любили больше всех.

8. «Крестный ход, переходящий в крестовый поход»

В. Бахчанян

Каламбуры принято относить к низшему разряду юмора: две несвязанные мысли соединяются узлом случайного созвучия. Иногда это можно сказать о стихах. Тем более что у юмора много общего с поэзией. Смешное тоже нельзя пересказать, только процитировать.

— Если поэзия, — сказал Бродский, — одинаково близка троглодиту и профессору, то в этом виновата ее акустическая природа.

Каламбур, как рифма, говорит больше, чем намеревался (или надеялся) автор. В хаосе бездумного совпадения деформация обнаруживает незаметный невооруженному глазу порядок. Каламбур — счастливый брак случайности с необходи-

мостью. В нем так мало от нашего умысла, что следовало бы признать его высказыванием самого языка.

Этим каламбуры близки всё к тому же наивному искусству, которым Вагрич не уставал восхищаться. Заведомо лишённые претензии, произведения малограмотных самоучек отличает всепоглощающее внимание к объекту, безграничное, доходящее до самоликвидации автора доверие к способности мира высказаться и без нашей помощи.

Без устали вслушиваясь и вглядываясь в мир, Бахчанян выуживал из окружающего лишь то, что кажется в нем нелепым. Но правда ведь и не бывает логичной. Искажая действительность, мы часто углубляемся в нее.

Свидетельство тому — изобразительные каламбуры Бахчаняна, его бесчисленные коллажи. Они производят впечатление короткого замыкания, которое гасит свет чистого разума. В наступившей темноте на задворках

здорового смысла появляются иррациональные тени, ведущие свою, всегда смешную, но иногда и зловещую, игру.

Когда Вагрич приделал голову Маркса Добрыне Никитичу, она так подошла, что многие не сразу признали комментарий к русификации марксизма. Приклеив на обложке журнала Life усы к фотографии Светланы Аллилуевой, Вагрич устроил реинкарнацию в Америке Сталина, от которого он, впрочем, редко отходил далеко и надолго.

Манипулируя, например, двумя портретами, он

добился наглядной иллюстрации к популярному некогда тезису «Сталин — это Ленин сегодня». В год столетия Сталина Бахчанян предложил Комару и Меламиду объединить усилия и соорудить «игрушечный мавзолей» в Централ-парке.

— Душа моя, — возразил один из соратников-концептуалистов, — кого в Америке интересуют наши вожди?!

9. «Консервы «Язык без костей»

В. Бахчанян

Вагрич называл себя художником, который никогда не рисует. Его ответом на перепроизводство искусства была игра с готовыми образами. Из них он выколачивал смысл, который был столь неоспоримо нагляден, что не требовал пояснений, трактовки или подписи. С одной стороны, это делало Вагрича мастером обложек, с другой — именно поэтому многие боялись иметь с ним дело. В первую очередь — Довлатов, который обожал Бахчаняна, цитировал его в «Записных книжках», выпустил с ним и с Наумом Сагаловским книжку «Демарш энтузиастов», но принципиально отказывался использовать на своих обложках его коллажи, считая, что они сожрут книгу и отберут ее у автора.

Мы с Вайлем слишком восхищались Бахчаняном, чтобы не пользоваться его талантом в корыстных целях. При этом мы дразнили нерисующего художника тем, что сомневались в его способности изобразить лошадь. В конце концов она-таки появилась на обложке нашей «Родной речи», правда, с крыльями: Пегас, которого задиристые авторы ведут на плаху. Это было так смешно, что мы не жаловались.

Собственно, новые смыслы Бахчанян выколачивал из всего, что встречал и что плохо лежало. Сам язык становился новее и богаче от того, что Вагрич за него брался. Неологизмы Бахчаняна — волки в овечьей шкуре. Притворяясь старыми и безобидными знакомыми, они остраивают семантику, прячут новое и ставят подножку на каждом слого. Работая таким образом, Бахчанян составил собственный лексикон, который одним боком напоминает «Русский словарь языкового расширения» все того же Солженицына. Но если второй переводил язык в прошлое, то первый осваивал поэзию будущего, открывая невиданные значения в заурядных словах. Не меняя и буквы, Бахчанян творил стихи-лексемы, годные в употребление без дополнительной обработки.

Невидаль (туман).

Студень (зимний день).

Лесбос (зимний лес)

Бездна (старое ведро)

Масленица (кошачий праздник).

Везувий (рикша)

Пострел (снайпер)

Сорвиголова (гильотина)

Телохранитель (сторож морга).

Еще удивительнее выглядит животный мир, порожденный языком Бахчаняна. В его райском саду, как в знаменитой песне Хвостенко и Волохонского, встречаются «животные невиданной красоты», как то:

буйволк
хлебедь
камышь
пенопласточка
камбалалайка
какадуб
жаба-яга
иисуслик.

10. «Снобовязалка»

В. Бахчанян

Впервые встретив Бахчаняна, я не признал в нем соотечественника. Небольшой и ладный, он казался элегантным представителем неизвестной мне державы. Тем удивительней, что однажды его прямо на Бродвее выловили киношники и предложили сниматься в роли генерала КГБ, на которого он был категорически не похож.

Так или иначе, Вагрич отказался от роли и остался авангардным художником. Ему невозможно было навязать чужую роль, да и какую-либо роль вообще. Он все делал по-своему или никак. За что жена любовно звала его «карабахским ишаком», уверяя, что они отличаются исключительным упрямством.

Советами он пренебрегал, чужим мнением не интересовался, на своем стоял намертво.

Окончательно мы это выяснили, когда втянули его в издание еженедельника «Семь дней». Он сразу подмял журнал под себя. По-моему, это был единственный орган, который делался для художника. Мы печатали разворотами его плакаты, устраивали экспозицию пародийных лозунгов и каждую неделю писали словесные иллюстрации к его картинкам. Вагрич приносил смешной или абстрактный коллаж и требовал, чтобы к нему сочинили колонку.

— О чем? — робко спрашивали мы.

— Откуда я знаю, вы же писатели, — легкомысленно отвечал Бахчанян, оставляя нас мучиться.

Вагрич Бахчанян

Главное, что он был во всем прав. Прошло много лет. Давно скончался и журнал, и Вагрич, но по всему миру коллекционеры собирают его работы в «Семи днях». На персональной выставке Бахчаняна в музее Зиммерли, славящемся русским аван-

гардом, они заняли целый зал. На вернисаже там толпилась и хохотала густая толпа.

Как-то раз, зная об упрямстве Бахчаняна, я не без робости попытался втянуть его в доходный и престижный проект. Мне случилось познакомиться с одним чу-

даковатым издателем. Он выпускал только книги сверхъестественной роскоши, в том числе и на русском. Для того чтобы издать «Доктора Живаго», издатель приготовил особую бумагу, переработав на нее русские газеты революционного времени. Понятно, что стоили такие книги несусветных денег и позволяли оформителю хорошо заработать. Учитывая национальность художника, мы остановились на армянском цикле Мандельштама. Вагрич принялся за дело с энтузиазмом и на следующую встречу принес папку эскизов. Все они были выполнены в дерзкой манере. На одном листе ставилась чернильная клякса, которая промокалась вторым листом, чтобы получилось два идентичных рисунка, неизвестно что изображающих. Возможно — горные пики, но я был и в этом не уверен.

— Видишь ли, — пугливо забормотал я, — от тебя ждут сюрреалистической игры образами, вроде твоего же любимого Магритта: сопоставление несовместимого, которое высекает искры из знакомого, зажигает костер ассоциаций и представляет собой ассонансную рифму к стихам.

— Зря ждут, — хмыкнул Бахчанян, и о проекте пришлось забыть.

11. «Закопченная рыба»

В. Бахчанян

Можно подумать, что Бахчанян был самонадеянным монстром, поклонявшимся музам и пренебрегавшим всеми остальными. Трудно представить себе нечто более далекое от реальности. Говоря просто и уверенно — Вагрич был очень хорошим человеком.

Для художника, поэта или писателя это вовсе не обязательно. Мы (я уж точно) готовы им все прощать за то, что они нам дарят. Жизнь любого автора и без того так полна страха и сомнений, что он заслуживает снисходительности аудитории, не говоря уже о самой аудитории. Но Вагрич не нуждался в прощении. Дружить с ним было счастьем, и он легко им делился, даже по телефону. За это его все — все! — любили.

Я рад, что у меня хватало ума следить за каждым словом и делом Бахчаняна. Наши отношения опирались на мое безоговорочное восхищение. За треть века у нас выработались радостные ритуалы дружбы. Повторяясь и углубляясь, они следовали распорядку жизни и служили вехами.

Дружба развивалась по трем направлениям. Одно подразумевало встречу с искусством, и я беззастенчиво и с азартом пользовался Бахчаняном как персональным гуру.

Вагрич жил возле музея «Метрополитен», который он называл «своим Зимним дворцом», в отличие от «Летнего дворца» — Централ-парка.

Я часто приезжал к нему с утра, и мы целый день гуляли по залам без всякого порядка, ибо все искусство для него было интимно близким — как будто его создавали любимые родичи. Так, в сущности, и было. Среди картин он чувствовал себя своим, а меня — посторонним.

— Живопись, — сурово судил он, — существует для художников.

— Ничего подобного, — задирался я, — это художники существуют для меня, что бы они делали без зрителей?!

На самом деле я признавал его правоту и жадно внимал, надеясь увидеть то, чего не умел сам разглядеть.

Интересно, что Бахчанян, любя Маяковского, никого не сбрасывал с парохода и ко всем мастерам относился с нежностью.

— Видишь ли, — бегло и деловито замечал он, когда мы останавливались возле Рафаэля, — это рисовал ангел.

— Смотри, — поучал он меня, стоя у Веласкеса, — как искусно и быстро написан черный костюм — аж холст видать.

Добравшись до Куинджи, чей пейзаж вместе с одной картиной Репина исчерпывает русскую живопись в коллекции, Вагрич рассказал, что Куинджи сделал протез попавшей под поезд корове.

В отделе древнего искусства мы искали исторических предков и мерились носами на бюстах царей, он — с персидскими, я — с семитскими.

На природе нам с Вагричем было не хуже. Мы все делали вместе: жарили шашлыки на пикниках, собирали грибы, из которых он признавал только лисички, а главное — ловили рыбу. Virtuoz и этого дела, Вагрич обходился даже без удочки, пользуясь намотанной на палец леской с крючком. По-звериному чуткий к окружающему, он сторожил малейшее движение и вытаскивал форель там, где мы обходились сорной мелочью. Что говорить, если только Бахчанян умел ловить непуганых жирных окуней в резервуаре Центрального парка.

Но лучшим в нашем общем досуге было, разумеется, застолье, на котором Вагрич царил незаметным королем. Он не восхищал всех байками, как Довлатов, не пускался в рассуждения, как я, а терпеливо сторожил подходящий момент и увековечивал его остротой.

Чтобы ничего не упустить, я звал его на пельмени. Лепить их — командный вид спорта и коллективное развлечение, которое Вагрич расцвечивал незабываемым присутствием, и мне хотелось, чтобы пельмени никогда не кончались.

12. «У моих часов кончился песок»

В. Бахчанян

В Нью-Йорк Вагрич уехал из-за квартирного вопроса. Его донимали не столько коммунистические, сколько коммунальные порядки: жить было негде. В Нью-Йорке с этим оказалось проще. Но только с этим. Для Америки Бахчанян был слишком самобытным и независимым. Сочетание, малоприспособленное для большого успеха. Даже когда в моду вошел соцарт, Вагричу, который раньше других распознал возможности этого течения, не хватило монументальности Комара и Меламиды.

Америка тут, конечно, не при чем. От нас она ждет примерно того, что о нас уже знает, — плюс-минус 15 процентов. Бахчанян не попадал в эту, как и в любую другую, квоту. Он был органически не способен к компромиссу между своими возможностями и чужим вкусом.

Наверное, поэтому эмиграция изменила Вагрича меньше всех моих знакомых. В Нью-Йорк он уже приехал законченным экспонатом «Музея Бахчаняна».

Заболев сердцем, Вагрич перенес тяжелейшую операцию, о чем я теперь могу судить по собственному опыту. («Операция на сердце производится в присутствии пациента».) С того света он возвращался медленно и неохотно. Его по-прежнему волновало только искусство, но, когда он пропустил выставку Кандинского в музее Гуггенхайма, стало ясно, что дело плохо.

Вагрич ушел — на своих условиях, приспособив отрезанный провод от пылесоса. Я читал оставленную им предсмертную записку, но цитировать ее не в силах. На поминках в «Самоваре», однако, стоял такой хохот, что смех заглушил цыганский оркестр, гулявший на первом этаже. Вагрича провожали его шутки, и в этом было что-то от архаической карнавальная мистерии, которая так с ним вязалась.

Собственно, похороны свершились за океаном, но дома. Жена, которую у меня до сих пор не поворачивается язык назвать вдовой, рассыпала прах высоко в горах Армении, где Вагрич никогда не бывал, но о которой всегда помнил.

— Я, — говорил он, — на 150 процентов армянин: у меня даже мачеха — армянка.

Александр Генис,
Нью-Йорк

Из чего состоит «российский человек»

«МНЕ НОЖ ПО СЕРДЦУ
ТАМ, ГДЕ ХОРОШО,
Я ДОМА ТАМ, ГДЕ ХЕРОВО»

Б.Г.*
«Последний поворот»

Роман

Шамолин

Давать характеристику сегодняшнему состоянию умов и душ российских людей — занятие, не располагающее к особенно-му оптимизму. Подойдет такое занятие, скорее всего, для тех, кому нравится психологическое портретирование в стиле Достоевского: «Слаб человек и порочен, и не знает он, что со своей свободой делать, — да и во благо ли ему свобода?» Антрополог Роман Шамолин исследует некоторые психологические и лексические особенности идеи «российского человека».

Что за настроение можно чаще всего среди российских людей встретить — на фоне того, что власти страны с треском захлопнули окно в Европу, а каждое публично сказанное слово вывернется теперь на лояльность этим властям? Настроение безразличия. Как будто и не происходит ничего такого, что не вписывается в порядок вещей. Ни возражений, ни сомнений, ни вопросов. Все в норме. Как будто не субъекты и не граждане обитают в стране, а, по известному выражению покойного Глеба Павловского, — некие «населенцы». Что подобно призракам бродят по заколдованному порочному кругу. Ни во что не вмешиваясь, ничего не замечая.

Но стоит ли утверждать, что, когда говорим «российский человек», — это в целом и есть такой вот безразличный и покорный начальству «населенец»? Что вообще значит «российский человек» — помимо известной паспортной принадлежности?

* * *

«Российский человек» — это, безусловно, образ собирательный, в чистом виде

не встречающийся. Идея или же «мифологема», — как сказали бы представители символического анализа. Но что сильнее всего правит людьми, задает им паттерны и гипнотические установки, как не идеи и мифологема? Что есть так называемая «объективная реальность», как не рекламный набор идей и образов, заброшенный в поток материальных ощущений и языковых особенностей? И если изучать содержимое этих идей и образов, то в некоторой мере хорошо бы использовать и тот языковой символизм, через который они воплощаются. Пусть даже это будет далеко не философский, не академический символизм.

«Российский человек» имеет два базовых онтологических состояния сознания и психики: когда «нормально» и когда «херово». В первом случае он не представляет собой ничего интересного и является довольно поверхностным, мелкопроизводительным и материалистическим существом — вне зависимости называет ли он себя человеком «верующим» и «воцерковленным», или нет. Существует весьма меткое определение «нормального российского человека», высказанное известным куратором «русского мира» г-ном Сурковым. В оригинале оно выражено в лексике ненормативной, а потому здесь мы приведем его с использованием цензурных аналогов. По данному определению, «российский человек» в своем «нормальном» состоянии характеризуется тем, что «усиленно работает» и «не говорит лишнего». Когда же приходит трудный час, поднимается, чтобы сокрушить всех врагов, — а после полной победы опять «усиленно работает» и «не говорит лишнего».

* * *

«Нормальное» повседневное российское бытие неплохо отразилось в работах недавно прошедшего конкурса региональных журналистов. Из самых разных мест приходили описания жизни страны и ее людей. Около сорока текстов и видеосюжетов. Общее впечатление от представленной картины: монотонно, без надежды, без искры. Замкнутый круг повторений, конвейер. Как будто жизнь дана для того, чтоб ее как-нибудь перетерпеть. Потребность любить и сочувствовать еще не оставила некоторых из этих людей — и тогда они помогают друг другу. Или животным. Животным чаще, чем друг другу. Больная брошенная собака с несчастными глазами воплощает образ их собственного существования. И нет для них образа более близкого и понятного. Абсолютное здесь и сейчас, без будущего, без мыслей о переменах. А над всем этим тянется, как черная линия электропередач

над пустой дорогой, — холодное и пугающее Государство.

* * *

По недоразумению или же по специальному умыслу кураторов «нормальное» состояние российских людей отождествлено с понятием «глубинного народа», что является совершенно не соответствующим семантической сути понятия «глубины». Ибо это понятие указывает на наличие некоего онтологически сущностного измерения и содержания, тогда как в своем «нормальном» состоянии российский человек онтологически пуст и лишен вообще каких бы то ни было измерений. Он способен заполняться практически любым содержанием, если оно будет исходить от авторитетных и гипнотически убедительных кураторов. Что, разумеется, только на руку последним. Потому они так старательно и убеждают российского человека, что «нормальное» состояние и есть его «глубинное» и «сущностное».

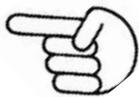
Впрочем, можно допустить, что настоящему «глубинное» и «сущностное» начинает проявляться лишь тогда, когда «нормальному» российскому человеку становится «херово». Причем «херово» должно быть не ситуативным и кратковременным, а осознанно безнадежным и тотально бессрочным. Возможно ли, что весь уникальный творческий, моральный и политический потенциал российского человека раскрывается исключительно в «херовом» состоянии?

* * *

Не стоит оптимистично полагать, что переход в «херовый» режим по умолчанию и гарантированно запускает процесс пробуждения из бессубъектной «нормальности». Ибо «нормальность» обладает очень высокой степенью самосохранения и весьма успешно сопротивляется переменам. В связи с этим люди творческие, морально и политически активные люди, так часто испытывают сильные разочарования. Они ожидают, что очевидные невзгоды и ухудшения дел, выпадающие «народным массам» как главным носителям «нормальности», — вот-вот и дадут революционный эффект. Однако этого все же не происходит.

Дело в том, что на «жестком диске» российской «нормальности» есть своего рода программа безопасности, что работает на предотвращение какого бы то ни было рода революционных сдвигов сознания.

Из чего состоит «российский человек»

Эта программа почти автоматически включается при переходе индивида, социальной группы или даже всего общества в «херовый режим». В российском лексическом дискурсе программа имеет понятное и устойчивое определение: «похер». Действует примерно так: да, нет сомнений, что «херово», но — «похер», а потому в итоге — «нормально».

Сложно сказать, с чем именно связана устойчивая позиция феномена «похер». Философ Николай Бердяев предполагал, что здесь наличествует естественная связь с природным фактором, с «бескрайностью русской равнины», в протяженности которой без следа и без сожаления теряется всякий объект. Современные психологи, например, Литвинова и Гронский, утверждают, что причина в репрессивном характере российского государства, под многовековой властью которого вырабатывалось передаваемое посредством социально-культурного кода чувство полной беспомощности, замещаемое на более комфортное чувство полного безразличия.

Так или иначе, но программа «похер» срабатывает всякий раз, когда старая, еще византийской выделки картина российского мира начинает давать трещины и сыпаться. И срабатывает так эффектно, что, потрескавшись и посыпавшись, эта картина возвращается тем не менее на свое прежнее место. Кураторы реставрируют и драпируют поврежденные места на свой привычный византийский манер, а ожидавшиеся перемены повисают несбывшимися утопиями. Можно ли говорить, что российский человек доволен таким уже столько веков повторяющимся исходом? Ни да, ни нет. Ему «похер».

Но в общем-то российский человек вполне удовлетворен своим безразличием. В каком-то смысле даже гордится им. Некоторые даже усматривают в нем своего рода стоицизм, «духовную стабильность». Как из романа «Generation „П“» в известном рекламном слогане:

«Лефортовский кондитерский комбинат: спокойный среди бурь». Да, исчезают надежды, начинаются войны, запрещаются имена и книги, приходят в запустение города, но — «похер». Разве нет в этом некоего величественного потустороннего покоя — покоя смерти?

* * *

Как мы говорили, «российский человек» — это образ собирательный, то есть «собранный» из коллективного социального бытия. Упомянутые свойства его так же относятся к измерению коллективному. И вполне очевидно, что эти свойства обращают российское коллективное бытие к повторению все одного и того же сценария, к нормализации известного круговорота. А пишет этот сценарий как будто одна и та же рука — рука российской власти, желающей стать абсолютно неуязвимой и необсуждаемой. Нет даже особой разницы, когда она его пишет, — в XV или же в XXI веке. Текст, по сути, один и тот же.

Но если бы было только это, российская история представляла собой некий исключительный гротеск, неподвижное темное царство, воплощенную антиутопию. А российский социум был бы тогда эталоном закрытой иерархической диктатуры, где господа и слуги всегда занимают одни и те же свои места. Иногда так действительно и кажется. И даже весьма просвещенные умы, наподобие Чаадаева, — не видят просвета.

Но если бы только это — невозможными оказались бы те проявления антисистемного искусства, свободной мысли и мужественной протестной этики, которые в российской истории весьма и весьма хорошо представлены. Невозможным бы оказался тогда и сам Чаадаев. И российский социум не выплескивал бы из себя десятки, а порой и сотни тысяч неуживчивых граждан, выходящих на улицы, а в последнее время и на кладбища, — готовых скорее рискнуть своей безопасностью и здоровьем, чем молчаливо терпеть известный сценарий и его кураторов.

В общем, все эти состояния души и ума: «нормально», «херово», «похер», — ими далеко еще не исчерпывается тот исторический феномен, который зовется «российским бытием». Вероятно, что эти состояния по самой природе своей больше относятся к «не-бытию», чем к «бытию». Поверхностные, внутренне пустые состояния. А значит, следует поискать в «российском человеке» нечто более субстанциональное. По-настоящему «глубинное».

* * *

Есть расхожее мнение, что исторические перемены начинаются там, где большая часть общества («низы») оказывается в социально-экономической деструкции, а те, кто управляет обществом («верхи»), — не могут или не желают эту деструкцию объективно устранить. Тогда и срабатывает знаменитый ленинский тезис: «Низы не хотят, верхи не могут». Согласно данному тезису, активную энергию для перемен выдают «низы» — вернее, их недовольство и нежелание оставаться в рамках известного сценария. Кажется, все логично. На подобной логике и сейчас выстраиваются многие прогнозы будущего и ожидания от настоящего.

Например, воспринимается как нечто естественное, что при столкновении с очевидной тиранией власти угнетенные народные массы должны подниматься на освободительное восстание. А если восстания не происходит, это вызывает недоумение, разочарование. Тогда говорят: «Что же это за народ?» — а потом добавляю: «Видимо, еще не время...» Но остаются в прежней логике и продолжают находиться в ожидающем внимании.

Однако даже при поверхностном взгляде на историческую реальность возникает весьма немало поводов усомниться в приведенной логике.

* * *

Во-первых, между недовольством «низов» и их готовностью к историческим переменам — целая пропасть. Недовольство

само по себе еще не порождает протестную волю. Чаще всего оно переходит в некий фоновый режим, размывается и делается привычным депрессивным настроением народных масс — высказываясь, например, в безысходных и протяжных русских народных песнях.

К тому же от управляющих «верхов» постоянно транслируются того или иного рода «конспирологические концепции», призванные объяснить и легитимировать плачевное положение «низов». Это может быть «метафизическая конспирология», когда страдание напрямую связывается с тем, как устроили этот мир «высшие силы», — плата за «первородный грех» или за какое-то еще несовершенство человеческой природы. Это может быть и «политическая конспирология», когда источником «народных бедствий» указываются инородцы, иноверцы или же какая-то внутренняя предательская «пятая колонна».

Очевидно, что вера в «конспирологический» вариант не требует от человека из «народных масс» никаких усилий. Поэтому она практически всеобща. Единственно, чего она требует, — отбрасывать и подавлять случайно возникающие сомнения. Но с учетом не прерывающегося и гипнотически-эффектного воздействия от «верхов» сомнения возникают крайне редко. История знает множество народов, где, несмотря на явно депрессивный образ жизни большинства, воля к переменам не возникала долгими столетиями.

И, во-вторых. Если даже «конспирологическая машина» «верхов» дает сбой и «низовое» недовольство доходит до самой последней черты отчаяния — исторические перемены не произойдут, если «народные массы» не увидят перед собой новые, альтернативные «верхи», которые будут готовы возглавить страдающее большинство и дать ему новую картину мироустройства. При этом и старым, и новым «верхам» всегда следует помнить: ничто так не отвлекает «низы» от их униженного положения и недовольства, как обещание небывалого прежде величия. А если у «низов» возникнет и укрепится мысль, что такое обещание уже исполняется, а внушение о том, что они «встали с колен», действительно завладеет их душами, — в этом случае все исторические перемены окажутся в распоряжении того, кто является самым успешным мастером обещаний и внушений. Но вот вопрос: будут ли такие перемены действительно историческими, открывающими нечто, ранее закрытое? Или же поменяются лишь некоторые риторические приемы легальных спикеров и униформа государевых слуг, а в целом весь общественный

организм продолжит свое движение по известному кругу?

Как говорил Астольф де Кюстин, французский писатель и путешественник, посетивший Российскую империю в 1839 году:

«...Коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности»

*(Астольф де Кюстин
«Россия в 1839 году»)*

* * *

Если мы хотим говорить о настоящих исторических переменах, а не только об исторических играх с переодеванием, — то, возможно, не стоит слишком сосредотачиваться на таких извечных дихотомиях, как «низы» и «верхи». Или таких, как «народ» и «власть». Подобные дихотомии столь многократно зарекомендовали себя в качестве взаимно компенсирующих и находятся в столь плотном диалектическом слиянии, что уже давно сделались неким единым «существом». А главная цель такого «существа», невзирая на всю декларативную многополярность, — воспроизводить самого себя в узнаваемом виде. Синергия «народных масс» и их властей, поставленная на исторический конвейер.

Но есть вещи куда более интересные. Вещи, которые не попадают на конвейер и, оставаясь свободными, пытаются размыкать круги социально-культурной энтропии. Эти вещи, а вернее, определенные свойства души и ума — и лежат в основе того, что мы хотим понимать под «настоящими переменами».

* * *

Наверное, первый российский человек, который панорамно увидел внутреннее устройство отечественного бытия и испытал от увиденного сильнейшее этическое потрясение, — это Александр Радищев.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала»
(Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»)

«Уязвленность», о которой он говорит, — нечто сродни болезненной и сильной эмпатии, ощущению глубокой неправды «народной жизни». Униженный, не привычный к размышлению и безгласно страдающий человек находится в эпицентре такого ощущения. «Уязвленность» является не только от взгляда на поголовное социально-политическое и экономическое бесправие. Скорее от того, как разворачивается внутренняя природа людей, к бесправию приобщившихся.

«Сродно рабам желать всех зрети в оковах. Одинаковая участь облегчает их

жребий, а превосходство чье-либо тягчит их разум и дух.»

Сродно хилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию»

(Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»)

Такого рода «уязвленность» рождает этический протест, обращенный не только к властвующим «верхам», но и к покорным «низам». Причем согласие с «рабством», внутренняя покорность ему есть, возможно, проблема куда более тяжелая и темная, чем само «рабство». Потому российская интеллигенция, которая, по сути, и началась с Александра Радищева, никогда не ставила себе целью обретение власти над «народом», но всегда — исправление «народа» как отлучение его от избытка покорности властям. Впрочем, довольно скоро интеллигенция столкнулась с тем парадоксом, что сколько-нибудь эффективное отлучение людей от покорности возможно лишь через прямую и авторитетную над ними власть. Революция «сверху», а не «снизу». Кажется, это интуитивно поняли еще декабристы, а воплотили в жизнь император Александр II и генеральный секретарь Михаил Горбачев.

«Уязвленность» — это не про сочувствие «низам» в их несчастьях, но — про сочувствие самой «идее человека», которая деградирует и стирается как в «низах», так и в «верхах». А «идея человека», как она явилась в российском мире, — это, несомненно, христианство. Могла бы явиться и иначе — через платонизм или стоицизм, — но это если при иной исторической судьбе.

Так понимаемая уязвленность и по сей день самая живая внутренняя сила для российской исторической эволюции. Возможно, единственная живая сила. Не дающая примириться с тем, что «идею человека» почти не встретить среди «народных масс». Те, кто с этой силой сейчас живет, — «уязвленные люди», их все же весьма немало. Они сейчас плохо ладят и с «низам», и с «верхам». Им запрещено собираться вместе в большом количестве. Но они еще могут собираться на кладбищах и возле камней-монументов. Там они узнают друг друга и понимают, что российское кладбище — это не конец ожиданий. А совсем напротив.

Собственно, «уязвленный человек» — это и есть по-настоящему «глубинный» российский человек. Лишь через него и может состояться иной сценарий российской истории.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

AP

С БОТИНКОМ
ПРОТИВ
КОЛОНИАЛИЗМА

Как Никита Хрущев доводил до белого каления Мао Цзэдуна, за что требовал извинений от Эйзенхауэра и как полет Пауэрса помешал разрядке напряженности с Америкой, рассказывает

российский и американский профессор-международник, политолог **Нина ХРУЩЕВА**, написавшая биографию своего легендарного прадеда «Никита Хрущев: вождь вне системы». Печатаем очередную главу из подготовленной к печати книги (предыдущую публикацию см. в «Горби» № 9).

**Нина
Хрущева**

Китайский калейдоскоп

Не успев отойти от эйфории своего заморского триумфа, 29 сентября 1959 года первый секретарь уже летел в Пекин на торжества по случаю десятой годовщины создания КНР. Отношения с китайцами были в упадке. В июне Москва в одностороннем порядке расторгла соглашение 1957 года о технической помощи их ядерной программе, проект 596. Мао претили американские поклоны Хрущева, сердило и его решение соблюдать нейтралитет в их пограничном конфликте с Индией. Никита Сергеевич, побывавший в Индии в 1955 году и собиравшийся туда в следующем, с удовольствием строил отношения с ее премьер-министром Джавахарлалом Неру, невзирая на протесты Пекина.

Поладив с Эйзенхауэром, Хрущев надеялся, что и с Мао сумеет найти общий язык. Но когда он поднял вопрос об американских заключенных в Китае, как и обещал Белому дому, обстановка еще больше накалилась. Потом он подлил масла в огонь, сказав, что, если Америка может согласиться с идеей двух Германий, пусть будет и два Китая — КНР и Тайвань. Мао просто белел от гнева, но Хрущев будто бы не замечал презрения. Он напомнил китайцам, что в 1920-х Ленин вынужден был пойти на огромные дипломатические уступки — согласился отдать Турции армянский город Карс, не возражал против «отделения стран Балтии» — лишь бы получить международное признание СССР. Никита Сергеевич

Gamma-Keystone

Хрущев и Мао

критиковал войну с Индией, о которой его не поставили в известность; он осуждал репрессии в Тибете и преследования Далай-ламы. Китайцы в ответ опять требовали ядерного оружия и снова возмущались разоблачением Сталина без консультаций с другими коммунистами. Они сравнивали «подрывную» роль Далай-ламы в Тибете с ролью председателя Временного правительства Александра Керенского в 1917 году и уравнивали Великую Отечественную войну со своей войной против Индии.

Хрущев не сдержался: «Тибетские события — это вина китайских коммунистов, а не Неру». Обвинение Индии в разжигании там беспорядков так же не верно, как обвинение США в венгерских событиях 1956 года: «Мы поддержали этого дурака Ракоши, это была наша ошибка, не США». Такое редкое признание провала кремлевской стратегии могло быть сделано только вдали от других кремлевских ушей.

Сначала казалось, что твердость Хрущева принесла плоды. После окончания

переговоров 4 октября стороны начали работать над общей партийной линией. Мао даже поблагодарил первого секретаря за исторический урок: Советский Союз ждал 22 года, чтобы «вернуть» страны Балтии, и возврат Тайваня тоже будет долгосрочной проблемой.

15 октября Хрущев сообщил президиуму, что отношения налаживаются. Но уже в декабре Мао созвал совещание для оценки визита Хрущева: «советская партия и народ» перестали понимать марксизм-ленинизм; они «обмануты империализмом», но пока Хрущев не стал «полным ревизионистом», его ошибки можно исправить. Реакция советского лидера была, как обычно, красочной: на встрече стран Варшавского договора он с пренебрежением сравнил Мао Цзэдуна с «парой изношенных калош».

С БОТИНКОМ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

**Потепление
холодной войны:
ракетное
превосходство
и парижская
пропаганда**

Подготовка встречи четырех держав наткнулась на дипломатические трудности, но Хрущев не терял оптимизма. В декабре 1959 года он призвал к очередному сокращению вооружений — за два года еще на треть: если мы «будем совершенствовать количественно и качественно атомное оружие, которое всегда будет наготове, чтобы одним залпом расправиться со своим противником, то зачем нам нужна такая большая армия?».

Уже несколько лет на Байконуре (Тюратам в Казахстане) на старте стояли Р-5, способные летать на 4000 километров. А в декабре 1959-го в Плесецке на восточное побережье США нацелился первый межконтинентальный баллистический ракетный комплекс Р-7. Такие ракетные войска получили статус особого вида вооруженных сил — палочка-выручалочка для запугивания, а не наступления. 15 января 1960 года Хрущев уверенно объявил Верховному Совету о снижении необходимости регулярных войск и их сокращении с полутора миллионов до нескольких сотен тысяч к 1962 году.

Немногие генералы радовались армейским сокращениям. Даже послушный министр обороны Малиновский пытался их скорректировать, отмечая, что в современной войне для победы надо использовать все виды вооруженных сил. Военные считали, что, урезая действующую армию, Хрущев практически обезоруживает СССР. Он же ставил на политический, а не военный довод ракетно-ядерного оружия — «ядерный щит» как форму отпора. Ведь настоящая война была бы концом и для побежденных, и для победивших.

По мнению прадедушки, международные отношения нужно было поддерживать разными способами: не только мужчинами во власти, но и их женами и семьями. В те годы жена Тито Йованка отдыхала с другими партийными женами в Крыму и приглашала Раду на острова Бриони или пожить в своих дворцах в Белграде. Сам маршал не раз наведы-

вался в гости, особенно когда отношения с Китаем шли на спад. Французские коммунисты Морис Торез и Жаннетт Вермерш приезжали на лечение и навещали с сыновьями Нину Петровну, а жена Ульбрихта Лотта, веселая, молодая и прекрасно знающая русский язык, дружила с Юлей-большой.

23 марта 1960 года Никита Сергеевич с членами семьи отправился в Париж

США, заставив Хрущева поверить, что, несмотря на свою «классовую принадлежность», президент Франции больше симпатизирует Москве, чем Вашингтону.

«Двух Германий недостаточно; мы всегда отдавали предпочтение большему количеству независимых Германий», — шутил французский генерал. Де Голль действительно считал, что поддержание двух союзов, с СССР и США, это лучший

Getty Images

Хрущев и де Голль

с официальным визитом. С президентом де Голлем он обсуждал прогресс по Берлину и дальнейшие шаги к мирному сосуществованию. Тот знал, как обращаться со своим гостем, — называл его «мон ами», заверял, что Франция никогда не будет сражаться с Советским Союзом на стороне Германии, и вообще утверждал, что хочет освободиться от опеки

способ держать немцев под контролем. Дружба казалась настолько достижимой, что французы, которые тоже хотели славы «приручения русского медведя», выпустили собственную пропаганду о прорывах в отношениях — пластинку о визите Хрущева.

Мадам де Голль была расположена менее дружелюбно. Хрущевы жили

Визит советской делегации во Францию в 1960 году

LIFE

в Елисейском дворце президента, и она каждое утро собственноручно чуть ли не святой водой кропила коридоры и комнаты в их крыле. Ее католическая вера страдала от того, что советские атеисты разгуливают по этой обители набожных французских правителей. Прабабушка говорила: «Все это время я так сладко и любезно улыбалась, чтобы задобрить негостеприимную хозяйку, что у меня к концу визита болели щеки».

Пока советский премьер вел переговоры с французским президентом, Нина Петровна, Рада, Лена и Юлия-большая посетили выставку искусства в Лувре, где жене первого секретаря вручили специально оформленные для нее альбомы импрессионистов (они сразу перешли к маме Юле — Юле-маленькой, — художественный вкус которой из всех Хрущевых был наименее склонен к соцреализму). Побывали они на уроках в лицее имени Клода Моне. После показа мод в фешенебельной Галерее Лафайет на бульваре Осман прабабушке подарили чайный набор из недавно изобретенного «посудомоечного» лиможского фарфора. Этот сервис «Дружба народов» представлял женщин из Англии, Китая, России и Индии. Нина Петровна, как обычно, собиралась сдать подарки в Гохран, Государственное хранилище ценностей, но ей сказали, что этот «второсортный» Лимож для посудомоечных машин не

имеет ценности для СССР, так как «у нас эти машины отсутствуют». Теперь этот сервис у меня, чему я бесконечно рада.

От этой поездки остались фотографии, на которых Нина Петровна одета в маленькие «буржуазные» шляпки, невероятная редкость в ее гардеробе. Тетя Лена над ней подсмеивалась, цитируя Фаину Раневскую из фильма «Весна», — «красота — это страшная сила».

Они всей семьей ездили по соседним с Парижем городкам. Никита Сергеевич осматривал сельское хозяйство, а мадам Хрущева встречалась с жителями на центральных площадях — держала на руках младенцев, слушала житейские истории, даже отвечала на своем элементарном французском. И пока советские газеты писали о ее муже — первых леди у нас тогда не было, — французские описывали обаятельную «красную мадам Нину», с которой хотели встретиться сотни детей, жен и матерей. Как и в Америке, визит прошел с успехом, и все было готово к назначенной на май высокой встрече.

Несвоевременный U-2

Несмотря на международные прорывы, споры о дальнейшем сокращении воо-

ружений не утихали. Еще в 1955 году, когда адмирал Николай Кузнецов пришел к Хрущеву с грандиозным планом перевооружения флота и строительства авианосцев, того интересовало, насколько «наши корабли» будут мощнее американских. Адмирал честно ответил: не будут. Его планы свели на нет, а самого отправили в отставку. Но усилия по усилению армии и оружия продолжались.

На заседании президиума 7 апреля 1960 года коллеги Хрущева напомнили ему о его собственных взглядах перед прошлогодним визитом в США: Вашингтон реагирует только на угрозы применения силы.

Через несколько дней на совещании по ракетной технике Андрей Туполев и Дмитрий Устинов, отвечавший в президиуме за военные и промышленные вопросы, предложили строить стратегические бомбардировщики. Из-за многолетнего «баллистического блефа» Хрущева весь мир уже думал, что их у СССР навалом; теперь пора пропаганду воплотить в жизнь. Но первому секретарю нужна была только пропаганда ракет, а не их производство, и он обвинил своих ракетных советников в «гигантомании».

«Хрущев, по-видимому, хотел в какой-то мере ограничить спектр военно-технических усилий и капиталовложений, сконцентрировавшись на наиболее эффективных направлениях. В этом, как и в других своих начинаниях, он, как я думаю, встречал со стороны определенных бюрократических кругов глухое сопротивление, почти саботаж», — писал Андрей Сахаров.

С БОТИНКОМ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Действительно, верховный главнокомандующий Варшавского договора маршал Конев ни в какую не соглашался на сокращение армии, за что был переведен на другую менее важную должность. Возражал и Ворошилов, которого быстро отправили в отставку. Он остался членом президиума, но его пост — Председателя Президиума Верховного Совета СССР — занял Брежнев. Политика сокращения войск привела к волнениям среди военных, за которыми последовали генеральские увольнения, а в мае 1960 года Брежнев, Сулова и других отправили «подавлять» ропот в армии.

После потепления 1959-го Белый дом временно прекратил разведывательные полеты U-2, программу, которую США в любом случае отрицали, несмотря на многократные протесты Кремля. Москва технически не могла сбить шпионские самолеты над своей территорией, но Хрущев в отставании признаваться не хотел, поэтому этот вопрос в Вашингтоне не поднимал. Эйзенхауэр же решил, что ему все равно, и 9 апреля 1960 года разрешил возобновить полеты. Как раз, когда Хрущев боролся с противниками сокращения войск, а до парижской встречи оставалось меньше месяца.

Никита Сергеевич не сомневался, что инициатором возврата U-2 был шеф ЦРУ Аллен Даллес, саботирующий саммит в Париже по секрету от президента. Не мог же «френд Эйзенхауэр» так его предать! Получалось, что Мао и критики в президиуме были правы. Когда по несчастливой случайности 1 мая 1960 года советскому истребителю удалось сбить американский самолет над Уралом и взять в плен пилота Гэри Пауэрса, гнев первого секретаря не было предела: «Представьте, если бы советский самолет появился над Нью-Йорком, Чикаго или Детройтом. <...> Как бы США отреагировали? <...> Что это было? Первомайское приветствие?»

МО РФ

Сбитый американский самолет-разведчик

Хрущев столкнулся с дилеммой. Долго скрывать происшедшее он не мог, чтобы не выглядеть слабаком в глазах собственных военных. А если использовать инцидент как пропаганду для атаки на американцев, то под угрозой окажется их встреча, к которой он так долго готовился. Несколько дней он молчал, и все, кажется, шло по плану: продвигались переговоры с США о запрещении ядерных испытаний, обещая завершиться договором как раз к парижскому саммиту.

Выступая перед Верховным Советом 5 мая, Хрущев звучал даже примирительно. Махинации «ястребов» в администрации Эйзенхауэра устроили разведывательный полет, чтобы его дискредитировать. Возможно, он хочет извиниться, предположил премьер. Вместо этого из Вашингтона шли противоречивые заявления. Например, 7 мая оказалось, что пилот собирал погодные данные и просто заблудился в облаках.

Американский президент молчал не только потому, что не хотел давать побла-

жек Советам. По рассказу бывшего разведывательного пилота, а сегодня известного американского художника Джеймса Торрела, в случае плена у летчиков был приказ проглотить пилюлю с ядом, объяснял он мне. Смерть авиатора позволила бы США приписать ему любой род деятельности. Эйзенхауэр был потрясен, когда Хрущев представил доказательства американского шпионства: не только самолет, но и живого пилота. Пауэрс, как и Торрел, был квакером, и самоубийство их вероисповеданием строго запрещалось, о чем в Белом доме не знали.

Устав ждать извинений, 11 мая Никита Сергеевич приехал в Парк культуры на Крымском Валу, где для демонстрации американского двуличия были выставлены обломки сбитого самолета. Первый секретарь заявил, что визит Эйзенхауэра отменяется из-за лицемерия Запада. Послу США Томпсону он пожаловался: «История с U-2 поставила меня в ужасное положение». Все же надеясь урегулировать конфликт, он решил не отменять

парижскую встречу и лично потребовать извинений от Белого дома.

В Париж прибыли на впечатляющем четырехмоторном лайнере Ил-18. Комплекс технической неполноценности, которую советская делегация испытала в Женеве пять лет назад из-за своей скромной двухмоторки, остался в прошлом. Хрущев сразу сообщил де Голлю и Макмиллану, что участие СССР будет зависеть от поведения американцев.

Перед началом саммита 16 мая во время приветствия руководителей государств Эйзенхауэр направился было к Хрущеву, но тот окатил его таким холодом, что американский президент застыл на месте. Они даже не пожали друг другу руки. Де Голль открыл заседание, но Хрущев его прервал, согласившись продолжить, только «если президент Эйзенхауэр принесет извинения Советскому Союзу за провокацию Пауэрса».

«Подобных извинений я приносить не намерен, так как ни в чем не виноват», — тихо, но твердо ответил американец. Заверив, что разведывательных полетов больше не будет, он отказался обсуждать этот вопрос в присутствии других сторон. Хрущев язвил: кто же все-таки заставил Белый дом возобновить полеты? Демонстративно покинув зал, он пыхтел и возмущался в гостиничном номере. Опытный Громыко — он и послом в Вашингтоне был, и в ООН в Нью-Йорке заседал — пытался убедить Хрущева посмотреть на проблему рационально. «Это отличный шанс заставить их услышать нас по Берлину», — утешивал министр иностранных дел. Но Никита Сергеевич кричал, что не позволит с собой так обращаться, и возмущался «двуличием» де Голля, который, согласившись, что «Эйзенхауэр не прав», в интересах дела предложил это ему

простить «как нашалившему ребенку». Андрей Андреевич повернулся к Нине Петровне и взмолился: «Сделайте что-нибудь. Накапайте ему валерьянки». «Что я могу сделать, — пожала она плечами. — Вы министр, вы и капайте».

Эпатируя заседания четверки, Хрущев вместе с министром обороны Малиновским отправился искать французскую деревню, где Малиновский, будучи солдатом Русской императорской армии, сражался на Западном фронте во время Первой мировой войны. А на последней бурной пресс-конференции первый секретарь нарочно вспомнил о своей пролетарской молодости, когда у него руки чесались «вступить в борьбу с врагами рабочего класса».

Гнев Никиты Сергеевича легко понять. СССР был унижен, он сам дискредитирован. Если не реагировать жестко, консерваторы в Москве и Пекине воспримут этот инцидент как доказательство его преклонения перед Вашингтоном. Он уже и так рисковал, вступив в переговоры с Западом.

В Советском Союзе началась новая антиамериканская кампания, возглавленная самим первым секретарем. «Читать газеты все неприятнее... Запорожская брань Хрущева против «империалистов». <...> А дела, видно, запутываются все больше», — писал в своем дневнике критик и заместитель Твардовского по «Новому миру» Владимир Лакшин. Проблема была уже не в Белом доме, а в том, что постоянные вспышки кремлевского лидера стали вызывать отрицательную реакцию и дома, и за границей.

Срыв парижского саммита не сохранил отношений с Мао. Пекин требовал от Кремля военного отпора за американские оскорбления; вместо этого Москва вела себя «не по-революционному», сосредоточившись на потребительских товарах и материальном изобилии. «Если людям обещать только революцию, они в конце концов спросят: а не лучше ли съесть хорошего гуляша?» — защищал свою позицию Хрущев. Отношения накалялись. Москва вывела полторы тысячи своих специалистов из Китая и вскоре прекратила отношения с прокитайской Албанией, а Пекин ответил расторжением торговых соглашений с Чехословакией, верной СССР.

«**Эйзенхауэр был потрясен, когда Хрущев представил доказательства американского шпионства: не только самолет, но и живого пилота**»

Гэри Пауэрс в зале суда

nytimes.com

С БОТИНКОМ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Рейс мира

Хрущев все больше убеждался, что должен разоблачить Америку лицом к лицу — принять участие в XV сессии Генеральной ассамблеи ООН 1960 года. Чтобы иметь больше времени отточить яд своих слов, он решил отправиться в Нью-Йорк морем из Калининграда, на пароходе «Балтика» (бывший «Вячеслав Молотов»). Руководители соцстран — Кадар, Гомулка, болгарин Тодор Живков, Антонин Новотный из Чехословакии и другие — присоединились к этому путешествию, названному «Рейсом мира», чтобы показать империалистам, кто на самом деле заботится о мирном сосуществовании.

Узнав об этом, в Нью-Йорк потянулись Неру из Индии и другие лидеры. Макмиллан собрался повидать «своего друга Хрущева». Поехал и Фидель Кастро, недавно возглавивший освобожденную Кубу. Вскоре после свержения проамериканской военной диктатуры Фульхенсио Батисты 1 января 1959 года Советский Союз установил отношения с правительством Кастро, и в феврале 1960 года Микоян посетил остров. Он вернулся полный энтузиазма по поводу 30-летнего команданте; атмосфера революционной Гаваны напомнила Анастасу Ивановичу его молодость в революционном Баку. А в июле 1960 года брат Фиделя, Рауль, приехал в Москву для обсуждения торговых связей.

«Балтика» отплыла в Нью-Йорк 9 сентября, и десять дней Хрущев не только работал над речью, он был примерным пассажиром. Играл в игры, предлагаемые корабельной администрацией, смотрел фильмы и приходил на завтраки, обеды и ужины. К концу путешествия практически все свалились с морской болезнью, но мощному организму Никиты Сергеевича все было нипочем. Оставшись один в обеденном зале, он обсуждал с персоналом международное положение, а его

любимым препровождением времени стали прогулки по палубе — при выходе в открытое море он с особым удовольствием наблюдал за проходящими из Кубы судами. Их задача была не оставлять «Балтику» без присмотра: кто знает этих империалистов, потопят весь цвет мирового коммунизма перед заседанием ООН и скажут — несчастный случай. Другим его занятием была английская палубная игра «шаффлборд», в которой игроки палками передвигают диски по клеткам. Первый секретарь так увлекся, что всех заставлял в нее играть. Пока Янош Кадар не свалился от тошноты, он тоже с удовольствием гонял диски. Даже чинный Громыко несколько раз вышел на палубу поразвлечься.

Корабль без приключений доплыл до Нью-Йорка, но рабочие дока, и так самого обшарпанного и заштатного, вообще отказались пришвартовывать «врагов». Вместо этого они поддерживали выкриками протестов крутящийся вокруг маленький корабль с демонстрантами и плакатами: «Красные, убирайтесь домой!»

Антиколониализм в Нью-Йорке и загадочный ботинок в ООН

Худо-бедно выгрузившись, советская делегация приехала в особняк советской миссии ООН на Парк-авеню. Хрущеву сказали, что сейчас американцы враждебно настроены и для его же безопасности он не сможет покинуть дом на углу 68-й улицы без разрешения служб США. Но визиты разрешались, и в тот же вечер его навещил «брат» Фидель, поселившийся в Гарлеме на 125-й улице в дешевой гостинице «Тереза» — ее еще называли «Астория Гарлема», — чтобы привлечь внимание к проблемам расизма

в Америке». К возмущению пикетчиков и охраны, Хрущев вышел из дома с распростертыми объятиями и расцеловал одетого в оливковую военную форму команданте — тогда еще большего врага капитализма, чем даже советский премьер.

На следующее утро задолго до завтрака Никита Сергеевич с балкона начал общаться с прохожими на Парк-авеню. Собралась толпа, приехали журналисты. Суходрев, присоединившийся к своему боссу, переводил. Три недели, пока Хрущев находился в городе, он начинал свой день с обмена мнениями с репортерами. Они с ночи собирались на тротуаре; на зеленой полосе, разделяющей движение на проспекте, раскладывали стульчики и спальные мешки.

Анна Такерманн, корреспондентка агентства «Франс Пресс», которая освещала ООН с 1945 по 1983 год, рассказывала, что за всю ее карьеру та сессия с Хрущевым была самой запоминающейся, а советский лидер самым колоритным. Купив на собственные деньги мешок — редакция эту инициативу не поддержала, — Анна приходила в полночь, пока еще оставались свободные места на решетке метро, от которой поднимался теплый пар, и засыпала до утра. Ровно в шесть премьер появлялся на балконе в сопровождении заспанного переводчика и объяснял собравшимся ошибки их буржуазного образа жизни.

Нью-йоркские знакомые мне не раз показывали этот балкон и рассказывали легенды о тех встречах — для журналистов это действительно было самое веселое время. Хрущев был неиссякаемым источником для репортажей. Один заголовок «Нью-Йорк Таймс» вопрошал: «Почему все хорошее такое скучное, а все злое такое интересное?»

Однажды вопреки запретам городских властей советский премьер отправился в Гарлем к своему «кубинскому брату» Кастро. Прибытие черного советского лимузина наделало много шума — там такого не видели никогда. Еще больший

скандал вызвало то, что в этом бедном и формально нерегулированном районе Нью-Йорка они щипали кур, жарили на костре прямо на улице и кормили всех желающих. (Кстати, такие сцены в Гарлеме можно увидеть до сих пор.) Этот скандальный эпатаж невероятно раздражал белый истеблишмент и города, и страны. Хрушев именно этого и добивался — привлечь внимание к неравенству в США, где до антирасистских протестов

спокойный Громыко, следуя его примеру, тоже колотил по столу. Неизменное присутствие Кремля на каждом заседании не давало расслабиться руководителям других государств. Теперь нельзя было просто выступить и уехать; они должны были сидеть в зале и реагировать. Приходили посмотреть на «ураган Никиту» — так его окрестили пресса и окрестные дипломаты, — а Хрушев еще больше расхотелся от растущей аудитории. Эти шоу стали

бы на крышах чирикают», — пошутил он к удовольствию представителей бывших западных колоний, присутствовавших в зале.

Тема освобождения народов Азии и Африки была важна для него. Еще до разборок с Западом весной 1960 года в феврале Хрушев побывал в длительной поездке по Азии, посетив Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан.

Как обычно, с ним ездили члены семьи. Нина Петровна на этот раз осталась в Москве, но поехала 20-летняя мама Юлия, которая тогда писала свои первые статьи. Одна — «Восток в первый раз» — вышла в апреле в «Труде» и рассказывала о впечатлениях девушки, впервые увидевшей Тадж-Махал, о ярких цветах Индии, о том, с каким восторгом там принимали фильм 1957 года «Летят журавли» Михаила Калатозова — огромные портреты Татьяны Самойловой в главной роли были развешаны повсюду. (Почему-то ходят слухи, что Хрушеву фильм не нравился, но, по домашним свидетельствам, это совсем не так.) В тексте нигде не сказано, почему молодой автор вдруг оказалась в этих экзотических странах. Читатель мог только догадываться. Статья была подписана той же фамилией, что и фамилия первого секретаря, о визите которого недавно трубили газеты.

По аналогии «Лицом к лицу с Америкой» после поездки Аджубей выпустил глубоко пропагандистский, но захватывающий обзор — двухтомник «Разбуженный Восток». Остроумный русский народ не преминул ответить на это шуткой: «Хрушев собирается в космос лететь. Но обязательно с Аджубеем, чтобы тот описывал его подвиги. В корабле место ограничено, и ему предлагают послать одного Аджубея, ведь он и так все как надо сочинит. «Хорошая идея», — отвечает Хрушев».

Целью визитов в Азию и 1955, и 1960 года было показать достижения социализма и убедить постколониальные страны, что техническая помощь от СССР лучше, чем «эксплуаторские» обещания Запада о рыночном капитализме. Официально «движение неприсоединения» и неучастия в военных блоках, которое основали его интернациональные друзья из Индии, Югославии и Египта — Неру, Тито и Насер, — войдет в силу только в 1961 году. Во многом успех этого движения был обусловлен поддержкой первого секретаря, который начал продвигать его основные принципы — антиимпериализм и антиколониализм — еще в 1955 году.

SuperStock RM / DIOMEDIA

С Фиделем Кастро

стов Мартина Лютера Kinga в Джорджии и Алабаме и его многотысячного «марша на Вашингтон» оставалось несколько лет.

Но вскоре и этот эпатаж померк по сравнению с последующими действиями советского премьера. Он появлялся на всех заседаниях сессии ООН, хотя Громыко не раз объяснял, что лидеры приходят только на свои выступления. Хрушев же ежедневно приезжал к 11 утра и, входя в полупустой зал, бурно возмущался, что так демократия работать не может. Не сдерживаясь, он критиковал британского премьер-министра Макмиллана, когда тот винил его за недавний провал парижского саммита. Он кричал на испанскую делегацию, когда она не одобряла его выступления. Он свистел и стучал кулаками по столу заседаний советской делегации, и обычно

такими популярными, что здание ООН на Первой авеню пришлось вообще закрыть для посетителей до конца ассамблеи.

23 сентября первый секретарь выступил с двухчасовой речью. Он громил империалистов за отказ принять его предложения о разоружении, возмущался Эйзенхауэром, который, выступая до него, не упомянул U-2. «Наверное, забыл, — саркастически заметил Хрушев. — А ведь такие полеты могут ввергнуть человечество в третью мировую войну». Он поддержал Кубу — эту «жертву Америки», и потребовал от ООН подписать «декларацию о предоставлении независимости колониальным и зависимым странам и народам». «Весь мир знает, что самая империалистическая держава, которая поддерживает колониальные режимы, это Соединенные Штаты. <...> Все воро-

С БОТИНКОМ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА

Посталатинское государство «мирными» методами не только расширяло сферы влияния СССР, но и разоблачало «лицемерие» Запада. В ООН Хрушев предложил перевести штаб организации в Москву, подальше от американского давления. Вместо одного генерального секретаря, Дага Хаммаршельда, он «для справедливости» настаивал на тройке руководства секретариатом Объединенных Наций — коммунистов, капиталистов и неприсоединившихся стран. Хаммаршельд до этого приезжал в Советский Союз, и они хорошо ладили, но теперь Хрушев обвинил его в предвзятости к социализму и защите интересов стран «монополистического капитала».

СССР был практически первым государством, признавшим независимость Ганы в 1957 году и бывшей французской Гвинеи в 1958-м. В 1960-м независимыми стали все французские и бельгийские колонии в Черной Африке. Но когда был убит премьер-министр Конго и лидер радикального антиимпериализма Лумумба, ООН во главе с Хаммаршельдом не сделала ничего для его защиты, хотя убийство произошло не без раскачивания западных держав. Хрушев это осудил и также заступился за «красный» Китай, который оставался в ООН без места. Не потому, что он был на стороне Мао, а ради справедливости — ведь фашистская Испания была в Организации представлена!

Зал был переполнен. Многие слова в выступлении советского премьера слушатели встречали аплодисментами, особенно представители недавно зависимых государств. Тогда же была принята и декларация о ликвидации колониализма, и Советский Союз, и Хрушев в первую очередь, сыграли здесь решающую роль. Но все эти важные темы меркнут по сравнению с тем, что по прошествии времени стало считаться главным событием

той сессии: стучал или не стучал Никита Сергеевич своим ботинком.

12 октября, почти перед самым отъездом из Нью-Йорка, он опять наскокивал на колониализм. В ответ с трибуны представитель Филиппин сенатор Лоренцо Сумулонг назвал восточноевропейскую политику СССР — события в Венгрии и аннексию Прибалтики — таким же колониализмом.

и одобрительный смех, и возгласы возмущения переросли в неконтролируемый гул. Хрушев и раньше обзывал капиталистические страны «холуями» и «лакеями» империализма, но сейчас он непростительно оскорбил бывшую колонию, которая в публичном сознании считалась примером великодушия американской демократии.

Как получилось, что ни один из десятков журналистов, там присутствующих, не сумел сделать фотографию такого важного момента?

Хрушев спустился к подиуму и, отодвинув оратора, назвал его «холуем американского империализма». Допустив, что выступавший совсем неплохой человек, он саркастически заметил, что «независимость Филиппин <...> это бог знает что за независимость, ее надо хорошенько в лупу рассматривать». (Действительно, после освобождения от японской оккупации в 1945 году эта бывшая колония США осталась во многом им подотчетна.) Перевод включили не сразу, и хотя присутствующим было понятно, что он ругался, не было понятно почему. Председательствующий чуть не разбил молоток, призывая к порядку, а снова надменный Макмиллан невозмутимо произнес: «Ради бога, переведите, что он там несет».

Высказавшись, Хрушев вернулся на место, не потеряв присутствия духа. Обиженный филиппинец попытался закончить свою речь, но безуспешно —

Дальше истории разнятся. 13 октября несколько журналистов в одной только «Нью-Йорк Таймс» представили три версии. В первой Хрушев, отвечая на слова филиппинца, стучал ботинком дважды; во второй — он стукнул один раз; в третьей — он этим ботинком только взмахнул. В той, где стучал дважды, была даже деталь о том, как Хрушев и Громыко переглянулись с удовлетворением, хотя журналисты сидели далеко в кабинках и никаких взглядов видеть не могли.

Те, кто присутствовал на том заседании, дебатировали происшедшее много лет спустя: кто-то говорил, что обуви вообще не было, кто-то — что была. Фоторедактор журнала «Лайф» Джон Лонгард настаивал, что Хрушев «не мог стучать ботинком, потому что все фотокамеры были направлены на него. И не зафиксировать такой момент было бы серьезным профессиональным просче-

Хрущев на трибуне ООН

том». Как получилось, что ни один из десятков журналистов, там присутствующих, не сумел сделать фотографию такого важного момента? Анна Такерманн из агентства «Франс Пресс» о ботинке не писала и не рассказывала. А дядя Сергей запросил съемки Эн-би-си и Канадской вещательной корпорации, на что обе компании ответили, что снимков и записей с ботинком не обнаружено. В свою очередь, «Нью-Йорк Таймс», сопровождая статью о стуке, опубликовала фотографию с ботинком — бежевой летней сандалией с ремешками на резиновой подошве, — стоящим на столе перед Хрущевым, но не в его руке. То есть ботинок был, но стука не было.

Правда, переводчик Виктор Суходрев не раз упоминал о стуке и в интервью, и в своих воспоминаниях, но моя мама Юлия, которая с ним дружила, вспоминала, что эти рассказы появились позже.

Сам Хрущев, надиктовывая мемуары, тоже говорил о ботинке. Якобы по официальному дипломатическому протоколу, если страны считали себя «оклеветанными», им полагалось выразить протест выходом из зала. Но Хрущеву это показалось недостаточным, и, вспомнив эсеровскую молодость, он последовал примеру депутата от социал-демократов в Императорской Думе Григория Петровского. Петровский часто свистел и кричал, чтобы сорвать дебаты враждеб-

ного «буржуазного» собрания. Решив поступить так же, премьер так сильно стучал кулаком по столу, что у него упали часы, и, наклонившись, чтобы их поднять, он внезапно подумал, что, если он ударит ботинком по столу, он может вызвать еще больший ужас. Трояновский и Аджубей, которых, правда, там не было, эту версию подтверждают.

При этом одна из обслуживающих ту ассамблею женщин настаивала, что из-за живота Хрущев просто не мог бы нагнуться под стол. По версии Сергея, дело было не в часах, а в том, что, когда Хрущев подходил к месту советской делегации, идущий сзади наступил ему на ногу, и сандалия соскочила. За ним шли люди, он не мог остановиться, и потом кто-то из обслуживающего персонала принес ее и положил на стол.

После многолетнего исследования этого инцидента я думаю, что, если он и взял ботинок в руку, все-таки им не стучал. А когда американцы стали эту историю раздувать, пожалел об этом. Их занимала хрущевская обувь еще в 1953 году, когда, описывая «новое направление России», они первый раз поместили его на обложку журнала «Тайм» с подзаголовком: «Коммунист Хрущев: супербомбы и удобная обувь».

В 1960-м пресса не упустила случая его еще больше демонизировать по формуле Чехова — если на стене висит ружье,

оно должно выстрелить. Раз ботинок есть, он должен стучать. Без этого события характер «урагана Никиты» остался бы неполным. Хрущев же присвоил себе стук, чтобы еще больше усилить свой эпатаж. Он с негодованием наблюдал на Генеральной ассамблее превосходство западных государств, которые, несмотря на корректную риторику, считали социалистические и развивающиеся страны гражданами второго сорта. На такое лицемерие и ботинком стукнуть не грех.

На сандалию с юмором отреагировал министр иностранных дел Австрии Бруно Крайский, будущий канцлер. Утром 13 октября, когда вся Америка разворачивала газету «Нью-Йорк Таймс» с историей — историями — о шокирующем инциденте, Крайский прислал своему давнему знакомому увесистую посылку с запиской: если тот захочет закрепить свои аргументы обувью, надо использовать вот такую. В коробке лежали горнолыжные красно-белые ботинки цветов австрийского флага. Хрущев очень веселился от такого подарка и проникся еще большей симпатией к остроумному министру.

Нина Хрущева

Простые вещи

Клариса
Пульсон

Чего ты хочешь? Денег, власти, славы... Чего ты хочешь на самом деле? Свободы, справедливости, мира во всем мире... А

если совсем откровенно, с точки зрения вечности? Любви, понимания, покоя... Герои книг, о которых сегодня пишет Клариса Пульсон, отвечают на этот вроде бы совсем простой вопрос. Книги разные и написаны в разное время — от 1939-го до 2024-го. От ответа зависит не только настоящее, но и будущее. Будущее, которое уже наступило, и то, что пока смутно маячит в тумане настоящего.

Айзек Азимов. Великие научно-фантастические рассказы 1939:

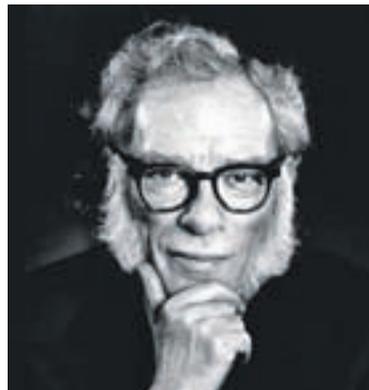
Сборник / Перевод с английского. — М.: Дом историй, 2024.

То, что они хотели знать о будущем, и не боялись фантазировать.

Радость, почти нечаянная, для истинных любителей классической фантастики. В названии использовано громкое слово «великие», точнее было бы назвать «значимые». Значимые тогда — для развития жанра и формирования умонастроений, сейчас — для оценки тогдашних «видов на будущее» и всяческих полезных размышлений о нашем самом лучшем из миров.

При чем тут Айзек Азимов и почему именно 1939 год? Чего хотели люди 85 лет назад?

Когда в 1939 году Джон Вуд Кэмпбелл стал главным редактором легендарного журнала *Astounding Science Fiction*, он понимал, что мир меняется и фантастике нельзя отставать. Прежние авторы старались прежде всего развлекать публику, часто пренебрегая логикой, последовательностью, связностью повествования, нагромождая нелепости для развития забуксовавшего сюжета. Пора, решил новый редактор, искать новых авторов, которые смогут, развлекая, просвещать, принимать во внимание изобретения и открытия, учитывать социальные реформы, изменения языка, эстетики, системы

Соцсети

В рассказах будущих классиков много-много космоса, научных прорывов, психологических экспериментов, игр с реальностью и всего, чем будет жить жанр все следующее столетие. Одно чисто субъективное наблюдение: та фантастика образца 1939 года — после их

общественных отношений. Кэмпбелл, по образованию физик-ядерщик, требовал от своих авторов правдоподобия, иногда заставлял переписывать многообещающий текст несколько раз подряд. Тиран! Деспот! А что делать, иногда без твердой руководящей руки не обойтись.

Компания в результате подобралась отменная — Клиффорд Саймак, Генри Каттнер, Роберт Хайнлайн, Теодор Старджон, Лайон Спрэг де Камп, Альфред ван Вогт... Первый рассказ девятнадцатилетнего Айзека Азимова увидел свет там же, тогда же. Много лет спустя мэтр стал редактором корпуса текстов, где собрал двадцать самых лучших, на его взгляд, звездных рассказов со товарищей первого призыва. Более того, каждый откомментировал с уважением и любовью. Читать эти маленькие эссе — отдельное удовольствие.

Великой депрессии и накануне Второй мировой и Великой Отечественной — гораздо мягче, гуманнее нынешней. Современная циничнее, кровавее, мрачнее, бесчеловечнее. А еще говорят, нравы смягчаются.

«...Самое глупое предположение из всех когда-либо сделанных: что сотворенный человек должен обязательно восстать против своего создателя, против человечества, из-за отсутствия у него души... Ближится рассвет. Я знаю, что мне не на что надеяться. Вы окружили меня, отрезали путь к бегству. Ваша жгучая ненависть все растет. Ее утолит только одно — моя смерть. Я не настолько сильно поврежден, чтобы мне не хватило сил и мощи прорваться сквозь ваши ряды и избежать этой участи. Но это будет стоить нескольким из вас жизни. И именно поэтому я держу руку на выключателе, который одним щелчком может оборвать мою жизнь. Как иронично, не так ли, что я обладаю теми чувствами, которых, как вы уверены, у меня нет?»

Так написал Адам Линк, герой рассказа Эндю Биндера «Я, робот». Адам — мы же понимаем, почему он носит имя первого человека, — прямой потомок Голема и

Франкенштейна и предшественник всех будущих роботов. Отчасти благодаря ему Айзек Азимов через три года сформулировал три знаменитых закона робототехники. Робот Адам Линк способен чувствовать, наделен самосознанием и душой. Вполне ли человеческой — другой вопрос. Нынче мы каждый раз думаем об этом, сталкиваясь со все новыми проявлениями ИИ.

Все правильно, развитие идет по спирали, сейчас мы на очередном, возможно, самом крутом ее вираже. Куда вывезет эта кривая?..

Чего мы на самом деле хотим от будущего?

Кстати, для искусственного интеллекта пока никто и не попытался создать свод этических правил. Отстаем.

Есть очевидный смысл оглянуться и прислушаться к голосам без малого столетней давности.

Арундати Рой. Министерство наивысшего счастья:

**Роман / Перевод с английского
Александра Анваера. —
М.: АСТ, 2019.**

Э тот незаурядный, важный и для литературы, и для понимания современного мироустройства роман вышел несколько лет назад — и остался не то чтобы совсем незамеченным, но точно недооцененным.

Прекрасная, ужасная, пугающая древняя мудрая Индия, с ее сплетением трудно-разрешимых, а то и вовсе не разрешимых социальных, религиозных, политических проблем — важный опыт для нас нынешних. Арундати Рой не предлагает готовых

решений, да их и нет. Что есть? Есть вера в то, что человек может остаться человеком в любых условиях и при любых обстоятельствах. Если захочет.

На излете прошлого века писательница получила Букеровскую премию за дебютный роман «Бог мелочей». В нем рассказана красивая трагическая мелодраматическая история с автобиографическими мотивами: героиня, как и сама Арундати, родилась в обеспеченной христианской семье, детство прошло в штате Керала, где семья отца владела чайной плантацией. После блестящего старта публика ждала продолжения. Однако следующие два десятка лет была не литература, а борьба, участие во всевозможных политических и экологических акциях, пламенные публицистические статьи и даже съемки в кино (второй муж — режиссер, и сама она — необычайно красивая женщина).

Вторая долгожданная книга Арундати Рой «Министерство наивысшего счастья» вызвала удивление и даже разочарование. Ждали другого.

Во-первых, «Министерство...» совершенно не похоже на «Бога мелочей». Это не традиционная семейная сага в постколониальных декорациях, понятная и привычная западным читателям. Тут все сложнее и гораздо более неоднозначно. Начиная с главной героини. Анджум, героиня «Министерства...», — хиджра, женщина, родившаяся в мужском теле. Для Индии это не такая уж редкость, там подобные люди — органичная часть культуры и социума. У хиджр своя ниша, их уважают, они желанные гости на празднествах, особенно свадьбах. Обидеть, тем более убить хиджру — грех. Поэтому Анджум несколько раз спасается в смертельно опасных обстоятельствах.

Во-вторых, в романе, как показалось публике, слишком много политики и насилия. Того, что постоянно звучит в новостях, того, что можно назвать сиюминутным, слишком много того, что на первый взгляд актуально исключительно для Индии с ее уникальной этнической и религиозной спецификой. При этом все собранные в сюжете события реальны, можно проверять по газетам.

Даже экзотические реалии, столь любезные сердцу почитателей Рушди и цветистой индийской экзотики «для туристов», у неко-

торых вызывают досаду. Для сосредоточенной на всевозможных удобствах западной публики слишком «негигиенично», раздражающе, некомфортно. Странные персонажи с непонятной логикой, их убогое нищенское существование, все эти опасные сепаратисты,

а еще откровенно левые взгляды автора. Некомфортно, начиная с посвящения — «Безутешным».

Некомфортно и еще от того, что «Министерство наивысшего счастья» — мощный, страстный, талантливый, искренний текст. Про самое важное.

Про то, как на наших глазах меняется мир. И нас никто не спрашивает.

Как разрушается вечное. Вечное ли?

Про свободу, смерть, жизнь и любовь. Именно в таком порядке. Свободу выбора. Смерть как часть жизни. Про истинную любовь — насколько пронзительно разной она бывает. И о том, что иногда в этом лучшем из миров кладбище становится истинным раем для живых.

А еще про очищение через страдания.

Чего хотят безутешные? Наверное, покоя. Пока не вечного, покоя здесь, в земной юдоли.

Алексей Поляринов. Кадавры:

**Роман. — М.: Эксмо,
INSPIRIA, 2024.**

Ч его мертвые хотят от живых? В самом начале Миллениума по всей России стали появляться странные объекты. При ближайшем рассмотрении стало понятно — это дети, неживые, неподвижные, нетленные. На лесных опушках и чащобах, в болотах и пещерах, в чистом поле и на обочинах дорог, некоторые особенно «везучие» граждане обнаружили мумифицированные тела под своими окнами. Вчера еще не было, а наутро... Откуда, почему?.. Власти, как водится, сначала все отрицали, пытались спрятать, уничтожить. Единственной реакцией кадавров на внешнее воздействие стали выбросы соли. Чтобы не смущать народные массы страшными словами, мертвых детей назвали мортальными аномалиями. Они обросли байками, приметами, легендами, страшилками и прочими мифами. Их стали изучать, потом изучать запретили. Минуло почти три десятка лет...

Сюжет стартует как типичная американская руд-стори про зомбаков и героев. Но тут не зомбаки и не герои. Даша (сороковник, больная спина, седину не закрашивает, последние пять лет прожила в Берлине) и ее старший братец Матвей (крупный мужчина, по сути — мелкий гаденьш, всегда таким был и остался) колесят по дорогам бывшего Черноземья.

Соцсети

Соцсети

Бывшего потому, что под воздействием постоянных выбросов жирная шедрая земля больше не родит, сплошные солончаки. К тому же эти места уже не совсем и Россия, а ОРКА — «объединенная российско-китайская администрация», результат «мирной экспансии», как объяснено в книге. До отъезда Даша работала в институте, изучавшем моральные аномалии, деятельность которого резко пресекли, а руководительницу осудили и посадили. Теперь Даша, вооруженная китайской визой и надлежащим образом оформленными документами, ненадолго приехала с исследовательской миссией. Она перемещается от трупа к трупу, из багажника извлекается аппаратура, объект фиксируют во всех деталях. Это первая часть миссии. Вторая, не менее важная — свидетельства очевидцев. Свидетельства поразительны: люди включили трупа в свою жизнь. Естественный страх и отвращение уступили место равнодушию, привычке, вечному раскаянию. Даже корысти. На мертвых детях тоже можно зарабатывать, а что, от них не убудет.

Метафора — мертвые дети посреди обыденности, постоянное рутинное взаимодействие с «открытой» смертью — очень сильна. Это прошлое, с которым не разобрались, которое отравляет настоящее и угрожает будущему. Это образ, манифест, высказывание. Но не роман. Тем более не антиутопия, неотвратно требующая создания оригинального проработанного мира с определенной логикой, точной системой координат, с соблюдением правил игры. Иначе антиутопия не работает, и вся затея теряет смысл. Всего этого — своего мира, внутренней логики в «Кадаврах» нет. Роман как сюжет заканчивается, не миновав и середины. Автор не придумал, что делать с метафорой. Две трети книги — езда в никуда, без развития, без идеи, не спасают шокирующие сцены и техничная стилизация. Финал открытый, чисто технический, по сути, никакой.

Мы так и не узнаем, чего мертвые хотят от живых.

Возможно, нам сознательно оставили свободу придумать собственный ответ. Если так и задумано — то ок.

Если решите читать — выбирайте аудиовersion. Она выше всяких похвал.

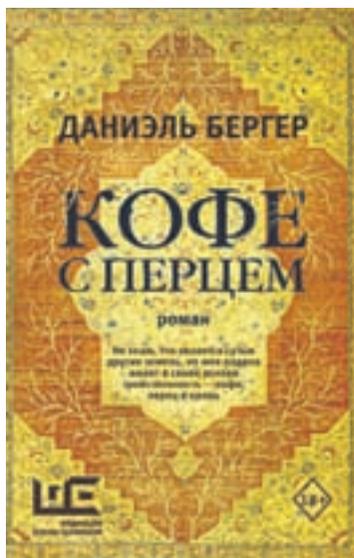
Даниэль Бергер. Кофе с перцем:

Роман. — М.: РЕШ, 2024.

Даниэль Бергер — кино-режиссер и продюсер из Кыргызстана, молодой, слегка за тридцать, пишет по-русски. Возможно, эти детали биографии и не очень важны, но точно полезны для понимания. В прошлом году вышел дебютный сборник рассказов «О нечисти и не только». Сейчас можно точно сказать, что «проклятие второй книги» автор успешно преодолел.

Кофе с перцем — лейтмотив, вкус, аромат, повод и причина. С него все начинается, им — по всей вероятности — и закончится.

Фарук — хороший повар, любящий муж, достойный человек, он видел в жизни разное, поэтому глобальных планов не строит. Зачем ему глобальные, если есть скромная мечта: своя маленькая, на несколько столиков кофейня. Важно, чтобы в хорошем месте, для тех, кто понимает и ценит. Само собой, в его уютном заведении будет отличный кофе, не просто отлич-

Соцсети

ный, уникальный — его фирменный кофе с перцем. Такой умеет готовить только он один, это его талант, дар, это больше чем напиток. Сделав глоток-другой, человек открывается, раскрывается, познает мир и немножко себя. Фарук не витает в облаках, мечтает деятельно, ищет инвестора, самому не потянуть. Понимающие люди, с которыми он поделился идеей — они пробовали его кофе, знают, о чем речь, — посоветовали обратиться к богатому старику, почти олигарху по нашим меркам. Но станет ли такая влиятельная персона возиться с таким ничтожным предприятием... Старик, скорее похожий на джинна из «Тысячи и одной ночи», чем на акулу бизнеса, внимательно выслушал Фарука и задал один простой вопрос: «Чего ты хочешь?»

Этот вопрос, как узнаем позже, он задает всем просителям, вереница которых пройдет перед нашими глазами. Не каждый способен внятно ответить. Отговориться чем-то необязательным не получится, не прокатит, придется ответить честно. Старик поспособствует исполнению только самого сокровенного. И за это точно придется расплачиваться.

Фарук с его скромной кофейней — не единственный герой, даже не главный, персонажей несколько. Они не знакомы, до поры до времени друг с другом не связаны. Их судьбы сплетаются в затейливый восточный узор, куда искусно вплетена история современной Турции со всеми ее сложными политическими коллизиями. И это не частная история одной страны, это, как всегда в историях, разрывающих ткань реальности, размышления о жажде власти, природе ненависти и насилия, любви, мести, справедливости.

«Кофе с перцем» — магический реализм без магии. Есть мир — жестокий и страшный, наполненный поэзией и красотой. Он так устроен. Люди совершают ужасные поступки, автор их не судит, наблюдает вместе с нами. Кто мы, чтобы их судить?

«Кофе с перцем» — роман-притча. Точнее, четки из притч, нанизанные на оригинальный замысел, которые оживают, касаясь друг друга. Что возникает от этого даже самого легкого касания? Искра страсти, взрыв, трагедия, катастрофа, новая жизнь...

Дочитавший книгу до последней страницы будет вознагражден прекрасным открытым финалом, лучшим за последние годы.

Клариса Пульсон

Что в следующем номере?

- КТО НА САМОМ ДЕЛЕ РАЗВАЛИЛ
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Архивные документы о подготовке
путча августа 1991 года руководством
КГБ и другими участниками ГКЧП:
материалы следствия,
свидетельства участников,
покаянные письма.

ГОРБИ
GORBY

